

Право между Востоком и Западом

№ 2 / 2026

Журнал издается при поддержке
Фонда благодарных выпускников
Международно-правового
факультета МГИМО

Главный редактор

Толстомятенко Г.П., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Малиновский А.А., д.ю.н., доцент
Платонова Н.И., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Осина Д.М., к.ю.н.

Редакционная коллегия:

Абдуллин А.И., д.ю.н., профессор
Арзуманова Л.Л., д.ю.н., профессор
Баранов В.М., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Васильева Т.А., д.ю.н., доцент
Волеводз А.Г., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Гаврилов В.В., д.ю.н., доцент
Грачева Е.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Захарова М.В., д.ю.н.
Зинковский С.Б., к.ю.н., доцент
Кравец И.А., д.ю.н., профессор
Монастырский Ю.Э., д.ю.н.
Носырева Е.И., д.ю.н., профессор
Ображиев К.В., д.ю.н., профессор
Покачалова Е.В., д.ю.н., профессор
Рыжкова Е.А., к.ю.н., доцент
Сайдов А.Х., академик Академии наук
Узбекистана, д.ю.н., профессор
Сидоренко Э.Л., д.ю.н., профессор
Скворцов О.Ю., д.ю.н., профессор
Трикоз Е.Н., д.ю.н., доцент
Троицкая А.А., д.ю.н., профессор
Трошинский П.В., к.ю.н.
Церковников М.А., к.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Корректурa: Воробьева Н.Н.

Верстка: Курукина Е.И.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 12,5.

ISSN 3034-2953

Номер подписан в печать: 09.06.2026.

Номер вышел в свет: 18.06.2026.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного
разрешения авторов статей или
редакции преследуется по закону.

Учредитель: МГИМО МИД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Фаринелла Фавио. Судебный суверенитет
против международного права: как Верховный
суд Аргентины контролирует действительность
международных договоров 2

Солнцев А.М. Проблемы имплементации
в национальных правовых системах
компенсации и сокращения выбросов углерода
для международной авиации (CORSIA)..... 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ

Скворцов О.Ю. Принцип международной
грубости 24

Тариканов Д.В. Конфликт квалификаций
при необходимости обращения в суд
для расторжения договора в международном
частном праве 32

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Трикоз Е.Н. Система традиционных ценностей
в Индии и правовые средства их защиты 48

Лаптева А.М. Роль национального (внутреннего)
законодательства в формировании
инвестиционных режимов стран —
участниц ЕАЭС 61

СРАВНИТЕЛЬНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Курьиндин П.А. Понятие административного
акта во Франции: определение, классификация,
особенности вступления в силу 72

Хамедов И.А. Конституционные основы
современного административного права
в Республике Узбекистан 80

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Килинкарова Е.В. БРИКС и межгосударственное
сотрудничество по вопросам налогообложения:
есть ли шанс на интеграцию? 87

Судебный суверенитет против международного права: как Верховный суд Аргентины контролирует действительность международных договоров

Фаринелла Фавио,
директор Центра по исследованию международного права
и региональной интеграции Университета Насьональ де Мар-дель-Плата,
доктор права
ffarinella@mdp.edu.ar

В данном исследовании рассматривается механизм контроля Верховным судом Аргентины внутригосударственной действительности международных договоров посредством применения строгих доктринальных принципов. В исследовании утверждается, что Суд выстроил концепцию «комплексного федерального акта», требующего трех составляющих — подписания исполнительной властью, одобрения Конгрессом и ратификации исполнительной властью с международным депонированием — как обязательного условия (*sine qua non*) применения любого договора внутри страны. Посредством доктринального анализа знаковых дел, включая «Экмеджян» (1992) и переломное решение по делу «Асеведо» (2025), исследование устанавливает, что Суд отдает приоритет точному следованию конституционной процедуре, нежели идее правовой определенности, вытекающей из его собственных предыдущих прецедентов. Результаты выявляют судебную стратегию, которая наделяет Суд наивысшим авторитетом в вопросах применения международного права с возможностью определять юридическую действительность норм международного права до любого их применения по существу.

Ключевые слова: международные договоры, Конституция Аргентины, комплексный федеральный акт, имплементация международного договора, решение по делу «Асеведо», контроль конвенциональности, контрлимиты.

I. Introduction

The relationship between international law and domestic legal orders presents a persistent theoretical and practical challenge. Argentina's model, shaped by the 1994 constitutional reform and subsequent jurisprudence, offers a distinctive approach. It combines an ostensibly monist-friendly constitutional text with a jurisprudential practice that asserts strong judicial oversight.

This paper will first examine the formal procedure for incorporating international treaties into Argentine law, a process the Argentine Supreme Court of Justice

of the Nation (ASCJ hereinafter) has recently defined with rigorous formalism. Second, once the validity of an international norm is established, the paper will assess the complex hierarchy it occupies within the domestic legal order and the conditions for its application. Third, focusing on Argentina's commitments within the Inter-American System, the study will scrutinize the duty to comply with decisions issued by conventional organs, such as the Inter-American Commission and Inter-American Court of Human Rights (IACoMHR and IACtHR hereinafter). Finally, and crucially,

it will analyze the interpretive role of the ASCJ as the ultimate domestic authority that mediates, and often delimits, the execution and effect of these international obligations by invoking constitutional principles and domestic public order as counter-limits.

Through this framework, our paper argues that the ASCJ has constructed a strategic jurisprudence that embraces a qualified monism, one in which the primacy of constitutional law – as defined by the Court itself – remains the ultimate rule. The Court has deliberately built this primacy to affirm its own authority as the final interpreter of all law within Argentine territory, positioning itself as the indispensable gatekeeper. Its doctrine ensures that international law operates only within the channels and limits defined by the Argentine Constitution, according to the Court's own interpretation.

When the issues are framed in this manner, an inevitable doctrinal clash arises between the conventionality control doctrine developed by the IACtHR and the role of ultimate gatekeeper and interpreter of international law asserted by the Argentine Court. This jurisprudential reality leads to a fundamental problem that must be addressed through sustained judicial dialogue and other mechanisms.

II. The *Validity* of International Law: the Argentine Procedure for Incorporation

Under Argentina's 1994 constitutional system, the domestic status of international law is sharply defined by the legal nature of its sources. In most cases, the courts have recourse to international customs and general legal principles and apply them directly within the domestic jurisdiction¹. But as regards international

conventional law, the Argentine legal system subscribes to the doctrine of mediated incorporation, whereby international norms become part of domestic law by a process that is rigorously governed by the Argentine National Constitution, which mandates a formal, sequential series of acts by the political branches. This establishes what the ASCJ called a “complex federal act”. While the Argentine constitutional framework is formally open to international law, its operative procedure for incorporation functions as a gatekeeping mechanism that asserts domestic constitutional primacy. For an international norm to take effect internally, it must undergo validation via specific national procedures. ASCJ's jurisprudence confirms that this process is a constitutive constitutional requirement, not a discretionary formality.

The Argentine framework for integrating international law is thus defined by two core, interrelated components: first, a formalist procedure for incorporation, and second, a complex hierarchy that governs the normative standing of successfully incorporated treaties. As interpreted by the ASCJ, the constitutional procedure necessitates both negotiation, adoption of the final text and signing by the Executive, then congressional approval via law and the subsequent executive act of ratification and deposit, with the recent Acevedo case (2025) ruling confirming that the absence of either step renders a treaty domestically inapplicable.

This procedural rigor exists alongside a constitutional hierarchy that, in principle, elevates international law. The landmark 1994 constitutional reform, through Article 75(22) Argentine Constitution (AC hereinafter), granted a catalogue of

¹ Economides, C. (1993). The relationship between international and domestic law, European Commission for Democracy through Law

(Venice Commission), Strasbourg, Doc. CDL-STD(1993)006, p. 14.

human rights treaties and declarations constitutional rank itself, while placing all other approved treaties above ordinary federal laws. However, the ASCJ has consistently interpreted this elevated status not as a mandate for unqualified subordination to international bodies, but as a framework within which it exercises ultimate domestic interpretive authority. The Court has thereby constructed a jurisprudence of mediated incorporation, establishing core domestic constitutional principles -such as *res judicata* (*cosa juzgada*), the separation of powers, and due process of law as the ASCJ interpret them-, as substantive limits to the application and execution of international norms and decisions. Consequently, while the Argentine system is constitutionally open to international law, its integration is invariably filtered through the ASCJ's role as the guardian of the domestic constitutional order.

Furthermore, Argentina's integration into the international legal order includes its acceptance of the compulsory jurisdiction of several conventional judicial bodies, such as the International Court of Justice, the Inter-American human rights system, the WTO Dispute Settlement System, the MERCOSUR Settlement System, and the International Criminal Court. However, for reasons of greater legal dynamism and the volume of extant case law, our study will focus particularly on its pronounced engagement within the regional human rights framework. As a state party to the American Convention on Human Rights (ACHR hereafter), Argentina forms an integral part of the Inter-American human rights system and has explicitly accepted the compulsory jurisdiction of the Inter-American Court of Human Rights. This acceptance entails a binding international legal obligation to comply with the Court's judgments in cases to

which it is a party. The IACtHR, for its part, has developed a robust doctrine since the early 2000s known as "control of conventionality". This doctrine obligates all domestic authorities, especially judges, to ensure that national laws and practices conform not only to the text of the American Convention but also to its interpretation by the IACtHR, effectively making the Inter-American Court's jurisprudence a direct standard for domestic legal review.

This expansive interpretation of the IACtHR's role has generated a nuanced and sometimes tense dialogue with the ASCJ. The Argentine Court has articulated a parallel doctrine of its own, asserting that while the IACtHR is the ultimate interpreter of the ACHR at the regional level, the ASCJ itself remains the ultimate interpreter of the Argentine Constitution within the domestic sphere. This conceptual distinction creates a potential jurisdictional frontier. The Argentine Court acknowledges the binding nature of IACtHR rulings for the State but reserves the critical authority to determine the appropriate mode and means of their domestic execution.

Consequently, any perceived conflict between an international obligation as defined by the IACtHR and a fundamental principle of the Argentine constitutional order does not, from the ASCJ's perspective, result in automatic supremacy of the former. Instead, as established in the landmark ruling *Fontevecchia* (2017), the ASCJ posits that such tensions must be resolved through what it terms "judicial dialogue". This principle envisages a constructive interaction between courts, where domestic implementation considers the objectives of the international judgment while seeking a method of compliance that safeguards core domestic constitutional tenets (domestic public

order). Thus, the relationship is currently characterized not by subordination, but by a calibrated interaction between two ultimate interpretive authorities operating within their respective spheres.

As we noted, the most significant jurisprudential interaction has occurred within the regional human rights protection system, particularly regarding the decisions of the IACtHR. Should decisions from other international judicial or administrative bodies arise, it is reasonable to expect that the Court's stance would likely remain consistent, both as regards incorporation, status, and application.

As for the Constitutional foundations, the procedure of incorporation of international law into domestic legal system is delineated in two key articles of the AC:

(i) Article 75, paragraph 22 vests in Congress the power to *"approve or reject treaties concluded with other nations..."*. This act translates the international commitment negotiated, adopted in a final document and signed by the President into a domestic legal obligation through an Approving Law, which—as we will later see according to the ASCJ interpretation—is not directly in force; and

(ii) Article 99, paragraph 11 empowers the President to *"conclude and sign treaties..."*. After the treaty was approved by Congress via law, the President's act of ratification, typically formalized by the deposit of the instrument of ratification with the agreed State or organization depositary, is the final step that binds the Argentine Republic internationally, and makes the content of the treaty domestically enforceable.

According to the interpretation set forth in *Pinturas y Revestimientos* (2014)², congressional approval via law

² ASCJ, *Pinturas y Revestimientos Aplicados*, Fallos 337:315. 26/03/2014.

was deemed sufficient for domestic incorporation. This understanding, however, was directly overturned by subsequent jurisprudence, which affirmed a stricter formalist position:

*"The process of concluding an treaty requires its finalization and signature by the Executive Power, its approval by the National Congress, and the manifestation by the Executive of the country's consent to be internationally bound, through a subsequent act that falls within its purview; an act that usually takes the form of ratification, but may adopt another form, in accordance with the provisions of Article 11 of the Vienna Convention on the Law of Treaties. Only once these three stages are completed and the treaty enters into force according to its own provisions does it become fully binding upon the Argentine Republic, both at the international and domestic levels."*³

While beyond the central scope of this paper, a complete picture of the relationship between international and domestic law requires acknowledging a broader constitutional reality: national constitutions, including Argentina's, rarely contain explicit mechanisms for incorporating or enforcing judgments from international or regional courts or arbitration tribunals. The Argentine Constitution is no exception, lacking any provision that automatically grants domestic legal force to such rulings⁴. In this void, judicial dialogue emerges anew as an essential tool, a reality already evident

³ ASCJ, *Recurso de hecho deducido por la Administración Federal de Ingresos Públicos — Dirección General Impositiva en la causa Acevedo, Eva María c/ Manufactura Textil San Justo s/ quiebra*. Judgement, 03/04/2025. Justices: Rosatti (his vote) — Rosenkrantz — Lorenzetti — Garcia Mansilla (their vote). Vote of Justices Rosenkrantz and Lorenzetti.

⁴ Iwasawa, Yuji (2022). *Domestic Application of International Law*. Chapter 7 Judgments of International Courts, ps. 240–274. Available at https://doi.org/10.1163/9789004523401_008.

within the Inter-American human rights system. There, since the early 2000s, the IACtHR has developed its doctrine of control of conventionality -which positions the Inter-American Court as the ultimate interpreter and guardian of the American Convention on Human Rights-, directing domestic authorities to align national laws and practices with the Convention as interpreted by the Court's jurisprudence.

As the following jurisprudential analysis will demonstrate, the doctrine of control of conventionality has engendered a profound and ongoing jurisprudential dialogue with the Argentine Supreme Court's own interpretation of its role as guardian of the National Constitution. This tension between two ultimate interpretive authorities generates significant legal developments, and the debate remains entirely open.

II.1. The "Complex Federal Act" Doctrine: a way to limit the power of congress to approve or derogate from international obligations

Within Argentina's constitutional regime, it is the Executive Power, acting as the representative of the Nation, that holds exclusive constitutional competencies to undertake international obligations. As previously established, this authority encompasses the decision to negotiate, finalize, sign, and -following congressional approval—, to ratify and deposit international treaties (Articles 27, 75(22), 99(1), and 99(11) of the AC).

Prior to the 1994 Constitutional Reform and subsequent jurisprudential shifts, the ASCJ developed a significant doctrine to facilitate the direct application of treaties within the domestic legal order, thereby minimizing traditional dualist hurdles. This approach, known as the "complex federal act doctrine" (*doctrina del acto complejo federal*), was articulated

to streamline the domestic effect of internationally assumed obligations⁵. The doctrine posits that the incorporation of a treaty into domestic law (or eventual denunciation or withdrawal)⁶, requires the concurrent activity of two federal organs.

The ASCJ has authoritatively defined the nature of a properly concluded treaty within the constitutional scheme. In the Ekmekdjian case (1992), it stated:

*"That an treaty constitutionally concluded, including its international ratification, is organically federal, since the Executive Power concludes and signs treaties (Art. 86, inc. 14, National Constitution), the National Congress rejects or approves them through federal laws (Art. 67, inc. 19, National Constitution) and the National Executive Power ratifies the treaties approved by law, issuing a federal act of national authority. The derogation of an treaty by an act of Congress violates the distribution of competencies imposed by the very National Constitution, because through a law one could derogate the complex federal act of concluding a treaty. It would constitute an unconstitutional encroachment by the National Legislative Power upon the attributes of the National Executive Power, which is the branch that conducts, exclusively and exhaustively, the foreign relations of the Nation (Art. 86, inc. 14, National Constitution)."*⁷

This cornerstone ruling underscores a foundational principle: a treaty is not a legislative product but the result

⁵ See Dobovšek, José (2012). Inclusion of Treaties in Argentine Law. *Revista Aequitas*, USAL, Buenos Aires, Argentina. Available at <https://p3.usal.edu.ar/index.php/aequitasvirtual/article/view/1157/1401>.

⁶ Vienna Convention on the Law of Treaties, Section 3 and specially Article 56. Denunciation of or withdrawal from a treaty containing no provision regarding termination, denunciation or withdrawal.

⁷ ASCJ, Ekmekdjian, Miguel Angel c/ Sofovich, Gerardo y Ot.. s/ Recurso de Hencho, 07/07/1992, para. 17.

of a "complex federal act" involving both political branches. Consequently, once this act is completed — that is, once the treaty is approved by Congress, ratified by the Executive, -and has entered into force as specified by its terms-, it becomes immediately operative within the Argentinian domestic legal sphere.

The operability of the international law of human rights norms finds early support in the Court's jurisprudence, which had already recognized the self-executing nature of human rights treaties prior to the 1994 constitutional reform. In Ekmekdjian, the CSJN held:

*"It should be noted that a consequence of this distinction is the presumption of operability of the norms contained in international human rights treaties. In other words, the Court considers that the aforementioned norms establish rights that — it is presumed — may be invoked, exercised, and protected without the complement of any legislative provision. This is based on the duty to respect human rights, a central axiom of international human rights law."*⁸

A narrow majority composed of Justices Cavagna Martínez, Barra, Fayt, Nazareno, and Boggiano addressed the issue concerning the operability of Article 14 of the ACHR. They argued that international treaties, insofar as they require the joint action of the Executive and Legislative powers, constitute a complex federal act; and from this perspective, their derogation by a law violates the distribution of competencies imposed by the Constitution. This conceptual framework ensures that a duly concluded treaty enters the domestic legal order with immediate legal force. Its provisions are directly applicable, meaning it does not require additional legislative regulation

or specific implementation laws for individuals to invoke its provisions -and for courts to apply them— within the Argentine jurisdiction. When norms require complementary regulations for their practical application (such as establishing a registry or allocating funds), the State has a positive obligation to adopt the necessary legislative or administrative measures. The failure to do so does not negate the treaty's validity or its direct applicability in principle; however, it obstructs the *effet utile* of the treaty and engages the State's international responsibility for failing to fulfill its duty to make rights practically effective. This distinction between a norm's direct applicability and its practical effectiveness is essential to understanding the full scope of the State's obligations under the complex federal act doctrine.

The definitive consolidation of the complex federal act doctrine would occur exactly one year after the precedent Ekmekdjian, when in the Fibraca case (1993)⁹, the ASCJ said:

*"the necessary application of [Article 27 of the Vienna Convention] imposes on the organs of the Argentine State -once the constitutional principles of public law are ensured— to assign primacy to treaties in the event of a conflict with any contrary domestic law."*¹⁰

Later, in La Virginia case (1994)¹¹, which involved a dispute where a company sought the refund of duties or taxes it argued were unfairly imposed under domestic law, contravening international

⁸ ASCJ, Ekmekdjian, Miguel Angel c/ Sofovich, Gerardo y Ot.. s/ Recurso de Hecho, 07/07/1992, para. 15.

⁹ ASCJ, Fibraca Constructora S.C.A. c. Comisión Técnica Mixta de Salto Grande. 07/07/1993.

See Rabbi-Baldi Cabanillas, Renato (1998). La Corte Suprema en el origen y el desarrollo de la constitucionalización de los Tratados sobre Derechos Humanos. El Derecho, T. 180, p. 1383 and ss.

¹⁰ Ibidem, para. 3.

¹¹ ASCJ, Cafés La Virginia S.A. s/ apelación (por denegación de repetición), 13/10/1994.

norms, the question was whether an treaty created directly enforceable rights for private parties. In its judgement, the ASCJ explicitly affirmed the “complex federal act doctrine”¹², and that international law produces legal effects internally.

The doctrine was further affirmed in the Méndez Valles et al. case (1995)¹³, where the Court clarified that congressional approval, while necessary, is not definitive on its own. The complex federal act is only completed by the subsequent and culminating action of the Executive Power's ratification. This framework served a clear pro-integrationist purpose: rather than viewing the treaty-approving law as an act that incorporates an international norm into a domestic legal order, it reconceives that law as the constitutional trigger within a broader, completed federal procedure. The same must be said regarding the eventual denunciation of the treaty: both political bodies must act in concert for it to be valid and produce effects. In Méndez Valles case, the ASCJ affirmed:

*“The treaty is an organically federal norm, which constitutes a complex federal act, since the National Executive Power concludes and signs it (Art. 99, inc. 11, National Constitution), the National Congress rejects or approves it through a federal law (Art. 75, inc. 22, National Constitution), and the National Executive Power ratifies the treaty approved by law, issuing a federal act of national authority.”*¹⁴

Furthermore, the ASCJ has consistently recognized the Executive's broad, inherent authority in foreign relations. This includes the power to judge the condition of reciprocity and, consequently, to refuse to apply a treaty in the case it is not met, as well

as the definitive power to bind the state internationally through the ratification, alongside the political decision to make reservations or objections to the articles of duly approved treaties. This underscores the Executive's pivotal role not only in initiating the treaty process but also in completing it and managing its ongoing implementation and effects. As the ASCJ clearly stated in the Frites case (1995)¹⁵:

*“That, as this Court has already stated, with the approval of a treaty, Congress participates in the complex federal act in which the Executive Power concludes and signs the treaty, the National Congress rejects or approves it, and the National Executive Power ratifies it (Art. 75, inc. 22 and Art. 99, inc. 11 of the National Constitution). But in this complex federal act, the participation of Congress, although necessary, is not definitive. In our constitutional system, it is the Executive Power, representing the Nation, who exercises exclusive constitutional competencies to assume international obligations through the decision to ratify international treaties (Articles 27 and 99 para. 1, 11 AC)”*¹⁶.

II.2. The gatekeeper role of the ASCJ: From Validity to Application.

The Acevedo ruling crystallizes the ASCJ's function as the ultimate constitutional gatekeeper in the incorporation and application of international treaties. The ASCJ enforces a definitive, two-tiered process for international norms, imposing a rigorous formalist filter for validity as a mandatory prerequisite before any norm can enter the domestic legal order. Only upon successfully clearing this initial threshold

¹² ASCJ, Ibidem, paras. 11 and 23.

¹³ ASCJ, Méndez Valles, Fernando c. Pescio, A.M., 26/12/1995.

¹⁴ Ibidem, para. 9.

¹⁵ ASCJ, Frites, Eulogio y Alemán, América Angélica c/ Poder Ejecutivo Nacional — Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto s. Amparo por Mora, 04/12/1995.

¹⁶ Ibidem, para. 8.

does the second stage — the substantive application of the norm to a specific case — become possible. This strict bifurcation reinforces the Court’s sovereign role as constitutional gatekeeper, ensuring procedural legitimacy is an inflexible precondition for substantive legal effect.

This formalist filter was decisively applied and crystallized in the Acevedo ruling (2025)¹⁷, which functions as a paradigmatic illustration of this two-stage analysis. The case centered on a bankruptcy dispute over whether a labor credit held by Mrs. Acevedo took priority over a state tax credit based on ILO Convention No. 173. The Court’s examination began strictly at the first stage: assessing the treaty’s domestic validity. It revisited the status of ILO Convention No. 173 — approved by Congress in 1993 but never internationally ratified and deposited by the Executive¹⁸. In doing so, the Court decisively reversed its earlier holding in *Pinturas y Revestimientos Aplicados* (2014)¹⁹, which had applied the Convention based solely on congressional approval. The Acevedo Court reaffirmed that a treaty only enters the domestic legal order upon completion of the tripartite constitutional sequence—signature, congressional approval, and executive ratification/deposit. As expressed by Justices Rosenkrantz and Lorenzetti, a treaty becomes fully binding domestically for Argentina “only once these three stages are completed and the treaty enters into force according to its own provisions.”²⁰

By invalidating the treaty’s domestic effect due to the Executive’s procedural omission, the Acevedo ruling under-

scores the Court’s insistence on strict constitutional design as a precondition for any treaty’s domestic operation. Its reasoning elevates procedural compliance from a formality to a constitutive element of validity, thereby restoring the integrity of the “complex federal act” doctrine. The Court explicitly stated that “the Constitution ceases to be the highest-ranking norm in our country.”²¹ Consequently, by correcting its own precedent, the Court strategically used procedural formalism to assert its ultimate authority over the gateway for international law, setting the stage for the substantive mediation of incorporated norms examined in the following sections.

In Acevedo, the ASCJ corrected what it deemed a “sufficiently grave or clear error” in constitutional interpretation. The ASCJ said:

“(...) ILO Convention 173 was not ratified by the country at the international level, therefore it did not enter into force, and it does not form part of the Argentine legal system under the terms of Articles 31 and 75, paragraph 22 of the National Constitution. Consequently, as the circumstances are substantially different, the application of the criterion from the three aforementioned precedents to the facts of ‘Pinturas y Revestimientos’ was clearly erroneous.”²²

And it provided grounds for departing from precedent. The ASCJ said:

“...if the criterion of the ‘Pinturas y Revestimientos’ precedent were to be continued, it would send a message as erroneous as it is dangerous to the three branches of the federal government and even to the domestic and international community: that the constitutional power of the National Congress to approve

¹⁷ ASCJ, Acevedo, Eva Maria v. Manufactura Textil San Justo s. Quiebra. Recurso de Hecho deducido por la Administración Federal de Ingresos Públicos. 03/04/2025.

¹⁸ The ILO Convention 173 had been approved by Argentine Law 24285.

¹⁹ ASCJ, *Pinturas y Revestimientos Aplicados*, Fallos 337:315. 26/03/2014.

²⁰ *Ibidem*, para. 22.

²¹ *Ibidem*, Justice García-Mansilla’s vote, para. 15.

²² *Ibidem*, para. 12.

or reject international treaties is confused with that of the President of the Nation to ratify them, and that presidential ratification at the international level is no longer necessary for the Argentine Republic to be effectively bound by an treaty"²³.

The Court engaged directly with the tension between the value of legal certainty—fostered by respect for precedent (*stare decisis*)—and the imperative of juridical correctness. It acknowledged that stability in the law is essential for a functioning state under the rule of law. However, it carved out a critical exception: when a precedent is based on a "sufficiently grave or clear error" in interpreting the Constitution, the duty to correct the error and honour the constitutional mandate outweighs the interest in maintaining stability, and signaled that fidelity to the constitutional design is its paramount concern. The ASCJ said:

*"To admit that a precedent prevails over the meaning of the constitutional text would imply that the National Constitution ceases to be the highest-ranking norm in our country, to become what the Supreme Court says it is"*²⁴.

The Court emphasized the respect for the complex federal act doctrine. The constitutionally mandated and indispensable final step, established in Article 99(11) of the AC, requires the Executive Power to execute the exchange or deposit of the instrument of ratification with the pertinent international depositary (in this case, the ILO). The ASCJ said:

*"It is the President of the Nation who is entrusted with the conduct of the foreign relations of our country (Fallos: 311:2580; 315:1492; 319:564; 325:380; 330:1135). This stems from other attributes that Article 99 of the Constitution grants to him (...)"*²⁵.

²³ Ibidem, para. 13.

²⁴ Ibidem, para. 13.

²⁵ Ibidem, para. 10.

However, while viewed by some as a revolutionary shift, the Acevedo decision essentially reaffirms and rigorously applies the longstanding complex federal act doctrine established in earlier jurisprudence. Thus, it represents less a philosophical break and more the definitive enforcement of preexisting constitutional principles, solidifying the Court's role as the final arbiter of a treaty's domestic validity. Already in Ekmekdjian (1992)²⁶, the ASCJ had maintained that the process of incorporating international treaties as valid law in Argentina comprises three stages and that ratification, the final stage of said process, is an exclusive and excluding power of the Executive Branch. The Court stated:

"an treaty constitutionally concluded, including its international ratification, is organically federal, since the Executive Power concludes and signs treaties [...], the National Congress rejects or approves them through federal laws [...] and the National Executive Power ratifies treaties approved by law, issuing a federal act of national authority"..."²⁷.

In Méndez Valles (1995), the ASCJ had recalled that *"(...) the National Executive Power ratifies the treaty approved by law, issuing a federal act of national authority."*²⁸ Precisely the dangerous exception to this rule had been the precedent *Pinturas y Revestimientos* case, which was left without effect in Acevedo.

The impact of Acevedo extends far beyond ILO Convention 173. The ruling sets a clear precedent that places all treaties approved by law but lacking formal deposit of ratification in a state of legal limbo. It effectively reminds us of an existing tough unnamed category

²⁶ ASCJ, Ekmekdjian, Miguel Angel v. Sofovich, Gerardo. Fallos: 315:1492, (06/07/1992).

²⁷ Ibidem, para. 11.

²⁸ ASCJ, Méndez Valles, Fernando c. Pescio, A.M., 26/12/1995, para. 9.

of norms: internationally approved but domestically dormant treaties. This imposes an immediate burden on the state to audit its treaty obligations and regularize its international commitments. More broadly, it sends a clear message to all branches of government and legal practitioners: the ASCJ will enforce a strict, formalistic compliance with each step of the constitutional treaty-making procedure as a condition *sine qua non* for domestic validity. This elevates procedural formality to the level of a constitutional principle, fundamentally altering the landscape for the domestic application of international law in Argentina.

II.3. The Status of Incorporated International Norms: the Argentine Constitutional Scheme

Once the treaty is incorporated and in force, international norms occupy a privileged but nuanced position within the Argentine normative hierarchy, as defined by the AC and interpreted by the ASCJ. The 1994 reform introduced a graduated hierarchy:

(i) The National Constitution remains the supreme law (Art. 31 AC).

(ii) A specific list of treaties with constitutional rank enjoys constitutional hierarchy. Congress may decide, by qualified majority, to include other international treaties relative to the protection of human rights with constitutional hierarchy. They are not supra-constitutional but stand on an equal footing with the text of the Constitution itself. (Article 75(22) AC).

(iii) All other international treaties, once incorporated and in force internationally, are explicitly ranked above the rest of the legal system. In a conflict, the treaty prevails (Article 75(22) AC). The Constitution also references integration treaties that delegate powers and jurisdiction to supranational

organizations, which require a special procedure and a special majority for approval. In this case, it is mandatory that such treaties respect the democratic order and human rights (Article 75(24) AC).

In addition to addressing the process of incorporating international law, the ASCJ has, through its jurisprudence, progressively delineated the practical hierarchy and effects of these norms within the domestic legal order. This interpretive role has proven decisive. The Court does not merely apply the constitutional hierarchy mechanically but actively defines its contours, mediating the relationship between incorporated treaties and domestic law. The following analysis of pivotal cases examines how the Court has operationalized this framework, navigating between its constitutional duty to uphold international obligations and its sovereign authority to impose domestic constitutional limits.

III. Final Remarks: Judicial Sovereignty as Mediated Monism in the Argentine Constitutional Order

The Argentine proceeding for incorporating and applying international law is characterized by a marked tension between a progressive constitutional text and a judicially enforced conservative praxis. Our study has examined the dynamic and often contentious relationship between international law and the Argentine domestic legal system through the lens of the Argentine Supreme Court of Justice's jurisprudence. The analysis reveals a coherent, strategically constructed model that can be characterized as "mediated monism" — a system wherein international norms are formally embraced by the constitutional text but whose validity, hierarchy, and practical application are ultimately filtered and conditioned by the ASCJ acting as the sovereign guardian of the national constitutional order.

The following conclusions are drawn from a systematic review of the constitutional framework, statutory law, and pivotal case law.

First, regarding the incorporation of international treaties, the Argentine procedure is defined by a rigorous and formalist doctrine that functions as a jurisdictional gatekeeping mechanism. Contrary to a purely monist automaticity, the Court has interpreted Articles 75(22) and 99(11) of the AC as establishing a “complex federal act” comprising three constitutive stages: (i) executive negotiation and signature; (ii) congressional approval by law; and (iii) executive ratification with international deposit. The watershed Acevedo (2025) ruling crystallizes this formalism, overturning prior precedent to hold that the final executive act of ratification is not merely declarative but a *sine qua non* for domestic validity. This doctrinal rescue of the complex federal act doctrine underscores the Court’s paramount commitment to procedural constitutional fidelity, even at the expense of legal certainty derived from congressional action or its own earlier jurisprudence. Consequently, the ASCJ positions itself as the ultimate arbiter of the gateway through which international law enters the domestic sphere, asserting control over the very validity of international commitments within the national legal order.

The conclusion is unequivocal: for a treaty to become part of the Argentine legal order, to be invoked before domestic courts, and to be applied by courts, congressional approval by law is not sufficient. It is essential that the Executive Branch completes the process by depositing the instrument of ratification internationally, thereby making the State’s consent effective. This executive prerogative also includes the political discretion to formulate reservations to the treaty’s content, should the government deem them in the national interest. The omission of

this final step, even if the treaty was approved by law decades ago (as happened with ILO Convention 173 in the Acevedo case), deprives it of all domestic validity and applicability.

Second, concerning the hierarchy and application of incorporated norms, the constitutional elevation of human rights treaties is mediated by a parallel doctrine of domestic interpretive supremacy. Once validly incorporated, international law —especially human rights treaties with constitutional hierarchy— occupies a privileged position in the normative system. While Article 75(22) grants constitutional rank to a core set of treaties and supra-legal status to others, the ASCJ has consistently asserted its authority as the final interpreter of these instruments within the Argentine jurisdiction. This creates a fundamental tension with the Inter-American Court’s doctrine of control of conventionality (*control de convencionalidad*), which mandates that domestic authorities conform to the IACtHR’s interpretation of the ACHR and its *corpus juris*. The Argentine response, as developed in the Mazzeo (2007) and Fontevicchia (2017) line of cases, is to recognise the high rank of international human rights law but reserves the authority to: (a) interpret its content for domestic purposes, a circumstance that directly opposes the doctrine of control of conventionality as settled by the IACtHR; (b) define the appropriate means of executing international judgments, which may result in the international responsibility of the State; and (c) prioritize entrenched domestic constitutional principles — like *res judicata*, separation of powers, and due process — when they conflict with specific international mandates, which is the application of the doctrine of counter limits, prioritizing domestic public order over international public order, which may also result in international responsibility for the state.

The scope of international law in Argentina is filtered through a dual control: a conventionality control that, in line with the Inter-American system, examines the compatibility of domestic norms with treaties; and a constitutionality control (or "constitutional congruence" control) exercised by the ASCJ, which examines the compatibility of international norms and decisions with the supreme principles of the domestic public order. The ASCJ positions itself not as a mere enforcer, but as the sovereign interpreter and necessary mediator between the international and domestic orders, ensuring that the incorporation and application of international law occur within the framework and limits established by the Argentine Constitution itself.

Nevertheless, we believe that the objective of such dialogue must be to ensure respect for international law — both cus-

tomary and conventional — on its own terms. This means according deference to the interpretation developed by international jurisprudence, rather than adhering to the isolated interpretation of a single domestic supreme court. The future effectiveness of international law within the domestic legal system and the integrity of Argentina's compliance to international commitments depend on navigating this tension.

International law does not speak with its own voice in Argentina. It speaks through the filter of the Constitution, as ultimately interpreted by the Argentine Supreme Court. The system is not one of subordination but of mediated incorporation, where international norms are powerful yet guests in a house whose rules are definitively set by the domestic constitutional host. And this may be a problem.

References

1. Albanese, S. Comentario al fallo Carranza Latrubesse / S. Albanese // JA. 2013. 11 September.
2. Albanese, S. La Corte Suprema y el alcance de las Recomendaciones de la Comisión Interamericana 1994–2014 / S. Albanese // Pensar en Derecho. 2014. Iss. 5. P. 105–133.
3. Amaya, J.A. La teoría de los contra-límites y el derecho argentino: ¿a dónde vamos? / J.A. Amaya // Anales. 2020. Iss. 50. P. 205–225. <https://doi.org/10.24215/25916386e042>.
4. Dobovšek, J. Inclusion of Treaties in Argentine Law / J. Dobovšek // Revista Aequitas. 2012. Vol. 6. Iss. 6.
5. Ferrari, G. The Simón case — a decisive chapter in the Argentine struggle for a new beginning / G. Ferrari // International Association of Constitutional Law. 2020. 14 July.
6. Forteza, G. Regarding Simón y otros: Accountability in Argentina and International Human Rights as Domestic Positive Law / G. Forteza // FIU Law Review. 2007. Vol. 3. Iss. 187. <https://doi.org/10.25148/lawrev.3.1.11>.
7. Gullco, H.V. The clash of constitutional and international law in Argentinean case law / H.V. Gullco // South Western Journal of International Law. 2022. Vol. 27. Iss. 2. P. 315–341.
8. International courts and compliance // International Courts and the Performance of International Agreements: A General Theory with Evidence from the European Union. Comparative Constitutional Law and Policy / C.J. Carrubba, M.J. Gabel. Cambridge University Press, 2014. P. 1–20.
9. Kunz, R. Teaching the World Court Makes a Bad Case — Revisiting the Relationship between Domestic Courts and the ICJ / R. Kunz // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2018. Vol. 12. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3213345>.
10. Pinto, M. National and International Courts — Disdain or Deference? / M. Pinto // Loyola International and Comparative Law Review. 2008. Vol. 30. P. 247.
11. Pinto, M. Una historia de doble lealtad: el derecho internacional en la jurisprudencia de la Corte Suprema de Justicia de la Nación Argentina / M. Pinto, N. Maisley // Pensar en Derecho. 2024. Iss. 25. P. 23–78.
12. Rabbi-Baldi Cabanillas, R. La Corte Suprema en el origen y el desarrollo de la constitucionalización de los Tratados sobre Derechos Humanos / R. Rabbi-Baldi Cabanillas // El Derecho. 1998. Vol. 180. P. 1383.
13. Raimondo, F. Overcoming Domestic Legal Impediments to the Investigation and Prosecution of Human Rights Violations: The Case of Argentina / F. Raimondo // Human Rights Brief. 2011. Vol. 18. Iss. 2. P. 15–20.
14. Sabsay, D.A. La Constitución de los Argentinos: Análisis y comentario de su texto luego de la reforma de 1994 / D.A. Sabsay, J.M. Onaindia. 8th ed. Erreius, Argentina, 2020.
15. Sagüés, N.P. La interpretación judicial de la Constitución / N.P. Sagüés. Editorial LexisNexis, Argentina, 2006.
16. Vanossi, J.R. El estado de derecho en el constitucionalismo social / J.R. Vanossi. Editorial Eudeba, Argentina, 1982.

Проблемы имплементации в национальных правопорядках системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSA)

Солнцев Александр Михайлович,
заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат юридических наук, доцент
a.solntsew@gmail.com

Статья посвящена анализу правовых и институциональных проблем имплементации в национальные правовые системы компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации (CORSA), принятой в рамках Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Автор раскрывает нормативную природу CORSA как секторального глобального рыночного механизма, встроенного в Чикагскую систему через т. IV Приложения 16 к Конвенции о международной гражданской авиации, и демонстрирует, как его реализация опирается на комплекс требований по мониторингу, отчетности и верификации выбросов, а также на использование «приемлемых» единиц сокращения эмиссий. На основе анализа практики отдельных государств выделяются ключевые группы проблем имплементации: коллизии и фрагментация регулирования в условиях сосуществования CORSA и национальных/региональных ETS; экономическое бремя для авиаперевозчиков; неопределенность критериев качества углеродных единиц. Особое внимание уделено позиции и практике Российской Федерации, которая сочетает первоначально критическое отношение к CORSA с постепенной правовой и институциональной адаптацией: анализируются проекты изменений в Воздушный кодекс РФ и законодательство об ограничении выбросов парниковых газов, формирование национальной системы аккредитации валидаторов и верификаторов, а также заявка России на аккредитацию добровольной системы сокращения выбросов в CORSA. Делается вывод о том, что имплементация CORSA представляет собой не только техническую задачу внедрения международных стандартов, но и политико-правовой выбор, связанный с балансированием между климатическими целями, суверенитетом в области энергетической и транспортной политики и геополитическими реалиями.

Ключевые слова: CORSA, ИКАО, международное воздушное право, изменение климата, углеродные рынки, климатическое право, имплементация.

В процессе экологизации, или, если быть более точным, «климатизации», международного права все новые и новые области международного сотрудничества подвергаются внедрению норм о защите климата¹. Решение проблемы воздействия авиации на качество атмосферного воз-

духа требует сотрудничества между всеми государствами, чтобы уменьшить воздействие выбросов парниковых газов на мировой климат. Международный гражданский авиационный сектор играет ключевую роль в глобальных усилиях по решению проблемы изменения климата. Хотя в настоящее время выбросы, производимые гражданской авиацией, составляют около 1,3% мировых выбросов CO₂,

¹ Солнцев А.М. Изменение климата: международно-правовое измерение // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 71.

прогнозируется увеличение данного показателя в ближайшие десятилетия, так как мир становится более мобильным благодаря постоянно развивающемуся авиасообщению. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) и ее государства-участники признают существование проблемы влияния выбросов от международной авиации на мировой климат и имеют намерения минимизировать это влияние, обеспечивая при этом устойчивый рост международной авиации². Так, уже 10 лет, с 2016 г., идет процесс реализации программы CORSIA в международном воздушном праве. CORSIA (Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation) — это глобальная схема компенсации и сокращения выбросов CO₂ от международной авиации, принятая в рамках ИКАО как рыночный механизм, призванный обеспечить «углеродный нейтральный рост» международных авиаперевозок по сравнению с уровнем 2019–2020 годов. Она основана на обязательстве авиакомпаний мониторить и верифицировать свои выбросы CO₂ на международных линиях и компенсировать прирост этих выбросов путем приобретения углеродных единиц, удовлетворяющих установленным критериям экологической целостности и дополнительности.

Проблема имплементации CORSIA в национальные правовые порядки состоит в необходимости встроить сложный, во многом беспрецедентный международный рыночный механизм в уже существующие системы авиационного, климатического и финансового правового регулирования,

² Машарский З.В. и др. CORSIA как инструмент регулирования воздействия гражданской авиации на экологическую ситуацию в мире // Авиационный вестник. 2020. № 2. С. 66–71.

учитывая при этом добровольно-обязательный характер схемы и значительные политико-экономические разногласия между государствами, что особенно проявляется на примере позиции России.

Нормативная природа CORSIA и требования к имплементации

Юридически CORSIA оформлена следующим образом. В 2016 г. Ассамблея ИКАО утвердила CORSIA на уровне резолюции³, а в 2018 г. CORSIA была введена в Чикагскую систему посредством принятия ее Советом ИКАО в виде т. IV Приложения 16 к Международной конвенции гражданской авиации (далее — Чикагская конвенция)⁴.

Суть механизма CORSIA может быть изложена следующим образом. CORSIA функционирует как глобальная рыночная мера, основанная на системе мониторинга, отчетности и верификации выбросов CO₂ (MRV) эксплуатантами воздушных судов при выполнении международных рейсов между государствами, участвующими в схеме. Эксплуатанты обязаны ежегодно учитывать объем выбросов при таких полетах, готовить отчеты и представлять их в государство регистрации, где данные проходят процедуру независимой верификации. Верифицированная информация

³ См.: Резолюция № A39-3. Принята на 39-й сессии Ассамблеи ИКАО (Монреаль, 27 сентября — 6 октября 2016 г.). С. 28–36. URL: https://www.2023.icao.int/Meetings/a39/Documents/Resolutions/a39_res_prov_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Приложение 16 к Конвенции о международной гражданской авиации. Охрана окружающей среды. Т. IV. URL: <https://www.icao.int/CORSIA/sarps-annex-16-volume-iv> (дата обращения: 17.04.2025). Первое издание Приложения 16, т. IV, вступило в силу 22 октября 2018 г. и стало применяться с 1 января 2019 г. Второе издание Приложения 16, т. IV, вступило в силу 31 июля 2023 г. и стало применяться с 1 января 2024 г.

далее направляется в Центральный реестр ИКАО по CORSIA, на основе которого рассчитывается годовой коэффициент прироста выбросов в секторе международной авиации и распределяются соответствующие доли роста между отдельными эксплуатантами. Исходя из рассчитанного прироста для каждого эксплуатанта определяются объемы компенсационных обязательств, выраженные в количестве единиц выбросов, подлежащих нейтрализации. Исполнение этих обязательств осуществляется путем приобретения и последующего аннулирования (погашения) единиц эмиссии, признаваемых соответствующими критериям CORSIA и выпускаемых в рамках одобренных ИКАО программ по сокращению или удалению выбросов парниковых газов. Таким образом, CORSIA не уменьшает фактический объем выбросов самолетов непосредственно, но возлагает на эксплуатантов обязанность компенсировать прирост эмиссий за счет участия в верифицированных углеродных проектах, обеспечивая углеродно-нейтральный рост международной авиации относительно базового уровня.

Схема CORSIA реализуется поэтапно: пилотная фаза — 2021–2023 годы, первая фаза — 2024–2026 годы (обе на добровольной основе), затем в 2027–2035 годах предусматривается обязательное участие большинства государств, за исключением ограниченного перечня пользующихся льготами.

Имплементация CORSIA поставила перед государствами задачу по формированию эффективной нормативной основы, создание которой связано с большим количеством проблем административно-технического характера. Имплементация

в национальный правовой порядок предполагает: создание системы мониторинга, отчетности и верификации (MRV) выбросов CO₂ от международных рейсов; установление обязанностей операторов по приобретению и аннулированию «допустимых» единиц сокращения/компенсации выбросов; наделение уполномоченного органа контрольными и санкционными полномочиями. Для облегчения этой задачи ИКАО разработала модельные регуляции, которые государства могут адаптировать под свою правовую систему, однако они носят лишь ориентировочный характер и не подменяют собой внутреннее законодательство⁵. Рекомендации ИКАО по имплементации касаются регулирования инструментов оценки и отчетности по CO₂; видов топлива, соответствующих требованиям CORSIA; допустимых единиц выбросов CORSIA; деятельности центрального реестра CORSIA (CCR).

Ключевые общие проблемы имплементации CORSIA

В национальных правовых порядках выделяется несколько групп проблем. Во-первых, это коллизии и фрагментация регулирования. Во многих юрисдикциях CORSIA внедряется параллельно или поверх уже действующих национальных и региональных схем торговли квотами (ETS) и углеродного регулирования, что создает риск двойного регулирования, дублирования обязанностей или, наоборот, пробелов в регулировании. Например, в ЕС⁶ и Великобри-

⁵ CORSIA Implementation Elements. URL: <https://www.icao.int/CORSIA/implementation-elements> (дата обращения: 17.04.2025).

⁶ Adoption of EU rules on the monitoring, reporting and verification of emissions to implement CORSIA. URL: <https://climate.ec.europa.eu/news-other-reads/news/adoption-eu-rules->

тании⁷ отмечается необходимость увязки CORSIA с уже существующими требованиями по MRV и внутренними схемами ценообразования на углерод.

Во-вторых, надо учитывать институциональную и административную нагрузку.

Создание полнофункциональной MRV-системы требует значительных административных ресурсов, подготовки специалистов, разработки цифровой инфраструктуры и аккредитации верификаторов, что особенно затруднительно для развивающихся государств и малых авиационных администраций. В ряде стран отсутствует опыт работы с углеродными рынками, что усложняет стандартизацию отчетности авиаперевозчиков и надзор за их участием в международных углеродных проектах.

В-третьих, важно учитывать экономическую нагрузку на авиационный сектор.

Суть CORSIA как глобальной рыночной меры заключается в том, что авиакомпании обязуются компенсировать рост выбросов сверх установленной базовой линии путем приобретения единиц сокращения выбросов, что прямо влияет на их издержки и конкурентоспособность. Для перевозчиков из государств с низким уровнем дохода населения и высокой долей международных рейсов это означает дополнительную финансовую нагрузку, которую сложно переложить на пассажиров без потери рынка.

monitoring-reporting-and-verification-emissions-implement-corsia-2025-06-04_en (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ Implementing the Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA). UK. Consultation December — 2024. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/67b4b82fb56d8b0856c2fe89/dft-implementing-corsia-consultation.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).

В-четвертых, правовая определенность и качество единиц сокращения.

CORSIA опирается на допуск «приемлемых» единиц (CORSIA eligible emissions units), соответствующих набору критериев устойчивости и дополнительности, однако практическая оценка качества таких единиц, надзор за их оборотом и предотвращение двойного счета требуют сложных правовых и технических процедур. Многие государства не имеют собственной нормативной базы по обращению углеродных единиц и вынуждены импортировать стандарты практически «в пакете», что порождает вопросы суверенитета и национальных приоритетов климатической политики.

В-пятых, надо учитывать соотношение с принципом общей, но дифференцируемой ответственности (CBDR) и «особые обстоятельства» государств. Хотя CORSIA задумывалась как глобальная мера, резолюции ИКАО подчеркивают необходимость учета «особых обстоятельств и соответствующих возможностей» государств, прежде всего развивающихся, что реализовано через поэтапную и частично добровольную структуру участия. На практике это приводит к неравномерному охвату схемой различных авиарынков, появлению «серых зон», маршрутов вне CORSIA и спорам о справедливости распределения бремени между развитыми и развивающимися странами.

Инструменты и модели национальной имплементации (на примере некоторых государств)

Опыт имплементации в развитых странах иллюстрирует разные модели имплементации CORSIA в национальное право. Например, Великобритания, как государство — участ-

ник CORSIA с начала пилотной фазы, реализует схему через подзаконное регулирование (statutory instruments) к закону о гражданской авиации. Великобритания внедряет CORSIA в два этапа: во-первых, путем внедрения требования о мониторинге, отчетности и проверке выбросов углекислого газа (CO₂) (известного как MRV), которое уже было включено в законодательство Великобритании посредством Постановления о воздушной навигации (CORSIA) 2021 г. Во-вторых, путем внедрения требования о компенсации выбросов CO₂. При внедрении требований CORSIA по компенсации выбросов в Великобритании необходимо будет учитывать взаимодействие между CORSIA и британской системой торговли выбросами (UK ETS), как это предусмотрено Постановлением о системе торговли выбросами парниковых газов 2020 г.⁸ («Постановление UK ETS»).

В соответствии с Братиславской декларацией, подписанной 3 сентября 2016 г.⁹, и после принятия Советом ИКАО стандартов, рекомендаций и практик CORSIA, государства — члены ЕС и другие государства — члены Европейской конференции гражданской авиации уведомили ИКАО о своем намерении добровольно участвовать в компенсации выбросов CORSIA с начала пилотной фазы в 2021 г. при условии соблюдения определенных условий, в частности касающихся экологической целостности схемы и глобального участия.

⁸ UK Emissions Trading Scheme (UK ETS) // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/participating-in-the-uk-ets/participating-in-the-uk-ets> (дата обращения: 26.05.2026).

⁹ The Bratislava Declaration (Bratislava, 16 September 2016). URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21250/160916-bratislava-declaration-and-roadmapen16.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).

Государства — члены ЕС внедряют положения CORSIA о мониторинге, отчетности и верификации с 2019 г. и, в соответствии с пересмотренной директивой ЕС о системе торговли выбросами (ETS), внедряют требования CORSIA по компенсации выбросов с 2021 г. для маршрутов между Европейской экономической зоной и государствами, участвующими в системе CORSIA по компенсации выбросов, а также для полетов между двумя такими государствами. Внедрение правил CORSIA по мониторингу, отчетности и верификации в ЕС осуществляется посредством соответствующих регламентов ETS¹⁰.

В ряде юрисдикций (отдельные азиатские и американские государства) CORSIA интегрируется в существующие климатические законы и системы учета национальных выбросов, иногда с введением механизмов «зачета» между национальными и CORSIA-обязательствами.

Эти примеры показывают, что имплементация возможна в форме: специальных авиационных актов; включения в существующие климатические или углеродные законы; комбинированных моделей, предполагающих как авиационное, так и финансово-рыночное регулирование.

CORSIA и Россия:

правовые и политические аспекты

Позиция Российской Федерации по CORSIA носит комплексный, во многом критический характер и демонстрирует тесную связь правовых аргументов с политическими и эко-

¹⁰ См.: Донаканян В. «Озеленение» полетов: как экологизация правового регулирования воздушных сообщений влияет на действующее международное воздушное право? // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 139–165.

номическими соображениями. Российская Федерация с самого начала выражала озабоченность процедурными аспектами принятия CORSIA в Совете ИКАО, указывая на возможные нарушения процедур и ставя под сомнение обязательность соответствующих решений для государств — членов организации. Россия с 2016 г. не присоединялась к CORSIA, рассматривая обязанность по покупке квот как дополнительную финансовую нагрузку на авиационный сектор, особенно в условиях обострившейся санкционной конфронтации. В 2025 г. Россия не была переизбрана в Совет ИКАО, что существенно ослабило ее влияние на формирование политики организации, включая вопросы климатической повестки и CORSIA¹¹.

Россия не входила в число добровольно участвующих в пилотной и первой фазах CORSIA и, следовательно, не охватывается действующими требованиями по обязательному участию для рейсов между участвующими государствами. Вместе с тем российские компетентные органы получают информационные материалы ИКАО о сроках и технических аспектах реализации CORSIA. Пока российское законодательство не содержит полноценных норм, прямо имплементирующих CORSIA, но отдельные элементы мониторинга выбросов и климатического регулирования развиваются через национальные стратегические документы и законодательство об углеродном регулировании (Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парнико-

вых газов»¹²). В этом контексте возможным промежуточным шагом выступает создание внутренних механизмов учета выбросов от авиации и развитие добровольных углеродных проектов, которые при определенных условиях могли бы быть сопряжены с требованиями CORSIA в будущем.

Критика России в адрес CORSIA исходит в том числе из опасений подмены многосторонних механизмов РКИК ООН и Парижского соглашения секторно-отраслевым режимом, вырабатываемым в рамках специализированной организации. Возникает вопрос, не приведет ли жесткая имплементация CORSIA к де-факто перераспределению климатических обязательств между государствами вне рамок согласованных принципов РКИК ООН.

Санкционный режим ограничивает доступ российских авиакомпаний к части международных рынков, финансовых инструментов и технологий, необходимых для декарбонизации, что делает для них участие в CORSIA заведомо более затратным при сопоставимой нормативной нагрузке. В условиях ограниченного доступа к западным углеродным рынкам возникает задача развития альтернативных каналов приобретения качественных единиц сокращения, возможно в рамках региональных или двусторонних инициатив.

Для России имплементация CORSIA должна быть согласована с уже формирующейся национальной системой учета выбросов, экспериментами по углеродному регулированию и стратегиями декарбонизации топливно-энергетического и транспортного комплексов. При этом

¹¹ Российскую Федерацию на выборах в Совет ИКАО поддержали 87 государств. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12152> (дата обращения: 17.04.2025).

¹² Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СПС «КонсультантПлюс».

ключевым вопросом становится вопрос, должна ли Россия создавать автономную систему регулирования выбросов в авиации, потенциально совместимую с CORSIA, или же ориентироваться на минимальную адаптацию, ограничиваясь выполнением базовых стандартов безопасности и экологической отчетности.

С учетом того, что после 2027 г. CORSIA переходит к «обязательной» фазе с охватом большинства государств, неизбежно возникает вопрос о долгосрочной позиции России как участника Чикагской конвенции. Перед Россией стояли следующие возможные сценарии: сохранение дистанцированной позиции с акцентом на альтернативные формы декарбонизации авиации (топливная эффективность, внутренние меры, участие в добровольных схемах); постепенная правовая и институциональная адаптация, создающая возможность последующего подключения к CORSIA на основе учета национальных интересов и смягчения санкционного контекста; развитие региональных механизмов, конкурентных или комплементарных CORSIA, с возможностью взаимного признания единиц сокращения выбросов.

В настоящее время мы движемся по второму треку. В российском законодательстве в сферах климатического и правового регулирования деятельности авиации отсутствуют положения для обеспечения выполнения требований CORSIA. Минтрансом России совместно с Минэкономразвития России разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “Об ограничении выбросов парниковых газов”», предусматривающий внесение в законодательные акты РФ

изменений, направленных на имплементацию принятых ИКАО CORSIA. «Помимо этого, предстоит принять как минимум 7 нормативных правовых актов, включая постановления и приказы, которые закрепят полномочия ведомства и определяют порядок мониторинга, отчетности и верификации. Уполномоченным органом по администрированию CORSIA в России определен Научный центр Минтранса России»¹³. «Эффективное внедрение механизмов CORSIA возможно только при условии тесного межведомственного взаимодействия и консолидации усилий государства, авиакомпаний, производителей топлива и научных организаций»¹⁴. Как отмечается на сайте Минэкономразвития, «30 марта 2026 г. заявка России на аккредитацию российской добровольной системы сокращения выбросов парниковых газов в CORSIA зарегистрирована и опубликована на сайте ИКАО»¹⁵. Напомним, ранее в марте заявка была подготовлена Минэкономразвития России и направлена в ИКАО при участии Минтранса России. В соответствии с подготовленным проектом с 1 сентября 2026 г. предусматривается формирование специализированной национальной системы аккредитации органов по валидации и верификации отчетно-

¹³ Подготовку гражданской авиации к переходу на CORSIA обсудили на Международном транспортно-логистическом форуме. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12539> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁴ Алыкова О.И., Жежерова А.А. О системе компенсации и сокращения выбросов парниковых газов для международной авиации (CORSIA) // Справочник эколога. 2026. № 1.

¹⁵ Заявка России на аккредитацию в Системе компенсации и сокращения выбросов углерода CORSIA зарегистрирована ИКАО. URL: https://economy.gov.ru/material/news/zayavka_rossii_na_akkreditaciyu_v_sisteme_kompensacii_i_sokrashcheniya_vybrosov_ugleroda_corsia_zaregistrirvana_ikao.html (дата обращения: 17.04.2025).

сти авиаперевозчиков о выбросах и поглощении парниковых газов в целях обеспечения соответствия требованиям механизма CORSIA. Разработка указанной схемы аккредитации возлагается на Министерство экономического развития Российской Федерации во взаимодействии с национальным органом по аккредитации, что должно обеспечить как институциональную увязку с действующей системой оценки соответствия, так и ее адаптацию к специфике авиационного сектора и международным стандартам ИКАО. Ключевым элементом создаваемой системы является подтверждение того, что собранные эксплуатантом воздушных судов данные и свидетельства о количестве выбросов отвечают критериям надлежащести и достаточности для целей мониторинга, отчетности и верификации (MRV) по CORSIA. Иными словами, предполагается формализованный механизм признания достоверности отчетности авиакомпаний, опирающийся на деятельность аккредитованных независимых валидаторов и верификаторов. В официальной позиции Минэкономразвития подчеркивается, что подобная модель рассматривается в качестве одного из ключевых шагов на пути к международному признанию национальных отчетов об эмиссии, что, в свою очередь, имеет значение для доступа российских авиаперевозчиков к глобальному рынку авиационных услуг и к системе углеродной компенсации. Проектом предусмотрено установление детализированных критериев аккредитации, включающих, в частности, требования к минимальной численности персонала аккредитуемых организаций, а также повышенные квалификационные требования к руководителям струк-

тур, осуществляющих верификацию и валидацию. Тем самым делается акцент не только на формальном наличии статуса аккредитованного лица, но и на кадровом и компетентностном потенциале таких организаций, что должно минимизировать риски формального или поверхностного контроля отчетности. Отдельный блок регулирования касается динамического характера применимых стандартов. Проектом закладывается возможность их периодического (раз в несколько лет) пересмотра и актуализации, в том числе за счет включения новых методов измерений и испытаний, которые появляются или получают распространение в соответствующих сегментах авиационной деятельности. Такая конструкция позволяет встроить национальную систему аккредитации в контекст технологически развивающихся международных требований, не фиксируя ее в жестких и быстро устаревающих процедурах.

Наконец, предлагается ввести дифференциацию по специализациям для участников системы аккредитации: предусматривается создание отдельных специализаций для экспертов по аккредитации и технических экспертов, работающих в сфере обслуживания и эксплуатации гражданских воздушных судов. Это отражает признание высокой технической сложности предмета верификации и валидации отчетности по выбросам, а также необходимость сочетания правовых, процедурных и отраслево-технических компетенций в рамках единой системы обеспечения достоверности климатической отчетности в гражданской авиации.

Дальнейшая работа будет направлена на развитие производства устойчивого авиатоплива, создание

необходимой инфраструктуры и обеспечение признания российских углеродных единиц для целей CORSIA. В целом складывающаяся российская модель демонстрирует, что имплементация CORSIA — это не только техника имплементации международных стандартов в национальное право, но и политико-правовой выбор, связанный с балансом между климатическими целями, суверенитетом в области энергетической и транспортной политики, справедливым распределением климатического бремени и геополитическими реалиями.

Вместе с тем следует отметить, что национальная организационно-правовая инфраструктура для климатических проектов в России уже создана, включая такую ключевую структуру, как реестр климатических проектов, оператором которого является ПАО «Газпромбанк». Разработана в деталях и нормативная база, в том числе по таким базовым аспектам, как статус климатических проектов, их разработка, валидация, верификация, вопросы регистрации углеродных единиц и т.д. В национальном реестре зарегистрировано 65 климатических проектов, из которых 88% — технологических и 12% — природных. Как отмечает Рогинко С.А., «весь этот объем вполне в состоянии не только “закрыть” потребности российских авиакомпаний по линии CORSIA, но и обеспечить отечественным инициаторам климатических проектов немалые доходы за счет продажи единиц CORSIA зарубежным операторам. Разумеется, в нынешней ситуации речь идет не о компаниях из западных стран, а о тех операторах, чьи полеты проходят над территорией России и для которых логично ставить вопрос о компенсации углеродного следа полетов в нашем воздушном

пространстве российскими сокращениями выбросов. Такая перспектива может существенно повысить интерес отечественных компаний к климатическим проектам; не секрет, что нынешнее количество зарегистрированных проектов отражает лишь малую долю российского потенциала сокращений выбросов»¹⁶.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что внедрение CORSIA в национальные правовые порядки представляет собой сложный многоуровневый процесс, в котором пересекаются логика международного климатического регулирования, отраслевые особенности гражданской авиации и параметры национальных углеродных политик. Нормативная конструкция CORSIA как глобальной рыночной меры, встроенной в систему ИКАО, требует от государств создания полноценных систем мониторинга, отчетности и верификации выбросов, правовой регламентации обращения «приемлемых» углеродных единиц и выстраивания эффективных механизмов надзора и ответственности операторов. Опыт ЕС, Великобритании и ряда других юрисдикций демонстрирует, что успешная имплементация возможна в разных правовых моделях — через специальные авиационные акты, интеграцию в действующее климатическое законодательство или гибридные схемы, — однако во всех случаях центральным остается вопрос согласования CORSIA с уже существующими режимами торговли выбросами и внутренними целями декарбонизации.

¹⁶ Рогинко С.А. Система ИКАО CORSIA: новый углеродный рынок для России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 6 (213). С. 200.

Российский пример подчеркивает, что правовые решения в этой сфере тесно связаны с политическими и экономическими оценками последствий участия в CORSIA. Первоначально дистанцированная позиция России, обусловленная как процедурными претензиями к порядку принятия схемы в ИКАО, так и опасениями дополнительной нагрузки на авиационный сектор в условиях санкционного давления, постепенно трансформируется в стратегию условной адаптации, предполагающей формирование национальной инфраструктуры для потенциальной совместимости с CORSIA. Подготовка изменений в Воздушный кодекс и законодательство об ограничении выбросов, создание системы аккредитации валидаторов и верификаторов, подача заявки на аккредитацию российской добровольной системы сокращения выбросов свидетельствуют о стремлении сохранить пространство маневра между полной интеграцией в CORSIA и сохранением элементов автономного климатического курса.

В более широком плане CORSIA иллюстрирует общий тренд «климатизации» международного права, при

котором специализированные отраслевые организации становятся площадками выработки квазисамостоятельных климатических режимов, частично конкурирующих, а частично дополняющих универсальную архитектуру РКИК ООН и Парижского соглашения. Для России и других государств ключевым вызовом становится поиск такого формата участия в CORSIA, который, с одной стороны, обеспечивал бы признание национальной отчетности и доступ к глобальным углеродным рынкам, а с другой — позволял бы учитывать особенности национальной экономики, уровень развития авиационного сектора и приоритеты энергетической политики. В этом контексте дальнейшее развитие российского климатического и авиационного законодательства, а также формирование устойчивого рынка качественных углеродных единиц представляются необходимыми условиями для того, чтобы участие в CORSIA стало не внешним навязанным требованием, а элементом осознанной стратегии низкоуглеродной трансформации транспортного комплекса.

Литература

1. Алыкова О.И. О системе компенсации и сокращения выбросов парниковых газов для международной авиации (CORSIA) / О.И. Алыкова, А.А. Жежерова // Справочник эколога. 2026. № 1. С. 32–34.
2. Донаканян В. «Озеленение» полетов: как экологизация правового регулирования воздушных сообщений влияет на действующее международное воздушное право? / В. Донаканян // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 139–165.
3. Машарский З.В. CORSIA как инструмент регулирования воздействия гражданской авиации на экологическую ситуацию в мире / З.В. Машарский [и др.] // Авиационный вестник. 2020. № 2. С. 66–71.
4. Рогинко С.А. Система ИКАО CORSIA: новый углеродный рынок для России / С.А. Рогинко // Проблемы прогнозирования. 2025. № 6 (213). С. 191–204.
5. Солнцев А.М. Изменение климата: международно-правовое измерение / А.М. Солнцев // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 60–78. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-60-78.

Принцип международной грубости

Скворцов Олег Юрьевич,
профессор кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета,
старший советник международной юридической фирмы DENUO,
доктор юридических наук, профессор
Oleg.skvortsov@mail.ru

В статье исследуется феномен, названный автором «принципом международной грубости». Этот «принцип» рассматривается как антипод принципа международной вежливости. Институализация принципа международной грубости имеет место в виде так называемого санкционного права, которое генерируется государствами Глобального Севера против развивающихся стран и России с целью удержания идеологического, политического и экономического лидерства в глобальном мироустройстве. Санкционное право не имеет опоры в международном праве и не может иметь нравственного и правового оправдания. Основанное на принципе международной грубости, санкционное право деформирует все основные институты, на которых покоится трансграничный экономический оборот: право собственности, договорное право, ответственность, стандарты защиты прав инвесторов, судебную защиту прав гражданина и юридического лица.

Ключевые слова: принцип международной грубости, принцип международной вежливости, санкционное право, ограничительные меры экономического характера.

Вступление

В международном праве известен принцип международной вежливости (лат. *comitas gentium*, англ. *comity of nations*, фр. *droit de convenance*), о привлекательности которого говорит само название. В самом общем виде под принципом международной вежливости понимается совокупность общепринятых норм и обычаев, регулирующих отношения между государствами на основе взаимного уважения и доброжелательности. В отечественной доктрине отмечается, что «международная вежливость не имеет под собой юридической основы в качестве судебной практики, правового обычая, установления международного договора или национального закона. Вежливость рождается как теоретическая, доктринальная конструкция, чтобы объяснить, почему на территории одного государства нужно применять законы

или признавать судебные акты другого государства»¹.

Обоснование принципа международной вежливости с экономической точки зрения вполне убедительно на основе так называемой третьей максимы знаменитого голландского правоведа Ульрика Губера, жившего в XVII в.: «Хотя законы одной страны не могут иметь юридической силы в другой, еще ничего не было более неудобным для торговли и международной практики, чем права, признающиеся законом одного места, но недействительные где-либо в другой стране из-за разницы в законах»².

¹ Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике // Международное правосудие. 2023. № 1 (45). С. 97.

² Цит. по: Гетьман-Павлова И.В. Понятие «вежливость» в коллизионной доктрине Ульрика Губера // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 49.

Нельзя сказать, что российский правопорядок активно прибегает к этому принципу, однако и не отвергает его. В отечественной доктрине оценка принципа международной вежливости весьма позитивна³. Есть и судебная практика, которая в ряде случаев основана на применении этого принципа⁴. При этом высшие судебные инстанции и российские органы юстиции в целом ориентируют суды на применение принципа меж-

дународной вежливости⁵, равно как и дорожная карта развития бизнеса до 2030 г., подготовленная Правительством РФ, видит необходимым реализовать процессуальное обеспечение этого принципа⁶.

Доктрина международной вежливости, несмотря на ее вербальную привлекательность, тем не менее остается одним из наименее осмысленных канонов международного права⁷. Развитие этой теории и практики, длящегося веками, идет медленно и осторожно. Вместе с тем значительная степень аморфности этого понятия в целом не мешает оценивать международную вежливость как принцип, укрепляющий отношения между государствами и потому играющий важную позитивную роль в мировой политике.

В то же время современное состояние международных отношений — увы! — вряд ли можно охарактеризовать как ориентированное на реализацию этого принципа. Скорее взаимоотношения между значительными группами государств можно именовать отношениями *международной грубости*.

Основная часть

«Принцип международной грубости», о котором пойдет речь в на-

³ Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3 ; Елисеев Н.Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78 ; Гетьман-Павлова И.В. Указ. соч. С. 38–63 ; Шебанова Н.А. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений в практике российских судов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 22–43 ; Огнева Н.С. Условия для признания и исполнения актов иностранных судов в Российской Федерации. Концепция международной вежливости и взаимности // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 37–42 ; Сюрмеев К.Е. Принцип международной вежливости как инструмент снижения рисков возникновения параллельных разбирательств // Законодательство. 2018. № 3. С. 79–86 ; Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Указ. соч. С. 94–119 ; Монастырский Ю.Э. «Международная вежливость» и пробелы в Российской правовой концепции взаимодействия с иностранными юрисдикциями // Государство и право. 2025. № 3. С. 140–151 ; Костин А.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений в праве России и зарубежных государств (исторический генезис понятий и их взаимное соотношение). М. : Статут, 2025.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2016 г. № 305-ЭС15-18289 по делу № А40-34719/14-69-300 ; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 марта 2018 г. по делу № 305-ЭС17-18862, А41-20656/2017 ; Постановление ФАС Московского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А40-119397/11-63-950 ; Постановление ФАС Московского округа от 29 июля 2009 г. № КГ-А41/6930-09 по делу № А41-9613/09 ; Постановление ФАС Поволжского округа от 23 января 2012 г. по делу № А55-5718/2011 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.04.2026).

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» ; Приказ Минюста России от 29 декабря 2023 г. № 413 «Об утверждении Методических рекомендаций об организации работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере правовой помощи, отнесенных к компетенции Минюста России». Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2025 г. № 3523-р «О национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года» // СЗ РФ. 2025. № 49. Ст. 7609.

⁷ Гетьман-Павлова И.В. Указ. соч. С. 38.

стоящей статье, предстает *антиподом* принципа международной вежливости. И безусловно, говорить о международной грубости как о принципе, фундаментальной идее международного права, как это понимают правоведы, невозможно. Указанное понятие представляет собой скорее своего рода фигуру речи, некая спекулятивность которой призвана подчеркнуть, что этот феномен, укоренившийся в международных отношениях, выступает разрушителем тех позитивных начал, которые заложены принципом международной вежливости.

Международная грубость как системное направление современного общения между отдельными государствами проявляется прежде всего в так называемом санкционном праве, которое формируется западными странами в отношении тех государств, которые они считают недружественными⁸. Если говорить об общих тенденциях формирования санкционного права, то таковое представляет собой систему правовых (квазиправовых?) институтов, создаваемых государствами Глобального Севера против отдельных развивающихся государств и России с целью удержания идеологического, политического и экономи-

ческого лидерства в глобальном мироустройстве.

При этом наиболее болезненными оказываются санкции, ограничивающие гражданские права частных субъектов по принципу их принадлежности подсанкционному государству. Такие ограничительные меры «преимущественно находятся в рамках внутригосударственного или регионального правового поля, являются внутринациональным или региональным правовым решением и отражают политический курс того или иного государства (группы государств), направленный на смену политического курса другого, подсанкционного государства»⁹.

Таким образом, экономические меры ограничительного характера затрагивают самые разные сферы отношений как частноправового, так и публично-правового характера¹⁰.

Особенно выделяется санкционное право, направленное против России. По информации Президента РФ, количество санкций в отношении нашего государства превысило 28 000¹¹. Совокупность мер санкционного характера, в соответствии с гегелевским законом перехода количественных изменений в качественные, позволяет говорить о формировании своего рода института санкционного права, в основе которого и лежит «принцип международной грубости» как скрепляющая его основополагающая идея.

⁸ Отметим, что санкции западных государств не имеют опоры в международном праве, которое указывает, что для принятия таких мер необходимо единогласное решение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ст. 41 Устава ООН // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 10.04.2026)). Такое решение без участия Российской Федерации, его постоянного члена, естественно, принято быть не может. Да и с точки зрения сущности санкций они таковыми не являются, вследствие чего их правильнее именовать «незаконными мерами ограничительного характера». Тем не менее в контексте настоящей статьи мы будем использовать термин «санкционное право», поскольку он уже устоялся в юридической литературе. Кроме того, иногда мы будем пользоваться термином «экономические санкции».

⁹ Шахназаров Б.А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ URL: <https://tass.ru/politika/23432657> (дата обращения: 24.03.2026). Соответствующая информация была озвучена президентом более года назад, и, конечно, на сегодняшний день количество санкций против России существенно возросло.

«Принцип международной грубости» имеет два аспекта: моральный и юридический. Дихотомия негативной оценки этого феномена обусловлена как факторами естественно-правового и нравственно-гуманитарного свойства, так и прагматическими экономическими соображениями, диктующими рациональность межгосударственного регулирования через оптимизацию юридических институтов.

Моральный аспект международной вежливости чрезвычайно важен хотя бы с той точки зрения, что является свидетельством нравственной зрелости ее носителя.

Между тем термин «вежливость», будучи оценочным понятием, не имеет строгого юридического содержания.

Равным образом его антипод «грубость» — также понятие весьма аморфное и сложно поддающееся формализации. Толковый словарь государственного языка применительно к социальным явлениям так определяет смысловые оттенки понятия «грубый»: не соблюдающий этики человеческих или профессиональных отношений; невежливый, неделикатный, неучтивый; выражающий неуважение, пренебрежение к кому-либо; исполненный неучтивости, резкости; нарушающий элементарные правила чего-либо; непозволительный, недопустимый¹².

Исходя из общеупотребительного понятия термина «грубость», оценка международной грубости, формируемой отдельными государствами, имеет крайне негативную коннотацию.

Нужно сказать, что отечественный законодатель, основываясь на тра-

диционных представлениях о вежливости, избегает (и должен избегать) использование термина «грубость»: заменяя его понятиями «недружественные действия», «недружественные государства»¹³, которые, с нашей точки зрения, являются не чем иным, как симулякрами, прикрывающими реальную сущность принципа международной грубости. Вместе с тем очевидно, что исходя из дипломатической стратегии, формулируемой нашим государством столетиями, *официальное* применение этого термина недопустимо. При этом *доктринальное* его использование не только допустимо, но и, с нашей точки зрения, необходимо для того, чтобы подчеркнуть реальный характер идеи, лежащей в основе формирования санкционного права.

Нужно отметить, что антитеза «принцип международной вежливости» — «принцип международной грубости» является результатом своего рода идеологического противостояния¹⁴: с одной стороны, судов, с другой стороны — органов законодательной и исполнительной власти. Так, развиваемая на протяжении столетий¹⁵ концепция международной

¹² Толковый словарь государственного русского языка. Т. 1. А — О / под науч. ред. Н.М. Кропачева, С.А. Белова, С.А. Кузнецова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2025. С. 268.

¹³ Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» ; Указ Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ В данном случае мы говорим об идеологическом противостоянии судов и законодательной и исполнительной власти только в отношении рассматриваемого нами явления. При этом, конечно, понимаем и значительную степень условности использованного нами тезиса.

¹⁵ История становления и развития понятия «международная вежливость» весьма подробно рассмотрена в уже упомянутой выше статье Гетьман-Павловой И.В.

вежливости традиционно поддерживалась судами. Еще в 1921 г. английский судья отмечал: «Заявить, что законодательство государства, признанного суверенным со стороны нашего государства, противоречит основным принципам справедливости и морали, — это значит серьезно нарушить международную вежливость»¹⁶.

Однако длительно формируемый позитивный подход судов к принципу международной вежливости оказывается одномоментно разрушенным одним росчерком пера законодателя и агрессивной текущей политикой исполнительной власти. И судьи оказываются не в состоянии противостоять конъюнктурной деятельности политиков, способных в одночасье порушить международно-правовые институты.

Если говорить о сугубо правовых аспектах, порождаемых феноменом международной грубости, то таковые оказывают разрушительное воздействие на целый ряд общепризнанных институтов как в гуманитарной, так и в экономической сферах.

Что касается экономической области, то санкционное право деформирует основные частноправовые институты, на которых покоится гражданский оборот: право собственности, договорное право, ответственность и пр.

Аналогичные негативные последствия характерны для области международных инвестиций, международной торговли, реализации права на судебную защиту и пр.

Так, например, с юридико-технической точки зрения *право собственности* в рамках санкционного права

нарушается двумя способами: 1) путем непосредственного изъятия собственности, принадлежащего лицам из недружественных государств, и 2) путем так называемого замораживания на неопределенный срок активов, принадлежащих подсанкционным лицам.

Если первый способ грубо и без прикрас игнорирует все основные «священные» принципы «неприкосновенности» права собственности, формулируемые в западном праве столетиями, то второй способ носит иезуитский характер: формально не прекращая права собственности, он позволяет лишать правообладателя возможности *de facto* владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, включая возможность получать дивиденды, бонусы, роялти, а также реализовывать корпоративные права, на основе которых определяется концепция использования активов. Более того, лица, накладывающие экономические санкции, не только владеют, но и пользуются активами подсанкционного лица, извлекая выгоду за счет процентов от использования имущества, а также путем реализации корпоративных прав с необходимыми для себя целями, включая такое реструктурирование бизнеса, которое может быть невыгодным собственнику, но интересным фактическому владельцу активов. Вследствие подобного рода ползучей экспроприации активов подсанкционное лицо не только лишается своего имущества, но и разрушается его бизнес, а также нарушаются права третьих лиц, тем или иным образом связанных с предприятием, в отношении которого введены ограничительные меры.

Одно из основных направлений экономических санкций — это установление *ограничений на совер-*

¹⁶ Цит. по: Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М.: Госюриздат, 1959. С. 60.

шение сделок с подсанкционными лицами. Вследствие этого классические институты договорного права, обеспечивающие устойчивость международного торгового оборота и транснациональных инвестиционных отношений, претерпевают существенные изменения. Деформации *договорного права* происходят за счет вторжения санкционного права во все основные его субинституты: заключение договора, его исполнение, изменение, прекращение, основания оспаривания, признание сделки недействительной, последствия такой недействительности.

Одним из инструментов санкционного права является опора на концепцию *объективного вменения*. Ограничения вводятся в отношении тех лиц, которые не являются государственными чиновниками подсанкционного государства, а остаются частными лицами, которые никогда не предпринимали никаких действий, которые могли бы быть расценены как негодные для тех государств, которые формируют санкционные меры. Другими словами, государства, генерирующие санкции, по сути, устанавливают различного рода рестрикции в отношении невиновных лиц. Более того, привлекаются к ответственности те лица, которые не могут повлиять на международную политику государства, в юрисдикции которого они находятся, а в каких-то случаях могут быть и не согласны с такой политикой. Таким образом, оказываются отброшенными стандарты прав человека, которые декларируются теми же западными государствами. Налицо манипулятивное использование тех или иных правовых концепций в зависимости от политических и экономических целей, которые преследуются в международных отношениях.

Стандарты международного инвестиционного права также подвергаются деструкции. Фактически уничтожаются гарантии, принадлежащие инвесторам из недружественных государств на основании двухсторонних договоров о защите и поощрении инвестиций, а также из многосторонних соглашений о защите инвестиций. Более того, уничтожаются те стандарты защиты инвестиций, которые рассматриваются не только как международные обычаи в области инвестиционной деятельности, но и как принципы международного права.

Санкционное право оказывает негативное воздействие не только на инвесторов, но и на реципиентов инвестиций, каковыми в значительном числе случаев являются государства Глобального Юга, или, другими словами, развивающиеся государства, остро нуждающиеся в капиталовложениях. Ограничения, устанавливаемые в рамках санкционного права, препятствуют свободному движению капитала, что негативно сказывается на экономиках развивающихся государств. Такие санкционные меры в некоторых случаях становятся основанием для решений международного инвестиционного арбитража, принимаемых не в пользу государств — реципиентов инвестиций.

Ограничение *права на судебную защиту* российских граждан и юридических лиц стало одним из инструментов санкционного права, которое вводит меры, либо полностью исключаящие, либо существенно ограничивающие возможности указанных лиц защищать свои права в судах иностранных государств и в международных коммерческих арбитражах, находящихся за пределами российской территории. При этом даже международные суды, находящиеся под

влиянием «санкционной идеологии» западных государств, исходят из того, что в данном случае отсутствует лишение или существенное ограничение фундаментальных прав и свобод граждан и юридических лиц, а имеет место «лишь» необходимое и пропорциональное их ограничение¹⁷.

Проблемы, которые возникают у лиц из подсанкционных государств при защите своих прав, имеют место на всех стадиях процедур судебной защиты: 1) при инициировании судебных и арбитражных процедур; 2) собственно во время судебных и арбитражных разбирательствах; 3) при исполнении решений, вынесенных судом или арбитражем¹⁸.

Право на судебную защиту ограничивается не только путем введения прямых рестрикций, но и формированием запретов косвенного характера, как, например, ограничением права на осуществление финансовых операций (это создает препятствия для оплаты судебных и арбитражных пошлин, оплаты услуг юридических консультантов и представителей, оплаты расходов, связанных с проездом к месту арбитража и пр.) либо введением норм, требующих получения консультантом лицензии на судебное представительство в отношении подсанкционных лиц.

В определенном числе случаев западные суды признают право под-

санкционных лиц обращаться к ним за защитой прав, однако даже если решение будет вынесено в их пользу, это еще не означает того, что оно будет эффективно исполнено, поскольку взысканные суммы будут зачислены на неопределенный срок на замороженные счета в банках, находящихся в недружественных государствах.

Следует отметить и еще одну тенденцию, порождаемую санкционным правом. Имеется в виду эффект самоцензурирования резидентов государств, которые вводят ограничительные меры. Так, например, известны случаи, когда, несмотря на отсутствие соответствующих прямых запретов, банки отказывались совершать финансовые сделки с теми лицами, в отношении которых санкции не были введены, но которые являются резидентами подсанкционных государств.

Еще более вопиющими случаями являются отказы арбитров рассматривать споры с участием сторон, происходящих из подсанкционных государств. Зачастую такие отказы завуалированы под иное обоснование, которое формально декларируется при таком отказе.

Вывод

Феномен, который в настоящей статье именуется принципом международной грубости, представляет собой облакаемые в правовые нормы систему основных начал государственной политики тех стран, которые, пользуясь своей экономической, политической, военной мощью, под различными предлогами устанавливают существенные ограничения как экономического, так и гуманитарного характера в отношении государств, которые они считают недружественными, а также в отношении их граждан и юридических лиц.

¹⁷ Постановление Суда ЕС по делу компании «Роснефть» от 28 марта 2017 г. (C-72/15 PJSC Rosneft Oil Company v. Her Majesty's Treasury and Others [2017] ECLI: EU:C:2017:236). Цит. по: Старженецкий В.В., Фоменко А.И. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 1. С. 75.

¹⁸ Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 8. С. 135–147.

Принцип международной грубости институционализировался в так называемое санкционное право, которое по своей правовой сути является совокупностью мер ограничительного характера, не имеющих оснований в международном праве. Международная грубость отражает господство силы в международных отношениях и выражается в идеологии, реализуемой под лозунгом «сильный всегда прав».

Принцип международной грубости представляет собой антипод принципу международной вежливости, который, имея длительную и непростую историю укоренения в транснациональных отношениях, подвергается если не полному искоренению, то существенному ограничению.

Правового и нравственного оправдания принципу международной грубости нет.

Литература

1. Гетьман-Павлова И.В. Понятие «вежливость» в коллизийной доктрине Ульрика Губера / И.В. Гетьман-Павлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 38–63.
2. Елисеев Н.Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений / Н.Г. Елисеев // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.
3. Ерпылева Н.Ю. Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике / Н.Ю. Ерпылева, И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина // Международное правосудие. 2023. № 1 (45). С. 94–119.
4. Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой / О.Ф. Засемкова // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 8. С. 135–147.
5. Костин А.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений в праве России и зарубежных государств (исторический генезис понятий и их взаимное соотношение) / А.А. Костин. Москва : Статут, 2025. 156 с.
6. Монастырский Ю.Э. «Международная вежливость» и пробелы в Российской правовой концепции взаимодействия с иностранными юрисдикциями / Ю.Э. Монастырский // Государство и право. 2025. № 3. С. 140–151.
7. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.
8. Огнева Н.С. Условия для признания и исполнения актов иностранных судов в Российской Федерации. Концепция международной вежливости и взаимности / Н.С. Огнева // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 37–42.
9. Перетерский И.С. Международное частное право / И.С. Перетерский, С.Б. Крылов. Москва : Госюриздат, 1959. 227 с.
10. Старженецкий В.В. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений / В.В. Старженецкий, А.И. Фоменко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 1. С. 74–95.
11. Сюрмеев К.Е. Принцип международной вежливости как инструмент снижения рисков возникновения параллельных разбирательств / К.Е. Сюрмеев // Законодательство. 2018. № 3. С. 79–86.
12. Толковый словарь государственного русского языка. В 2 томах. Т. 1. А — О / под научной редакцией Н.М. Кропачева, С.А. Белова, С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2025. 900 с.
13. Шахназаров Б.А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав / Б.А. Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7. С. 143–149.
14. Шебанова Н.А. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений в практике российских судов / Н.А. Шебанова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 22–43.

Конфликт квалификаций при необходимости обращения в суд для расторжения договора в международном частном праве

Тариканов Дмитрий Викторович,
профессор кафедры международного частного и гражданского права
имени С.Н. Лебедева Московского государственного института
международных отношений (университета) Министерства иностранных
дел Российской Федерации, доктор юридических наук
d.tarikanov@gmail.com

Одним из ключевых институтов международного частного права является конфликт квалификаций. Он является следствием расхождения юридического оформления одних и тех же общественных отношений в разных правовых порядках. Один малоизвестный, но важный для практики пример конфликта квалификаций рассматривается в статье. Это вопрос, нужно ли обращаться в суд для расторжения договора по требованию одной из сторон или достаточно ее одностороннего волеизъявления в адрес контрагента. В то время как романские системы придерживаются первой модели, немецкое право предпочитает вторую. Догматические решения конфликта квалификаций в данном случае вряд ли будут соответствовать правовой политике, поскольку здесь затрагивается государственное устройство: компетенция судебной власти. Поэтому следует предоставить стороне право обратиться в суд с иском о расторжении договора, если либо закон суда, либо применимое иностранное право такой иск допускают.

Ключевые слова: конфликт квалификаций, расторжение договора, международное частное право, обращение в суд, односторонняя сделка.

Вопрос конфликта квалификаций является одним из основных вопросов общей части международного частного права. Конфликт квалификаций заключается прежде всего в том, что до определения, право какой страны является применимым для регулирования конкретного правоотношения, требуется выяснить, какая коллизийная норма подлежит применению, что, в свою очередь, требует квалификации самого правоотношения, причем такую квалификацию необходимо провести на этапе, когда правовой порядок, которому подчиняется это правоотношение, еще неизвестен. Более того, после того как компетентный правовой порядок будет определен на основании коллизийной

нормы, возникает второй конфликт квалификаций вследствие того, что в компетентном правовом порядке, если он окажется иностранным, ответ на поставленный коллизийной нормой вопрос может относиться к иному правовому институту, чем тот, который существует на этот счет в праве суда. В результате возникает вопрос, охватывается ли коллизийной отсылкой данный ответ, оформленный юридико-технически в иностранном правовом порядке иначе¹.

¹ Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве // Вестник экономического правосудия. 2023. № 11. С. 120, 132–133; Тариканов Д.В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 81–83.

В отечественной литературе конфликты квалификаций традиционно иллюстрируются примерами процессуальной квалификации института исковой давности в англо-американском праве, который в континентальных правовых порядках (российском, немецком, французском) является материально-правовым институтом².

В настоящей статье ставится цель рассмотреть конфликт квалификаций, возникающий, когда в силу волеизъявления или по требованию одной из сторон необходимо расторгнуть договор, осложненный иностранным элементом, и право суда и применимое иностранное право содержат разные правила относительно того, нужно для этого обращаться в суд или нет.

В российском праве в соответствии с п. 2 ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее — ГК РФ) договор расторгается по требованию одной из сторон *по решению суда* (курсив наш. — Д.Т.). В соответствии с п. 2 ст. 450.1 ГК РФ договор считается расторгнутым (т.е. возникнут

правовые последствия расторжения договора) также и тогда, когда одна из сторон односторонне отказалась от договора (исполнения договора) без обращения в суд, если право на такой отказ предоставлено законом, иным правовым актом или договором (п. 1 ст. 450.1 ГК РФ).

Например, право покупателя на односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи предусмотрено п. 1 ст. 463 ГК РФ (в случае отказа продавца передать товар) и абзацем вторым п. 2 ст. 475 ГК РФ (в случае существенного нарушения требований к качеству товара).

Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) в абзаце втором п. 3.1 Постановления от 2 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной»⁴ (далее — Постановление № 23-П) правомерно отметил преимущество внесудебного одностороннего отказа от исполнения договора перед судебным расторжением: «Отсутствие у наймодателя права расторгнуть договор во внесудебном порядке, даже при существенном нарушении условий договора нанIMATEЛЕМ и при наличии этого права у нанIMATEЛЕЯ, создает отрицательный стимул сдавать жилые помещения внаем, а при сдаче — надлежащим образом оформлять договоры, что способствует снижению предло-

² Лунц Л.А. Курс международного частного права : в 3 томах (репринт по 2-му изд.: Т. 1. М. : Юридическая литература, 1973 ; Т. 2. М. : Юридическая литература, 1975 ; Т. 3. М. : Юридическая литература, 1976 (в соавторстве с Н.И. Марышевой)). М. : Спарк, 2002. С. 247–248, 266 ; Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М. : Статут, 2021. С. 47–48 (автор раздела — В.П. Звекон) ; Тариканов Д.В. История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 100–101. В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс») также приведен только этот пример как пример конфликта квалификаций.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление от 2 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» // СПС «КонсультантПлюс».

жения на данном рынке и росту стоимости найма жилья, мешает легализации этого рынка и позволяет избегать уплаты налогов в бюджет» (абзац второй п. 3.1 мотивировочной части Постановления № 23-П).

Нельзя отрицать преимущество судебной процедуры, которое заключается в том, что в ее рамках происходит предварительная защита прав второй стороны, несогласной с расторжением договора, и вносится определенность в отношения сторон, чего не происходит в случае внесудебного отказа одной из сторон, когда другая сторона считает, что договор сохраняет силу.

В сравнительно-правовом аспекте немецкий и французский правовые порядки выражают два противоположных подхода к вопросу о необходимости обращения в суд для расторжения договора.

В немецком праве договор вследствие его нарушения одной из сторон прекращается во внесудебном порядке (*Rücktritt*, абзац первый § 323 Германского гражданского уложения⁵, далее — ГГУ), посредством заявления контрагента об отказе от исполнения договора (§ 349 ГГУ)⁶. Обращение в суд с требованием о расторжении договора не только не требуется, но и не допускается, так как для этого отсутствует законный интерес сторо-

ны. Считается, что сторона может и должна реализовывать свое право самостоятельно, без обращения в суд. Единственное, что допускается в этой ситуации, — это право стороны обратиться в суд с иском об установлении правовой ситуации: того, что договор является прекращенным вследствие действительного одностороннего отказа (*Feststellungsklage*, абзац первый § 256 ГГУ). Но такой иск будет принят судом к рассмотрению только в том случае, если у стороны отсутствует иной способ внести определенность в данную правовую ситуацию. Подобным иным способом установления факта расторжения договора или, если угодно, привилегированной возможностью признают иск об исполнении по договору, который контрагент отказывается исполнять, считая его расторгнутым (*Leistungsklage*). Рассматривая данный иск, суд должен будет дать свое суждение относительно того, расторгнут договор в действительности или нет.

Говоря о внесудебном расторжении договора, необходимо заметить, что немецкое обязательственное право в целом характерно тем, что предоставляет участникам гражданского оборота широкие возможности самостоятельно, без обращения в суд, трансформировать свои взаимные гражданские права и обязанности посредством одностороннего волеизъявления.

Подобным односторонним волеизъявлением, помимо отказа от исполнения договора, являются допускаемые ГГУ: а) аннулирование договора (*Anfechtung*), абзац первый § 143 ГГУ⁷; б) расторжение длящегоо-

⁵ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 27.05.2026).

⁶ Ср. пункт 4 ст. 48 английского Закона о купле-продаже товаров (Sale of Goods Act 1979. URL: <http://www.legislation.gov.uk>), который гласит: «Если продавец прямо оговаривает за собой право на реализацию товара третьим лицам на случай, если покупатель не оплатит товар, и если продавец реализовывает это право при нарушении покупателем обязательства по оплате, то договор купли-продажи между этим продавцом и покупателем считается расторгнутым (*rescinded*) без ущерба права продавца требовать возмещения убытков». Таким образом, на этот случай предусмотрено внесудебное расторжение договора.

⁷ В работе Т. Лассена (Лассен Т. Преобразовательные права (*Gestaltungsrechte*) по немецкому праву // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 152–156) термин *Anfechtung* переведен как «оспаривание». Представляется, что такой

ся договора (*Kündigung*), абзац первый § 542, §§ 605, 623 ГГУ; в) отмена договора потребителем (*Widerruf*), предложение второе абзаца первого § 355 ГГУ.

В отличие от немецкого, французское гражданское право предпочитает судебный порядок одностороннему волеизъявлению стороны по договору в вопросе расторжения договора для преобразования обязательственного правоотношения. С позиций французского законодателя, у сторон всегда должен иметься в распоряжении суд, чтобы трансформировать имеющуюся правовую ситуацию. Следовательно, французское право придерживается модели предоставления права стороне на обращение в суд с целью изменения правовой ситуации.

Посвященный расторжению договора абзац третий ст. 1184 Французского Гражданского кодекса⁸ (далее — ФГК) в предыдущей редакции (до 2016 г.) гласил:

«Расторжение договора должно осуществляться посредством обращения в суд».

В настоящее время, после реформы обязательственного права от 10 февраля 2016 г.⁹, расторжение договора стало возможным и без обращения в суд. Расторжение договора од-

ной из сторон допускается в случае, если это предусмотрено договором (*la clause résolutoire*, первая альтернатива ст. 1224, ст. 1225 ФГК), или при наличии достаточно существенного нарушения договора (*en cas d'inexécution suffisamment grave*). Такое расторжение осуществляется путем составления официального акта судебного исполнителя или путем обращения в суд (вторая альтернатива ст. 1224, ст. 1226 ФГК). При этом при наличии возможности расторгнуть договор во внесудебном порядке заинтересованная сторона не лишается права обратиться в суд с требованием о расторжении договора (ст. 1227 ФГК).

Кроме того, утрата договором юридической силы вследствие ошибки, обмана или насилия может произойти только посредством обращения в суд с иском о признании договора недействительным (*action en nullité ou en rescision*) (ст. 1117 и 1304 ФГК в первоначальной редакции, а в ныне действующей редакции — это ст. 1131 и предложение второе абзаца первого ст. 1178 ФГК).

Дихотомия изменения гражданского правоотношения собственным односторонним волеизъявлением стороны договора, с одной стороны, и требование закона об обращении в суд с той же целью, с другой стороны, качественно отличаются нормы романской и германской моделей гражданского права в вопросе о расторжении договора.

Различие проявляется и в используемых правовых терминах. В немецком юридическом языке первый вариант, т.е. расторжение договора без обращения в суд, обозначен как *Gestaltungsrecht*¹⁰, а второй

перевод может создать у русскоязычного читателя неверное представление о необходимости обращения к какому-то третьему лицу (суду) с просьбой о признании этого договора недействительным. Однако *Anfechtung* — это уничтожение правовой силы сделки без обращения к третьему лицу; юридический эффект этого *Anfechtung* в отношении сделки равносителен вступлению в законную силу судебного решения о признании этой сделки недействительной в России. В этой связи термин «аннулирование» представляется более уместным.

⁸ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 27.05.2026).

⁹ Ordonnance n° 2016–131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. URL: <http://www.legifrance.fr>

¹⁰ Авторство термина в немецкой литературе связывается со статьей: Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 205–252 (перевод с нем. С.В. Третьякова статьи: Seckel E.

Gestaltungsklagerecht, что в буквальном переводе означает соответственно «право на изменение» (имеется в виду правовая ситуация) и «право на иск на изменение».

Следует отметить, что в российской литературе *Gestaltungsrecht* получило устойчивое наименование «секундарное право», введенное в научный оборот на основе кандидатской диссертации А.Г. Певзнера 1961 г.¹¹

Когда германская и французская системы встречаются на уровне международных коллизий законов, возникает вопрос, каким правом, а именно законом суда или применимым иностранным правом, определяется, существует ли в данном случае необходимость обращаться в суд или нет, имеет ли место *Gestaltungsrecht* (право на изменение) или *Gestaltungsklagerecht* (право на иск на изменение). Например, подчиненный немецкому праву договор требуется расторгнуть во Франции. Возникает вопрос, нужно ли в этом случае подавать иск, как это предусмотрено французским законом суда, или достаточно одностороннего волеизъявления, как это предусмотрено не-

мецким *lex causae*? Или, наоборот, подчиненный французскому праву договор необходимо расторгнуть в Германии. Будет ли вопреки немецкому гражданскому процессуальному праву допустимым в немецком суде иск о расторжении этого договора, если в Германии достаточно расторжение договора без обращения в суд, а согласно французскому *lex causae* такой иск является допустимым?

В немецкой правовой доктрине данный вопрос рассматривается как конфликт процессуальной и материально-правовой квалификаций необходимости обращения в суд (*Gestaltungsrecht* и *Gestaltungsklagerecht*).

Например, К. Херфарт пишет:

«С переходом власти на преобразование правоотношения к суду и требованием конститутивного судебного решения для преобразования этого отношения возникает необходимость проведения судебного процесса. Возникает вопрос, допустимо ли из этого требования судебного рассмотрения делать процессуальную квалификацию. В пользу такой квалификации как (также) процессуальной нормы можно привести аргумент, что *норма, предусматривающая проведение процесса в принципе, является самой процессуальной, какую можно вообще представить*»¹² (курсив наш. — Д.Т.).

Утверждение о потенциальной процессуальной квалификации в данном случае нуждается в уточнении, поскольку речь идет о норме, «предусматривающей проведение процесса в принципе», в то время как процессуальная квалификация предполагает наличие уже имеющегося процесса, т.е. возбужденного в суде дела.

Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts // Festgabe der Juristischen Gesellschaft zu Berlin zu Ehren von Dr. Richard Koch, Berlin, 1903. S. 205–253).

¹¹ Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 114–117. Этот термин использовался и автором настоящей работы для обозначения правовой ситуации, имеющейся в момент, когда для завершения формирования юридического состава требуется совершение волевого юридического акта: Тариканов Д.В. Юридическая личность коммерческих организаций в гражданском праве России. М. : Статут, 2006. С. 33. В настоящее время, после более глубокого погружения в немецкое право, следует признать, что под *Gestaltungsrecht* в немецком праве понимается иное явление: не динамика субъективного права, а отношение к полномочиям частного лица (а не государства) возможности изменить правовую ситуацию.

¹² Herfarth Ch. Die Scheidung nach jüdischem Recht im internationalen Zivilverfahrensrecht. Heidelberg : Winter, 2000. S. 96, 98, 100.

В этом смысле уместна знаменитая фраза профессора Г. Кегеля (пусть он и расставлял в ней иные акценты, но для целей настоящей работы это значения не имеет), согласно которой *Ob verfahren wird* (будет ли процесс) не равнозначно *Wie verfahren wird* (как будет вестись процесс; а это и есть собственно процесс). Г. Кегель утверждает:

«Закон суда господствует лишь тогда, **когда** процесс ведется (*wenn verfahren wird*) (суды и стороны должны в этом случае вести себя определенным образом, и это происходит подобно дорожному движению по правилам местного права). Однако закон суда не отвечает на вопрос, должен **ли** или может *ли* вестись процесс в принципе (*ob verfahren werden muss oder kann*)»¹³ (курсив наш, жирный шрифт в оригинале. — Д.Т.).

Должен ли вестись процесс или сторона может сама осуществить свое право — этот вопрос затрагивает государственное устройство в стране суда.

В этом отношении любопытно решение Верховного суда Австрии в решении 1950 г., в котором буквально сказано следующее:

«Верховный суд критикует австрийские процессуальные законы, которые проводят различие между делами, “подпадающими под международную подсудность (*Zuständigkeit*) австрийских и иностранных судов”. Первичен вопрос о наличии судебной компетенции как таковой (*Jurisdiktion*). То или иное дело может быть в Австрии предметом компетенции судов, в то время как если бы оно подлежало рассмотрению за границей, то там оно *подпадало*

бы под компетенцию религиозных судов или административных органов. Если дело, которое согласно нормам австрийского международного частного права подлежит рассмотрению за границей не судами, передано на рассмотрение австрийского суда, то производство по нему подлежит прекращению не вследствие отсутствия международной подсудности, а вследствие отсутствия судебной компетенции австрийских судов» (курсив наш. — Д.Т.)¹⁴.

Применительно к настоящему изложению выделенная курсивом фраза «подпадало бы под компетенцию религиозных судов или административных органов» может быть дополнена выражением «а также вообще не подлежало бы рассмотрению со стороны органов государственной власти». Другими словами, то, что в стране суда, рассматривающего спор, относится к компетенции судебных органов, в других государствах может относиться к компетенции иных органов либо даже может быть реализовано действиями частных лиц.

Французский профессор П. Майер правомерно именует этот вопрос вопросом собственной организации государства и относит его к исключительной компетенции этого государства: «Каждое государство имеет исключительную компетенцию в вопросах собственной организации»¹⁵.

Если вопрос о необходимости обращения к государству для реализации своего права или интереса является вопросом государственного устройства, то он разрешается соглас-

¹³ Kegel G. Scheidung von Ausländern im Inland durch Rechtsgeschäft, Anmerkung zum Bundesgerichtshof 14.10.1981 — IV b ZB 718/80 // IPRax. 1983. S. 23.

¹⁴ Oberster Gerichtshof 18.10.1950 — ZI. 1 Ob 579/50 // Clunet. 1951. P. 634.

¹⁵ Mayer P. Le droit international privé et droit international public sous l'angle de la notion de compétence // Revue critique de droit international privé. 1979. Iss. 54. P. 374.

но закону государства, чье государственное устройство затрагивается.

Расставленный здесь акцент в квалификации необходимости обращения в суд как процессуального вопроса или вопроса государственного устройства носит в большей степени не содержательное, а редакционное значение, поскольку независимо от того, какой из этих двух квалификаций будет отдано предпочтение, результатом и той и другой станет применение к ней закона суда. Отнесение данного вопроса к государственному устройству лишь уменьшает возможность компромисса правопорядка суда с иностранным *lex causae*, поскольку ряд авторов обосновывает применение закона суда к процессу соображениями целесообразности¹⁶, а в таком случае возможность указанного компромисса существует.

Подлинной проблемой здесь является конфликт частно- (материально-) и публично-правовой (как элемента государственного устройства или процессуальной) квалификации.

Поводом для первоначального обсуждения этой проблемы в немецкой юридической литературе послужило решение Верховного суда Швейцарии 1930 г.¹⁷, в котором необходимость обращения в суд для преобразования правоотношения по французскому *lex causae* была признана непримени-

мой в Швейцарии, хотя для обоснования такого вывода Суд воспользовался формулой *locus regit actum*. По обстоятельствам дела проживавший в Швейцарии покупатель заявил о недостатке товара посредством своего одностороннего заявления в адрес продавца, как это предписывает швейцарское право, в то время как договорный статут (французское право) предусматривал в этом случае необходимость заявления иска о недостатке товара согласно ст. 1648 ФГК. Продавец заявил о том, что сделанное покупателем заявление не влечет юридических последствий согласно французскому *lex causae* и потребовал уплаты покупной цены в полном объеме.

Верховный суд Швейцарии отклонил довод продавца со ссылкой на то, что в противном случае следовало бы признать, что иностранный законодатель был бы допущен к определению круга задач швейцарских судов: «...процедура заявления о недостатках товара не находится в свободном усмотрении сторон, а имеет тесную взаимосвязь с публичным, в частности с процессуальным, правом. <...> Нельзя исключать, что отдельные государства предусматривают участие органов государственной власти еще на стадии материально-правовой оценки ситуации. Если в таких ситуациях не опираться исключительно на внутреннее право, то отечественные инстанции должны были бы совершать в соответствии с иностранным процессуальным правом определенные действия, совершенно неизвестные праву места жительства покупателя»¹⁸.

Таким образом, по мнению Верховного суда Швейцарии, иск о преобразовании правоотношения, предусмотренный *lex causae*, не является

¹⁶ Полумордвинов Д.И. Исследование и оценка доказательств в международном гражданском процессе // Советский ежегодник международного права. 1963. М., 1965. С. 462: «Деятельность суда была бы непомерно осложнена и даже вообще невозможна, если бы суд при рассмотрении подведомственных ему дел применял различные процессуальные порядки в зависимости от того, материальным законом какого государства он должен руководствоваться при рассмотрении дела по существу».

¹⁷ Bundesgericht 16.01.1930, S.A. des Anciens Etablissements Guggenheim, Florsheim & Cie c. Wormser & Bollag // Entscheidungen des Schweizerischen Bundesgerichts (BGE). 56. Band. II. Teilband. S. 38–50.

¹⁸ Ibid. S. 47–48.

допустимым, если закон суда предусматривает это изменение посредством внесудебного одностороннего волеизъявления одной из сторон.

Первоначальная реакция доктрины на это решение заключалась в том, что различие в законодательных решениях в подобных случаях имеет второстепенное техническое значение, поскольку сама по себе возможность вынесения немецким (или швейцарским) судом правообразующего решения немецкому (или швейцарскому) праву известна. Суду следовало соблюсти требования *lex causae*, имеющие в данном случае приоритет¹⁹.

В последующем авторы стабильно высказывались в пользу материально-правовой квалификации норм французского права, предписывающих судебный порядок преобразования правоотношения, в то время как немецкое право ограничивалось в этой ситуации односторонней сделкой, и, соответственно, полагали необходимым для немецкого суда принять и рассмотреть такой иск по существу²⁰.

¹⁹ Nussbaum A. Deutsches Internationales Privatrecht unter besonderer Berücksichtigung des österreichischen und schweizerischen Rechts. Tübingen : Mohr, 1932. S. 390. Со ссылкой на него в этом же смысле: Reu F. Die Staatliche Zuständigkeit im Internationalen Privatrecht, Landes- und völkerrechtliche Forschungen zum internationalen Recht des Zivilprozesses, Strafprozesses, der Verwaltung und der freiwilligen Gerichtsbarkeit. Marburg : Elwert, 1938. S. 184.

²⁰ Raape L. Staatsangehörigkeitsprinzip und Scheidungsakt sowie internationale Zuständigkeit in Scheidungsprozessen, mit besonderer Berücksichtigung des französischen, belgischen und rumänischen Rechts. Berlin: Alfred Metzner Verlag, 1943. S. 153 ; Riezler E. Internationales Zivilprozessrecht und prozessuales Fremdenrecht. Tübingen : Mohr Siebeck ; Berlin : De Gruyter, 1949. S. 242–243 ; Vischer F. Die rechtsvergleichenden Tatbestände im internationalen Privatrecht, Die Übereinstimmung der materiellen Rechtsinhalte als Voraussetzung des internationalen Privatrechtes. Die Bedeutung des Begriffes der Äquivalenz. Basel : Verlag von Helbing & Lichtenhahn, 1953. S. 84. Fussnote 31: «Не процессуальное, а материаль-

ное право решает, происходит ли изменение правоотношения посредством вынесения решения или для этого достаточно частного волеизъявления» ; Niederländer H. Materielles Recht und Verfahrensrecht im internationalen Privatrecht // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 1955. S. 50: «Если в немецком суде заявлен иск о расторжении договора или признании его недействительным в соответствии с французским правом, то немецкий суд должен вынести соответствующее решение, хотя по немецкому праву при неисполнении договора или при ошибке при заключении договора выносятся либо решение о присуждении, либо решение о признании» ; Raape L. Internationales Privatrecht. 5. Auflage. Berlin — Frankfurt a.M. : Verlag Franz Vahlen GmbH, 1961. S. 520 ; Boob D. Fragen der „wesenseigenen Zuständigkeit“ im Internationalen Familienrecht. Bonn : Universität, 1965. S. 37 ; Heldrich A. Internationale Zuständigkeit und anwendbares Recht. Berlin: de Gruyter; Tübingen : Mohr, 1969. S. 261: «Коллизионная отсылка представляет собой достаточное основание для круга задач немецкого суда, если применимое материальное право требует от него вынесения акта, изменяющего правоотношение, который немецкому праву неизвестен, например расторжение договора посредством конstitutивного решения согласно статье 1184 ФГК» ; Grunsky W. Lex fori und Verfahrensrecht // Zeitschrift für Zivilprozess. 1976. S. 258: «В итальянском праве в случае ошибки одной из сторон она не имеет права, как у нас, заявить об аннулировании договора посредством одностороннего волеизъявления; в таком случае эта сторона должна требовать прекращения договора посредством вынесения судебного решения (ст. 1427 Гражданского кодекса Италии). Через эту конструкцию увеличивается степень правовой определенности в отношении существования договора. Если с материально-правовой точки зрения дело подлежит разрешению согласно итальянскому праву, то это право будет применено правильно лишь тогда, когда за немецким судом будет признано соответствующее полномочие изменить правоотношение, хотя такое полномочие в немецком праве отсутствует, и, соответственно, когда уполномоченной на аннулирование договора стороне будет предложено предъявить иск о признании его недействительным, т.е. если мы таким образом применим итальянское процессуальное право» ; Jaeckel F. Die Reichweite der lex fori im internationalen Zivilprozessrecht. Berlin : Duncker & Humblot, 1995. S. 59–60, 70: «Если немецкое гражданское право предусматривает право на материально-правовой внесудебный отказ от исполнения договора в случае невозможности его исполнения или его нарушения (§ 325, 326 ГГУ), то французская норма, имеющая преимущественно процессуальный характер, должна тоже квалифицироваться как материально-правовая» ; Möller L. Ausländische einvernehmliche

В этой связи в 1961 г. Г. фон Краусхаар формулирует тезис о материально-правовой норме, связанной с процессом (*prozessrechtbezogene Sachnorm*)²¹. В качестве иллюстрации такой материально-правовой нормы этот автор приводит норму, обязывающую обратиться с иском в суд для преобразования материального правоотношения, где суд, по мнению этого автора, является техническим звеном в реализации материального права:

«Судебное решение о преобразовании правоотношения выступает здесь лишь как форма технического одобрения (placet) по отношению к частной воле, направленной на преобразование правоотношения. Основной удельный вес при материально-правовом и процессуальном взаимодействии находится в волеизъявлении, выраженном в требовании о преобразовании правоотношения, а суд лишь ставит свой “штамп” об одобрении в интересе правовой определенности и при соблюдении определенных условий. Поэтому нормы, которые устанавливают необходимость предъявления иска о

преобразовании правоотношения и определяют круг уполномоченных на то лиц, *относятся к материальному праву. Следовательно, § 2342 ГГУ, согласно которому, для того чтобы добиться признания кого-либо недостойным наследником, необходимо предъявить иск в суд, является материально-правовой нормой»*²². (Курсив наш. — Д.Т. Г. фон Краусхаар строит свою диссертацию на основе наследственного права, но на общий характер сделанных им выводов это не влияет.)

Тезис Г. фон Краусхаара поддержал автор одной из самых авторитетных диссертаций о преобразовательных исках в Германии П. Шлоссер:

«Решающая роль должна быть отведена не вопросу о том, квалифицировать ли нормы, упрямочивающие немецкий суд на вынесение правообразующего решения, как материально-правовые или процессуальные. Следует, однако, отметить, что господствующее мнение в Германии правомерно признает эти нормы материально-правовыми по меньшей мере в силу условий их применения, в силу основания правообразования. Однако в действительности основания квалификации данных норм никак не препятствуют их применению в Германии. Даже если рассматривать эти нормы или часть условий их применения как процессуальные, это не препятствует вынесению немецким судом правообразующего решения, если этого требует иностранное право. В отношении той изначальной нормы, согласно которой суд применяет только свое право, если речь идет о процессе, в последних научных работах сделаны нюансы ее применения. В частности, на

Privatscheidungen und hoheitliche Mitwirkung, zur Anerkennung und Wirksamkeitsprüfung von Scheidungen im autonomen IZVR und IPR. Berlin : Duncker & Humblot, 2022. S. 292. Позиция Р. Геймера неясна, но прослеживается тенденция в пользу господствующего мнения: Geimer R. Internationales Zivilprozessrecht. 9. Auflage. Köln : Verlag Dr. Otto Schmidt, 2024. Rdnr. 1051, 1052: «Если применимое иностранное материальное право предусматривает вместо внесудебного преобразования правоотношения судебное вмешательство, то Германия должна обеспечить больший объем подсудности для признания, чем существует для принятия решения по существу». Соглашается с решением Верховного суда Швейцарии В. Нидерер: Niederer W. Einführung in die allgemeinen Lehren des internationalen Privatrechts. 3. Auflage. Zürich : Polygraphischer Verlag AG, 1961. S. 184.

²¹ Craushaar G. von. Die internationalprivatrechtliche Anwendbarkeit deutscher Prozessnormen, Österreichisches Erbrecht im deutschen Verfahren. Karlsruhe : C.F. Müller, 1961. S. 61.

²² Ibid. S. 60.

повестке дня стоит теория процессуальных норм, связанных с материальным правом или обусловленных им (*die sachrechtsbezogenen und sachrechtsgebundenen Verfahrensnormen*), и материально-правовых норм, реализация которых связана с процессом (*die prozessrechtsgebundenen Sachnormen*). <...> Для нас принципиальным здесь является тезис о том, что *тесное переплетение материально-правовых и процессуальных норм в области преобразовательных исков и выносимых по таким искам решений не может препятствовать применению иностранного lex causae*²³ (курсив в оригинале. — Д.Т.).

В немецкой доктрине права новый импульс для дискуссии дала упоминавшаяся выше статья Г. Кегеля 1983 г., в которой он отверг принадлежность вопроса *Ob verfahren wird* к гражданскому процессу. Автор относит данный вопрос не к государственному устройству (гражданскому процессуальному праву), а, продолжая немецкую традицию, настаивает на материально-правовой квалификации: «... должен ли или может ли вестись процесс. На этот вопрос отвечает *материальное право*, определенное согласно нормам международного частного права. Действительно, если реализация субъективного права обуславливается необходимостью возбуждения судебного процесса, то это субъективное право претерпевает ограничения: **его материально-правовое содержание урезается (*sein materiellrechtlicher Gehalt wird verkürzt*)**»²⁴ (курсив в оригинале, жирный шрифт наш. — Д.Т.).

Тезис Г. Кегеля был впоследствии неоднократно воспроизведен в немецкой литературе: «Де-факто такая

норма ограничивает материальное право в его возможности порождать правовые последствия: его материально-правовое содержание урезается»²⁵; «...необходимость проведения процесса покоится на материально-правовом решении о выборе в пользу модели вторичного права или против нее. *Необходимость проведения процесса есть лишь рефлекс материально-правовой нормы*. То, что процесс необходим, следует лишь из того, как устроено материальное право»²⁶ (курсив наш. — Д.Т.).

Немецкая судебная практика в области обязательственного права находится под влиянием доктрины. Немногочисленные решения, в которых возникал вопрос о преобразовании договорного отношения, подчиненного французскому материальному праву, разрешали этот вопрос в смысле допустимости соответствующего преобразовательного иска, допустимого по французскому праву.

Так, в отношении внесудебного отказа от исполнения договора, подчиненного французскому праву, примером служит решение Земельного суда Фрайбурга 1966 г. (Западная Германия), в котором указано следующее: «Внесудебный односторонний отказ от договора ... не мог повлечь прекращения этого договора. <...> Согласно абзацу третьему ст. 1184 ФГК двусторонние договоры могут быть расторгнуты только посредством вынесения судебного решения. <...> В таком решении суд не устанавливает, что договор уже прекратился, а сам расторгает договор. <...> Решение по абзацу третьему ст. 1184 ФГК — это правообразующее решение (*jugement*

²³ Schlosser P. Gestaltungsklagen und Gestaltungsurteile. Bielfeld: Gieseking, 1966. S. 303–305.

²⁴ Kegel G. Op. cit. S. 23.

²⁵ Grundmann St. Qualifikation gegen die Sachnorm: deutsch-portugiesische Beiträge zur Autonomie des internationalen Privatrechts. München: Münchener Universitätschriften, 1984. S. 152.

²⁶ Herfarth Ch. Op. cit. S. 96, 98, 100.

constitutif). <...> Поэтому, поскольку применению подлежит абзац третий ст. 1184 ФГК, в немецком процессе должно быть заявлено требование о расторжении договора и на основании этого требования — быть вынесено соответствующее решение»²⁷.

Аналогичные суждения высказывает Апелляционный суд Ольденбурга в 1975 г. (Западная Германия) в отношении аннулирования договора, подчиненного нидерландскому праву (в отличие от немецкого права, нидерландское право требовало в этом случае предъявления иска в суд о признании сделки недействительной). В этом решении указывается:

«Заявленное ответчиком внесудебное аннулирование договора по мотиву ошибки и обмана не имеет силы. Заявления о недействительности сделки подлежат правовой оценке согласно нидерландскому праву, поскольку в соответствии с господствующим мнением в литературе и судебной практике последствия пороков воли определяются статутом обязательства, т.е. правом, которому подчиняется договор. <...> Статья 1357 Гражданского кодекса Нидерландов связывает с ошибкой или обманом не автоматическую возможность аннулирования сделки, а устанавливает в этих случаях право на обращение с иском о недействительности договора (ст. 1485 Гражданского кодекса Нидерландов)»²⁸.

Наконец, Земельный суд Гамбурга отмечает в отношении аннулирования договора, подчиненного итальянскому праву, следующее:

«Заявление о недействительности сделки (*annullamento*) реализуется в итальянском праве посредством предъявления специального иска о признании сделки недействительной (ст. 1441 и след. Гражданского кодекса Италии). <...> Суд квалифицирует требование о предъявлении иска, установленное в ст. 1441, в соответствии с итальянским правом как материально-правовую, а не как сугубо процессуальную норму; иск является содержательной частью права на аннулирование сделки»²⁹.

Свою лепту в квалификацию норм о расторжении договора внесла Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.³⁰ (Венская конвенция), участниками которой являются в настоящее время 97 государств, в том числе Российская Федерация, Франция, Германия, США, Китай, Япония, Саудовская Аравия, Турция, Бразилия, Египет, Италия, Испания.

Статьей 49 Конвенции покупателю предоставлено право заявить о расторжении договора, если неисполнение продавцом любого из его обязательств по договору или по данной Конвенции составляет существенное нарушение договора, или в случае непоставки, если продавец не поставит товар в течение дополнительного срока, установленного покупателем, или заявляет, что он не осуществит поставки в течение установленного таким образом срока.

Соответственно, право на заявление о расторжении договора предоставлено и продавцу. В соответствии со статьей 64 Конвенции продавец может заявить о расторжении

²⁷ Landgericht Freiburg 06.12.1966 — 7 O 83/66 // Die deutsche Rechtsprechung auf dem Gebiete des Internationalen Privatrechts (IPRspr.). 1966—1967. S. 119. Nr. 34A.

²⁸ Oberlandesgericht Oldenburg 05.11.1975 — 8 U 31/74 // Die deutsche Rechtsprechung auf dem Gebiete des Internationalen Privatrechts (IPRspr.). 1975. S. 29. Nr. 15.

²⁹ Landgericht Hamburg 30.11.1977 — 5 O 104/77 // Recht der Internationalen Wirtschaft. 1980. S. 518.

³⁰ URL: <https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 27.05.2026).

договора, если неисполнение покупателем любого из его обязательств по договору или по настоящей Конвенции составляет существенное нарушение договора или если покупатель не исполняет в течение дополнительного срока, установленного продавцом, своего обязательства уплатить цену или принять поставку товара.

Таким образом, по немецкой модели в сфере, охватываемой Венской конвенцией, договор может быть расторгнут без обращения в суд или международный коммерческий арбитраж простым волеизъявлением стороны (продавцом или покупателем).

Учитывая, что Венская конвенция 1980 г. содержит материально-правовые, а не процессуальные нормы, то это свидетельствует о том, что международно-правовое регулирование по меньшей мере договора купли-продажи квалифицирует расторжение договора как подпадающее под действие норм материального, а не процессуального права.

Далее, пункт 1 ст. 12 Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I)³¹, который является нормативно-правовым актом всех стран — членов Европейского союза (за исключением Дании), относит к договорному статусу как последствия полного или частичного неисполнения договорных обязательств (литера с), как и различных способов прекращения обязательств (литера d). Хотя аннулирование договора, односторонний отказ от исполнения договора

и одностороннее расторжение длящегося договора не называются в этих нормах прямо, в немецкой юридической литературе на основе этих норм делается вывод о подчинении этих вопросов договорному статусу³² со ссылкой на решение Верховного суда ФРГ, содержащее попутное высказывание такого рода: «Расторжение договора, которое по общему правилу подчиняется договорному статусу»³³. Однако данное высказывание Верховного Суда ФРГ вряд ли можно считать репрезентативным, так как в этом решении отсутствует обоснование данного тезиса, равно как и Суд вообще не поднимал вопрос, охватывает ли «расторжение договора» необходимость предъявления иска в суд для расторжения договора.

По вопросу о конфликте квалификаций способов расторжения договора на сегодняшний день неизвестной остается позиция французских судов, так как практика отсутствует (равно как и отсутствует постановка данной проблемы в российской и англо-американской судебной практике, не говоря уже о ее решении). Французское материальное право в отношении признания договора недействительным и в настоящее время остается более строгим, чем немецкое, не допуская внесудебного преобразования правоотношения либо существенно его ограничивая. Остается неизвестным, допустят ли французские суды такое внесудебное расторжение договора, если договорным статусом является немецкое право, кото-

³¹ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (Рим I) // СПС «Гарант».

³² Thorn K. Rom I // Kommentar zum BGB / Hrsg. Ch. Grüneberg. 85. Auflage. München : C.H. Beck, 2026. Art. 12, Rdnr. 8: «Договорный статус регулирует различные способы прекращения договорных обязательств сторон, например посредством одностороннего отказа от исполнения или расторжения».

³³ Bundesgerichtshof 14.11.1996 — I ZR 201/94 // Neue Juristische Wochenschrift. 1997. S. 1151.

рое предписывает такое внесудебное расторжение, или сочтут необходимым обращение в суд, как это предписывает французский закон. Именно позиция правопорядка, который предъявляет более строгие требования в отношении процедуры, служит достойным доверия индикатором той или иной квалификации рассматриваемого вопроса³⁴.

Предпочтительным решением представляется предоставление стороне права обратиться в суд с иском о расторжении договора, если либо закон суда, либо применимое иностранное право такой иск допускают. Основано такое предложение на том соображении, что правовая неопределенность относительно того, имеются ли фактические основания для расторжения договора посредством одностороннего волеизъявления, усугубляется здесь неопределенностью применимого права и неопределенностью квалификации соответствующей правовой нормы. Такая повышенная правовая неопределенность обосновывает законный интерес стороны в судебной оценке правовой ситуации.

Данному предложению может быть адресован упрек, что таким образом конфликт квалификаций не получает своего разрешения; в зависимости от того, какой закон применяется для обоснования возможности предъявить в суд иск о расторжении договора, меняется квалификация. Если такая возможность предусмотрена французским законом суда, то квалификация становится процессуальной; если французским *lex causae* в немецком суде — то материально-правовой.

³⁴ Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве. М. : Статут, 2024. С. 315 ; Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГИМО, 2024. С. 344–345.

На эту критику следует ответить тем, что современные нормативные тенденции заключаются в пренебрежении догматикой ради практической целесообразности. Так, пункт 2 ст. 18 Регламента Рим I разрешил один из самых старых споров о квалификации норм о допустимости свидетельских показаний в случае нарушения письменной формы сделки, цена которой превышает установленный законом порог³⁵, причем сделал это, применив ту самую кумулятивную квалификацию, которая предлагается здесь. Пункт 2 ст. 18 Регламента Рим I гласит, что для доказывания сделки допускаются все средства доказывания, существующие в праве суда или в одном из правопорядков, перечисленных в ст. 11 (а это спектр правопорядков, которым подчиняется форма сделки, т.е. *lex causae*). Другими словами, является ли п. 1 ст. 162 ГК РФ материально-правовой или процессуальной нормой, с точки зрения Регламента значения не имеет. Если подчиненная российскому праву сделка будет оцениваться в суде европейской страны, в которой действует Регламент Рим I, и право этой страны допускает свидетельские показания в случае, когда п. 1 ст. 162 ГК РФ их не допускает, то суд признает эти свидетельские показания допустимыми³⁶.

³⁵ Ходыкин Р.М. Статья 162 (п. 1) Гражданского кодекса РФ глазами английского суда: по следам дела «Березовский против Абрамовича» // Закон. 2014. № 5. С. 114–121.

³⁶ Встречается смелое утверждение, что п. 2 ст. 18 Регламента Рим I следует рассматривать как норму о толковании договоров и потому как материально-правовую норму (Magnus U. Staudingers Kommentar zum BGB. Art. 11–20 Rom I-VO ; Art. 46b-d EGBGB; IntVertrVerfR (Internationales Vertragsrecht 2 — Internationaler Verbraucherschutz und Internationales Vertragsverfahrensrecht). Neubearbeitung 2021. Art. 18 Rom I-VO Beweis. Rdnr. 30), но такой далеко идущий вывод представляется преждевременным.

В немецкой литературе не упускается из виду нелогичность вытекающего из такой нормы результата. В качестве примера приводится заключенный во Франции устный договор купли-продажи недвижимого имущества, находящегося в Германии. Согласно французскому праву, этот договор является действительным, но не может быть доказан посредством свидетельских показаний (ст. 1359 ФГК, содержащая положение, аналогичное п. 1 ст. 162 ГК РФ). Согласно немецкому праву, никаких ограничений в средствах доказывания в процессе нет, но договор в отношении недвижимого имущества требует нотариального удостоверения, при несоблюдении чего он является недействительным (предложение первое абзаца первого § 311b ГГУ). В силу статьи 11 Регламента Рим I в таком трансграничном франко-немецком договоре форма будет соблюденной, так как соблюдена форма, требуемая по закону места совершения сделки: в данном случае по французскому праву. А в силу п. 2 ст. 18 Регламента Рим I в немецком суде для доказывания факта совершения этого договора будут допустимы и свидетельские показания, так как они допускаются в стране суда. Таким образом, в результате трансграничного характера договора правоотношение получило кумулятивное регулирование, влекущее его действительность, хотя в соответствии с каждым имеющим отношение к делу порядком, взятым изолированно, данное отношение дефектно (по немецкому праву договор недействителен, а по французскому праву он не может быть доказан свидетельскими показаниями).

Но немецкие ученые признают: такие последствия осознавались европейским нормотворцем — автором

Регламента Рим I, а потому они должны быть приняты и правоприменителем³⁷. Такова цена трансграничного характера правоотношения³⁸.

Другое возражение против предлагаемого здесь решения заключается в том, что такое решение не гармонирует с материально-правовой квалификацией, закрепленной в Венской конвенции. В результате трансграничные договоры, подчиняющиеся Венской конвенции, будут расторгаться во внесудебном порядке, а не подчиняющиеся ей — в судебном. При всей логичности данного аргумента следует не согласиться и с ним. В основе Венской конвенции лежит взаимное согласие стран — ее участниц на применение тех норм, которые закреплены в этой Конвенции, даже если они отличаются от тех норм, которые имеются в национальном законодательстве этих стран. Ратифицируя Венскую конвенцию, соответствующее государство выражает доверие по отношению к остальным участникам, и это доверие касается в том числе возможности отказаться от предварительного судебного контроля в случае расторжения договоров, подчиненных данной Конвенции.

³⁷ Kleinschmidt J. Art. 18 Rom I — Verordnung // Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 13. Band : Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 9. Auflage. München : Beck, 2025. Rdnr. 32.

³⁸ Далеким, но бесспорным предвестником этой тенденции признавать большую свободу в трансграничных отношениях, чем во внутренних, является поворот судебной практики во Франции в 1950 г. в отношении альтернативного подчинения исковой давности наиболее выгодному для должника статусу: этим поворотом был отвергнут господствовавший более века аргумент об императивном характере исковой давности во внутреннем праве, что исключает мягкость ее регулирования в праве коллизионном: Тариканов Д.В. Эволюция коллизионно-правовой квалификации исковой давности во Франции // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 230.

В ситуации, когда действуют общие коллизионные нормы, о таком особом доверии между законом суда и *lex causae* речи не идет. Мотивы, которые заставили иностранного законодателя ослабить судебный контроль за расторжением договора, предоставив стороне возможность расторгнуть этот договор без обращения в суд, могут быть основаны на особой правовой культуре в этом иностранном законодательстве, чуждой правопорядку суда. Для правопорядка суда эти мотивы могут быть недостаточными, чтобы отказаться от судебного-

го порядка для расторжения договора. Поскольку между правопорядками отсутствует особая степень доверия, подобная той, что формализована фактом участия в Венской конвенции, то руководствоваться следует общими соображениями целесообразности. Предусмотренный в законе суда судебный контроль за расторжением договора в любом случае несет в себе публично-правовые элементы, которые являются достаточным основанием, чтобы применить установленный законом суда судебный порядок расторжения договора.

Литература

1. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве (перевод с нем. С.В. Третьякова статьи Seckel E. Die Gestaltungsrechte des bürgerlichen Rechts // Festgabe der Juristischen Gesellschaft zu Berlin zu Ehren von Dr. Richard Koch, Berlin, 1903. S. 205–253) / Э. Зеккель // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 205–252.
2. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» / под редакцией И.С. Зыкина, А.В. Асоскова, А.Н. Жильцова. Москва : Статут, 2021. 665 с.
3. Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3 томах / Л.А. Лунц. Москва : Спарк, 2002. 1007 с.
4. Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав : диссертация кандидата юридических наук / А.Г. Певзнер. Москва, 1961. 238 с.
5. Полумордвинов Д.И. Исследование и оценка доказательств в международном гражданском процессе / Д.И. Полумордвинов // Советский ежегодник международного права, 1963 / редколлегия: В.Н. Авилин, М.М. Богуславский, Ф.И. Кожевников [и др.]; главный редактор В.К. Собакин. Москва : Наука, 1965. С. 462–474.
6. Тариканов Д.В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве / Д.В. Тариканов // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 80–92.
7. Тариканов Д.В. История становления и эволюция решения конфликта квалификаций в отношении исковой давности в международном частном праве стран англо-американского права и Германии / Д.В. Тариканов // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 98–148.
8. Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве / Д.В. Тариканов // Вестник экономического правосудия. 2023. № 11. С. 113–158.
9. Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве / Д.В. Тариканов. Москва : Статут, 2024. 486 с.
10. Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве : диссертация доктора юридических наук / Д.В. Тариканов. Москва, 2024. 550 с.
11. Тариканов Д.В. Эволюция коллизионно-правовой квалификации исковой давности во Франции / Д.В. Тариканов // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 211–242.
12. Тариканов Д.В. Юридическая личность коммерческих организаций в гражданском праве России / Д.В. Тариканов. Москва : Статут, 2006. 254 с.
13. Ходыкин Р.М. Статья 162 (п. 1) Гражданского кодекса РФ глазами английского суда: по следам дела «Березовский против Абрамовича» / Р.М. Ходыкин // Закон. 2014. № 5. С. 114–121.

References

1. Boöß, D. Fragen der „wesenseigenen Zuständigkeit“ im Internationalen Familienrecht / D. Boöß. Bonn : Universität, 1965. 140 s.

2. Craushaar, G. von. Die internationalprivatrechtliche Anwendbarkeit deutscher Prozessnormen, Österreichisches Erbrecht im deutschen Verfahren / G. von Craushaar. Karlsruhe : C.F. Müller, 1961. 107 s.
3. Geimer, R. Internationales Zivilprozessrecht / R. Geimer. 9. Auflage. Köln : Verlag Dr. Otto Schmidt, 2024. 1672 s.
4. Grundmann, St. Qualifikation gegen die Sachnorm: deutsch-portugiesische Beiträge zur Autonomie des internationalen Privatrechts / St. Grundmann. München : Münchener Universitätschriften, 1984. 221 s.
5. Grunsky, W. Lex fori und Verfahrensrecht / W. Grunsky // Zeitschrift für Zivilprozess. 1976. Bd. 89. S. 241–259.
6. Heldrich, A. Internationale Zuständigkeit und anwendbares Recht / A. Heldrich. Berlin : de Gruyter ; Tübingen : Mohr, 1969. 279 s.
7. Herfarth, Ch. Die Scheidung nach jüdischem Recht im internationalen Zivilverfahrensrecht / Ch. Herfarth. Heidelberg : Winter, 2000. 488 s.
8. Jaeckel, F. Die Reichweite der lex fori im internationalen Zivilprozessrecht / F. Jaeckel. Berlin : Duncker & Humblot, 1995. 222 s.
9. Kegel, G. Scheidung von Ausländern im Inland durch Rechtsgeschäft / G. Kegel // Praxis des Internationalen Privat- und Verfahrensrechts. 1983. S. 22–25.
10. Kleinschmidt, J. Art. 18 Rom I–Verordnung / J. Kleinschmidt // Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 13. Band : Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 9. Auflage. München : Beck, 2025.
11. Mayer, P. Le droit international privé et droit international public sous l'angle de la notion de compétence / P. Mayer // Revue critique de droit international privé. 1979. Vol. 68. P. 349–537.
12. Möller, L. Ausländische einvernehmliche Privatscheidungen und hoheitliche Mitwirkung, Zur Anerkennung und Wirksamkeitsprüfung von Scheidungen im autonomen IZVR und IPR / L. Möller. Berlin : Duncker & Humblot, 2022. 400 s.
13. Niederer, W. Einführung in die allgemeinen Lehren des internationalen Privatrechts / W. Niederer. 3. Auflage. Zürich : Polygraphischer Verlag AG, 1961. 405 s.
14. Niederländer, H. Materielles Recht und Verfahrensrecht im internationalen Privatrecht / H. Niederländer // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 1955. 20. Jahrg. H. 1. S. 1–51.
15. Nussbaum, A. Deutsches Internationales Privatrecht unter besonderer Berücksichtigung des österreichischen und schweizerischen Rechts / A. Nussbaum. Tübingen : Mohr, 1932. 539 s.
16. Raape, L. Internationales Privatrecht / L. Raape. 5. Auflage. Berlin — Frankfurt a.M. : Verlag Franz Vahlen GmbH, 1961. 720 s.
17. Raape, L. Staatsangehörigkeitsprinzip und Scheidungsakt sowie internationale Zuständigkeit in Scheidungsprozessen, mit besonderer Berücksichtigung des französischen, belgischen und rumänischen Rechts / L. Raape. Berlin : Alfred Metzner Verlag, 1943. 154 s.
18. Reu, F. Die Staatliche Zuständigkeit im Internationalen Privatrecht, Landes- und völkerrechtliche Forschungen zum internationalen Recht des Zivilprozesses, Strafprozesses, der Verwaltung und der freiwilligen Gerichtsbarkeit / F. Reu. Marburg : Elwert, 1938. 214 s.
19. Riezler, E. Internationales Zivilprozeßrecht und prozessuales Fremdenrecht / E. Riezler. Tübingen : Mohr Siebeck ; Berlin : De Gruyter, 1949. 710 s.
20. Schlosser, P. Gestaltungsfragen und Gestaltungsurteile / P. Schlosser. Bielefeld : Giesecking, 1966. 466 s.
21. Staudingers, J. von. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche/IPR Art 11–29 Rom I-VO; Art 46 b-d EGBGB; Verfahrensrecht für internationale Verträge (IntVertrVerfR): (Internationales Vertragsrecht 2 — Internationaler Verbraucherschutz und Internationales Vertragsverfahrensrecht) / J. von Staudinger, C. Armbrüster, R. Hausmann [et al.]. Otto Schmidt — De Gruyter, 2021. 971 s.
22. Thorn, K. Rom I-Verordnung / K. Thorn // Kommentar zum BGB / Hrsg. Ch. Grüneberg. 85. Auflage. München : C.H. Beck, 2026. S. 2855–2892.
23. Vischer, F. Die rechtsvergleichenden Tatbestände im internationalen Privatrecht, Die Übereinstimmung der materiellen Rechtsinhalte als Voraussetzung des internationalen Privatrechtes. Die Bedeutung des Begriffes der Äquivalenz / F. Vischer. Basel : Verlag von Helbing & Lichtenhahn, 1953. 138 s.

Система традиционных ценностей в Индии и правовые средства их защиты

Трикоз Елена Николаевна,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений
(университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
alena_trikoz@mail.ru

Проанализированы значение понятия традиционных ценностей в правовой системе Индии, их традиционный перечень в общекультурном контексте и в соотношении с конституционно-правовыми ценностями. Представлен подробный разбор элементов концепции дхармы как традиционной духовно-нравственной ценности сквозь призму священных текстов индуизма и дальнейшей интерпретации в судебной практике. Отдельное внимание уделяется традиционным ценностям, связанным с верностью семье, сыновним долгом, уважительным отношением к гостям и особым почитанием гуру-наставника. Показан также накопленный в Индии опыт уголовно-правовых мер защиты традиционных ценностей и законодательного регулирования оборота «традиционных знаний» местных общин Индии.

Ключевые слова: Конституция Индии, ценности, религия, дхарма, традиционные знания, система правосудия, уголовные меры, судебная система.

Ретроспективно концепция традиционных ценностей восходит к субъективистским теориям, в числе которых определение ценности через психологические состояния индивидов (Дж. Бентам, Г. Спенсер, Г. Сиджвик и др.)¹. В числе важных аксиологических концепций XX в. стоит выделить теорию британского философа У.М. Урбана, который разграничивал ценности на первичные и приобретенные², а индийский философ и специалист по санскриту М. Хириянна выделил, интерпретируя эту классификационную пару, дихотомию «внутренних и инструментальных» цен-

ностей, отражающую индуистскую систему «пурушартх» (*purushartha*), традиционных ценностей как целей и средств праведного образа жизни: прибыль/польза (*артха*), чувственные удовольствия (*кама*), религиозный долг (*дхарма*), освобождение (*мокша*)³. Таким образом, теоретическая концепция Урбана получила адаптированную интерпретацию, превратившись из простого разграничения «исходных и чужих» ценностей в универсальную дихотомию ценностей как целей и средств. Отдельная монография Шанти Н. Гупты посвящена осмыслению индийской концепции ценностей, где сам термин «ценность» объясняется через перечень таких характеристик, как «полез-

¹ Goodwin W.F. Ethics and Value in Indian philosophy // Philosophy East and West. 1954. Vol. 4. P. 321–344.

² Urban W.M. Valuation: Its Nature and Laws: being an introduction to the general theory of value. London : S. Sonnenschein & co. ; New York : Macmillan co., 1909. P. 55–56.

³ Hiriyanna M. Indian Conception of Values. Mysore : Kavyalaya Publications, 1975. P. 9.

ность, достоинство, желательность, а также качества, на которые опирается все вышеназванное»⁴. Тем самым индийский подход к пониманию традиционных ценностей как аксиологического феномена не заостряет внимания на происхождении той или иной ценности, а в большей мере фокусируется на ее функции и степени полезности.

В современной системе права Индии традиционные ценности не закреплены в законодательстве как статичный перечень духовно-нравственных ориентиров, но при этом глубоко укоренены в положениях преамбулы Конституции Индии 1950 г.⁵, формулировках конституционно-правовых принципов, в отдельных положениях законодательных актов и актах судебной практики⁶. Прямо закрепленные в преамбуле цели индийского государства и общества «справедливость, свобода, равенство и братство» выступают в роли конституционно-правовых ценностей и коренятся в древнеиндийской философско-религиозной концепции *дхармы*⁷. И хотя в преамбуле не содержатся юридические нормы в классическом понимании, судебная практика наделила ее положения особым правовым статусом, провозгласив их главным ориентиром для толкования

всех остальных положений Конституции. Об этом, в частности, заявил Верховный суд Индии в решении по делу С.Р. Боммай 1994 г., где он вновь подтвердил, что «преамбула является неотъемлемой частью Конституции»⁸.

Высокие суды отдельных штатов (*High Courts*) нередко приводят в своих решениях отсылки к индусским религиозно-философским и этическим ценностям, многие из которых подкрепляются правоприменительной практикой, судебной интерпретацией и правовыми обычаями⁹. Они используются в судебной практике на основе отсылок и цитат из традиционных индусских источников (смрити, шрути, ачара), с опорой на концепции дхармы и кармы, изложенные в древних священных писаниях, что в целом делает отправление правосудия в современной Индии более аутентичным и духовно целостным.

Толкуемая судами таким образом концепция традиционных ценностей используется при рассмотрении специфической категории дел, связанных с вопросами наследования и брачно-семейным правом, защитой религи-

⁴ Gupta Sh.N. *The Indian Concept of Values*. New Delhi : Manohar, 1978. P. 7.

⁵ Конституция Индии. Принята 26 ноября 1949 г., вступила в силу 26 января 1950 г. См.: *The Constitution of India* // URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfd1b99b5d8f/uploads/2024/07/20240716890312078.pdf> (дата обращения: 28.05.2026).

⁶ *Values in Preamble have roots in dharma, says Supreme Court judge* // *The Hindu Bureau*. 2025. September 21.

⁷ Leerakshi R., Mayank V. *Dharma and the Indian Constitution* // *Christ University Law Journal*. 2016. Vol. 5 (2). P. 57–70.

⁸ Sorabjee S.J. *Decision of the Supreme Court in S.R. Bommai v. Union of India : A Critique*. URL: <https://www.ebc-india.com/lawyer/articles/94v3a1.htm>. Тем самым высший суд пересмотрел свою прежнюю позицию, высказанную, в частности, в деле о союзе Берубари 1960 г. о том, что преамбула не является частью Конституции, а лишь служит «ключом к пониманию разума ее создателей», своего рода вспомогательным инструментом. См. In Re: *The Berubari Union And ... vs Unknown*, 14 March, 1960 [Berubari Case] // AIR 1960 SC 845, 1960 3 SCR 250. URL: <https://thelegalquorum.com/in-re-berubari-union-v-exchange-of-enclaves-1960> (дата обращения: 28.05.2026).

⁹ По состоянию на 2026 г. насчитывается 25 высших судов, при этом один и тот же суд может распространять свою юрисдикцию на несколько штатов и/или союзных территорий Индии (например, суд Бомбея имеет юрисдикцию в штатах Махараштра и Гоа и союзных территориях Дадра и Нагар-Хавели, Даман и Диу).

озных символов и храмового имущества, природных ресурсов, интересов местных племен и др.

Далее остановимся на рассмотрении отдельных духовно-нравственных ценностей, которые нашли свое отражение в правоприменительной практике Индии и наиболее ярко подчеркивают ее непрерывную плюралистическую правовую традицию.

1. Концепция дхармы как духовно-нравственная ценность

Всю правовую систему Индии пронизывает традиционная концепция *дхармы*, выраженная в синтезе идей долга, справедливости и этики как основы праведного пути жизни (англ. *right way of living; path of rightness*). Этимологически санскритский термин धर्म происходит от корня «*дхр*» ('Dh.r' — поддерживать, сохранять, подпитывать), т.е. означает то, что поддерживает мироздание и общество в целом.

В древнем эпосе «*Махабхарата*» содержится ключевая цитата на санскрите: धर्मो धारयते प्रजा (*Dharma dharayate prajāh*)¹⁰, что означает: «Это дхарма (то, что поддерживает) людей (народ, мир в целом)». Обобщая академический дискурс¹¹ и судебное толкование данной фразы¹², ее можно интерпретировать в следующем развернутом прочтении: «Дхарма существует для стабильности общества, поддержания социального порядка,

всеобщего благополучия и прогресса человечества. Все, что способствует достижению этих целей, есть дхарма». Обязанности и долг человека (как его *дхарма*) различаются в зависимости от его *варны* (социальной страты) и *ашрамы* (стадии жизни).

При этом сам термин *дхарма* почти не встречается напрямую в современном законодательстве Индии, но его часто можно обнаружить в решениях Верховного суда и практике судов штатов. Здесь нередко имеет место обращение к моральным принципам *дхармы* в целях более глубокого понимания и истолкования законов и правовых обычаев. При этом суды не ссылаются на *дхарму* в ее сугубо религиозном смысле, а применяют как универсальную этическую и традиционную ценностную категорию, лежащую в основании культурного кода страны и индийского правосознания.

Так, в деле *CIT v Bijli Cotton Mills (P). Ltd.*, где решался вопрос о юридической природе «дхармада-траста» и порядке его налогообложения, Верховный суд Индии подчеркнул, что «дхарма» означает либо закон, либо добродетель, либо юридический или моральный долг¹³. В другом решении по делу *Aruna Roy v. Union of India* 2002 г. суд придал пониманию термина «дхарма» более широкий, светский смысл, связав его с идеями общего блага, справедливости и долга. Судьи указали на то, что упоминание термина «дхарма» в образовательных программах не может рассматриваться как нарушение конституционного принципа секуляризма (ст. 28 Конституции Индии), если его концепция

¹⁰ The Mahabharata, Karna Parva. Chapter 69. Verse 58.

¹¹ Многозначность термина «дхарма» и его социальная роль обсуждается в работах М. Мюллера, П.В. Кане, С. Радхакришнана, С. Шастри и др. См., в частности: Satya Vrat Shastri. *Discovery of Sanskrit Treasures* : 7 vols. Vol. 7. Society and Culture. Yash Publishers, 2006. § 6.2. The concept of Dharma (righteousness).

¹² The Supreme Court of India. A.S. Narayana v. State of A.P. // AIR 1996 SC 1765, at paras. 81, 82.

¹³ Supreme Court of India. *CIT v. Bijli Cotton Mills (P). Ltd.* // AIR 1979 SC 346, 1979 SCR (2) 241, 1979 SCC (1) 496.

преподается в историческом или культурном контексте, а не как религиозный догмат¹⁴. Можно также заметить появление в современном публичном дискурсе и судебной лексике синтезированного понятия «конституционная дхарма» (*constitutional dharma*), обозначающего долг всех учреждений и институций государства действовать в рамках конституции и светских ценностей¹⁵. В этом контексте «дхарма» рассматривается как фундаментальная этическая и социальная категория без явных религиозных коннотаций.

Напомним, что даже на логотипе Верховного суда Индии написано *YATO DHARMA TATO JAYA*, что является дословной санскритской шлокой из древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и означает «Где есть справедливость (дхарма), там есть победа (джая)». В другом древнем священном тексте «Мундака-упанишада» упоминается формулировка *Satyamev Jayate*, которую можно перевести как «истина всегда побеждает». Сочетание этих двух формулировок в гармоничной манере положено в основу деятельности системы правосудия в Индии, которая должна всегда двигаться по пути *дхармы*, т.е. стремиться к истине, стоящей за судебными спорами, ведь только истина торжествует¹⁶.

Судья Верховного суда Б.Л. Хансария в решении по делу *Shri A.S. Narayana Deekshitulu v. State of Andhra*

Pradesh 1996 г. дает характеристику концепции *дхармы*, сравнивая ее с понятием «религия», упомянутым в ст. 25 и 26 Конституции Индии¹⁷. Так, по мнению суда, если «религия» состоит из ритуалов, обычаев и догм, основанных зачастую на страхе и слепой вере, то «дхарма» является гораздо более глубоким и универсальным понятием. Его этимология и суть показываются в судебном решении на основе цитат из книги Свами Рамы и речей президента Индии доктора Шанкара Даяла Шармы. «Общественные законы и даже национальные конституции, лишённые дхармы, неизбежно приведут общество к упадку»¹⁸.

Согласно аргументации судей по делу *Shri v. State of Andhra Pradesh*, существенным аспектом древней мысли индусов о праве было «четкое признание верховенства дхармы» (*the supremacy of dharma*) и ясное определение ее высокого статуса, что в некоторой степени сродни современной концепции верховенства права (*the rule of law*), которой все поддерживается и регулируется¹⁹. В другом деле суд также интерпретировал «дхарму» близко к современной концепции верховенства права²⁰.

Дхарма позиционируется как универсальная всеобъемлющая ценность,

¹⁴ Supreme Court of India. Ms. Aruna Roy and others v. Union of India and others // AIR 2002 SC 3176 (12/09/2002).

¹⁵ Utkarsh A. Courts cannot hollow out religion in the name of social reforms, says Supreme Court // Hindustan times. 2016. 16 April.

¹⁶ Singh P. Spirituality and the Role of Judiciary under Criminal Justice System in India: A Special reference to the Element of Dharma // International Journal of Law Management & Humanities. 2021. Vol. 4 (6). P. 502–510.

¹⁷ Supreme Court of India. Shri A.S. Narayana Deekshitulu v. State of Andhra Pradesh & Ors [1996] // INSC 423; AIR 1996 SC 1765; 1996 (3) JT 482; 1996 (2) SCALE 911 (19/03/1996).

¹⁸ Цитата приводится в судебном решении из кн.: Swami Rama. A Call to Humanity. Himalayan International Institute of Yoga Science and Philosophy of the U.S.A., 1988.

¹⁹ Supreme Court of India. Shri A.S. Narayana Deekshitulu v. State of Andhra Pradesh & Ors. URL: <http://www.liiofindia.org/in/cases/cen/INSC/1996/423.html>

²⁰ Supreme Court of India. Aruna Roy v. Union of India // AIR 2002 SC 3176.

которая проявляется в форме истины, любви, ненасилия, сострадания, терпения, прощения и взаимного уважения. Дхарма — это *санатана* (вечная категория), не ограниченная временем и пространством, в отличие от исторически сложившихся религиозных культов и догм.

Но несмотря на эти рассуждения, судьи все же пришли к выводу, что использованное в тексте Конституции английское слово «религия» имеет по замыслу составителей гораздо более широкий и глубокий смысл, поскольку они не нашли более подходящего аналога санскритскому термину «дхарма».

В другом деле Верховного суда *Dharma v. Nirmal Singh & Ors* 1996 г. истец с символическим именем Дхарма, отец убитой при попытке изнасилования девушки, обратился за восстановлением справедливости, после того как суд первой инстанции оправдал обвиняемого, несмотря на уличающие доказательства (показания очевидца, внесудебное признание, обнаруженное оружие с кровью). Отменяя оправдательный приговор, Верховный суд особо подчеркнул, что смог тем самым исправить ошибку коллег как «провал правосудия», ведь насильник не только нарушил личную целостность жертвы, но и «осквернил саму душу беспомощной женщины»²¹. Поэтому высокий суд «восстановил ущерб, нанесенный женственности и обществу», выступив инструментом восстановления космического и социального порядка (*Риты*), который был нарушен жестоким преступлени-

ем и последующим бездействием судебной системы.

В целом ценностная концепция *дхармы* с ее традиционными чертами (сакральность, свадхарма, морализм) предстает как «генетический код» индийской правовой культуры, к которому нередко апеллируют парламент и суды, используя такие ее подкатегории, как «справедливость», «долг», «порядок», и тем самым проводя менее болезненно модернизацию традиционного индусского права и толкование инновационных законов (например, о защите прав женщин, резервировании мест для низших каст)²².

2. Уважение к старшим и семейный долг

Эта традиционная ценность, связанная с верностью семье и сыновним долгом, коренится в священных текстах индуизма, включая Веды, Упанишады, «Махабхарату» и «Рамаяну», а также Дхармашастры.

В числе фундаментальных обязанностей индийских граждан (*fundamental duties*), закрепленных в ст. 51А Конституции Индии, содержится призывающая граждан формулировка «продвигать гармонию и дух общего братства среди всех жителей Индии» и «отказаться от практики, унижающей достоинство женщин»²³. Эти две конституционные обязанности хотя и не имеют такой же высокой степени судебной защиты, как фундаментальные права и свободы граждан, но при

²¹ Supreme Court of India. *Dharma v. Nirmal Singh & Bittu & Anr* [1996] // INSC 192; AIR 1996 SC 1136 ; 1996 (4) JT 608 ; 1996 (1) SCALE 677 (5 February, 1996). URL: <https://www.asianlii.org/in/cases/cen/INSC/1996/192.html>

²² Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты. М. : Норма, 2009. 304 с.

²³ The Constitution of India [As on 9th December, 2020]. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/16124/1/the_constitution_of_india.pdf

этом служат «моральным и этическим компасом для местных граждан», передавая сущность индульской концепции *дхармы* (морального долга и праведного поведения) внутри большой семьи²⁴.

Эта составная традиционная ценность нашла закрепление в Законе об обеспечении и благосостоянии родителей и пожилых граждан (*Maintenance and Welfare of Parents and Senior Citizens Act*) 2007 г.²⁵ В нем закрепляется традиционная для индуизма обязанность детей и младших наследников предоставлять содержание своим родителям и пожилым родственникам, которые не в состоянии обеспечивать себя самостоятельно. Если дети не выполняют этого обязательства, родители могут даже обратиться в особый трибунал для принудительного начисления им ежемесячного пособия по содержанию. Таким способом законодатель прямо закрепляет традиционный долг правоверного индуса заботиться о старшем поколении.

Другой тематически близкий Закон об усыновлении и обеспечении индусов (*Hindu Adoption and Maintenance Act*) 1956 г.²⁶ является одним из четырех законов Кодекса индульского права (*Hindu Code Bills*), принятого для

модернизации и стандартизации индусского обычного права. Он распространяется на индусов, буддистов, джайнов и сикхов и содержит положения, прямо возлагающие на детей обязанность по содержанию своих престарелых или немощных родителей (включая бездетную мачеху), если они не могут содержать себя самостоятельно. Термин «содержание» (*maintenance*) включает в себя обеспечение пищей, одеждой, жильем, образованием и медицинской помощью (ст. 20). Но именно суд определяет размер содержания (*amount of maintenance*) по своему усмотрению с учетом таких факторов, как положение и статус сторон, разумные потребности заявителя, наличие у него собственного имущества или дохода, количество других лиц, претендующих на содержание (ст. 23–25).

Но помимо специального индульского закона есть и светский правовой механизм алиментов, который распространяется на всех граждан Индии независимо от их религии. В этом контексте первостепенное значение имеет ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Индии (*CrPC*) 1973 г.²⁷, в которой заложена процедура для родителей (независимо от их религиозной принадлежности) потребовать средства для своего существования от детей, если они попали в тяжелую ситуацию и нуждаются в поддержке²⁸.

²⁴ Крашенинникова Н.А. Индуское право: история и современность / предисл. О.А. Жидкова. М.: Изд-во МГУ, 1982. 192 с.

²⁵ The Maintenance and Welfare of Parents and Senior Citizens Act, 2007 No. 56 of 2007 (“An Act to provide for more effective provisions for the maintenance and welfare of parents and senior citizens guaranteed and recognised under the Constitution and for matters connected therewith or incidental thereto”) [29th December, 2007]. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/6831/1/maintenance_and_welfare_of_parents_and_senior_citizens_act.pdf (дата обращения: 28.05.2026).

²⁶ The Hindu Adoptions and Maintenance Act, 1956 (हिन्दू दत्तक तथा भरण-पोषण अधिनियम). URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1638?view_type=browse

²⁷ An Act to consolidate and amend the law relating to Criminal Procedure, 1 April 1974 (Repealed 01 July 2024). URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15272/1/the_code_of_criminal_procedure,_1973.pdf (дата обращения: 28.05.2026).

²⁸ Отметим, что статья 125 УПК 1973 г. недавно была заменена ст. 144 нового УПК Индии 2023 г. (*Bharatiya Nagarik Suraksha Sanhita*), который вступил в силу 1 июля 2024 г. Однако положения о содержании престарелых родителей и детей остались практически идентичными.

Выплаты алиментов (содержания) нуждающимся членам семьи направлены на минимизацию ситуаций бродяжничества (*vagrancy*) и обеспечение социальной справедливости.

Так, Верховный суд Индии в решении *Rajnesh v. Neha* 2020 г. особо подчеркнул, что ст. 125 УПК, предусматривающая выплаты и алименты, выступает в качестве меры социальной справедливости и юридического обязательства, а не акта благотворительности. Это судебное *ratio decidendi* важно для понимания философии традиционных ценностей в индийском социуме²⁹. Если лицо, обязанное выплачивать содержание, уклоняется без уважительных причин, то суд может выдать ордер на взыскание суммы как штрафа, а за последующую неуплату назначить даже тюремное заключение на срок до одного месяца или до момента выплаты всей задолженности. В целом, «гармонизируя разрозненные положения индийского законодательства и связывая алименты с основополагающими конституционными ценностями, это решение представляет собой значительный шаг на пути к достижению гендерной справедливости и социальной защиты в Индии»³⁰.

3. Гостеприимство и почитание гостя

Эта традиционная ценность Индии является давней культурной нормой индусского общества (санскр. अतिथिदिवो भव, *Atithidevo Bhava* — «гость подобен Богу»), зародившейся в индо-буддийской философии, где с не-

обходимостью обосновывается уважительное отношение к гостям с особым почтением. И поэтому нарушение или посягательство на эту фундаментальную ценность, по сути, бросает тень на нацию, где гостеприимство выступает частью культурного кода Индии и является формой ее «мягкой силы».

В местном ритуале гостеприимства обращение к гостю начинается с произнесения слов *намасте*, или *пранам*, и приветствия в виде поклона со сложенными ладонями (как в молитве). Этим самым признается особое божественное подобие в каждом человеке, и такое приветствие переводится с хинди как «*склоняюсь перед божественным началом в тебе*».

Важнейший ритуал в индуизме — *пуджа* (санскр. पूजा, или *pūjā*, — «благоговение, почтение, обожание, поклонение»), который сформировался как храмовый ритуал поклонения божеству, его символу или изображению³¹. В качестве особого объекта ритуала *пуджи* нередко выступают старшие родственники или духовные учителя (*гуру* или *ачарья*), которых почитают как воплощение определенных божеств, надевают на них цветочные гирлянды и другие украшения, воскуривают благовония, подают фрукты, омывают и умащивают ноги, медитируют у стоп, прося тем самым благословения и расположения (*guru pujas*)³². Сегодня канонической *пуджи*

²⁹ Supreme Court of India. Criminal Appeal No. 730 of 2020, 4 November 2020.

³⁰ Tithi Adhikary. Case Summary: *Rajnesh v. Neha & Others*. 25 October 2025. URL: <https://thelegalquorum.com/case-summary-rajnesh-v-neha-others/>

³¹ Уточним, что пуджа также проводится в честь ряда важных в жизни человека событий, таких как бракосочетание, рождение ребенка, церемония вступления во взрослую жизнь (грихаправеша), начало нового дела, церемония первого приема пищи (аннапрасана), церемония надевания священного шнура для браминов (упанаяна).

³² Gorringer H., Jeffery R., Waghmore S. *Guru Pujas as Public Performances and the Production of Political Community* // *From the margins*

уже не существует, но часть ее типичных 16 стадий напоминают *ведийский ритуал* почитания гостя, включающий любовное подношение цветов, света, воды и пищи гостю как божественному существу. В ведической традиции до сих пор поддерживается ритуал «*панча-махаяджна*», который предполагает «пять великих жертвоприношений» и ежедневные подношения гостям («*маннушья-яджна*»).

Не пытаясь свести сложный теистический ритуал до уровня бытового этикета, тем не менее отметим, что ценностная концепция *гостеприимства* отражается не только в древних ритуалах и поддержании обрядовой практики, но и в общей культурной установке индийского общества, выступая руководящей линией в государственной политике, особенно в сфере дипломатии и туризма.

Так, Министерство туризма Индии проводит кампанию под общим названием «*Невероятная Индия*» (*Incredible India*, хинди *Atulya Bhārata*), в рамках которой в 2008 г. стартовала социальная образовательная программа «Гость равен Богу» (санскр. *Atithi Devo Bhava*), основанная на санскритском принципе अतिथिदेवो भव, восходящем к «Тайттирия-упанишаде». Этот древний принцип призывает относиться к нежданному гостю с тем же почтением, что и к божеству.

Государственная программа под эгидой Министерства туризма направлена на сохранение культурного наследия и традиционной ценности гостеприимства, повышение ответственности индийцев, создание более гостеприимной атмосферы для

посещающих страну туристов. Кампания была ориентирована на обучение этикету с гостями и инструктаж гидов, водителей такси и авторикш, персонал отелей и ресторанов, уличных торговцев, студентов, полицейских, служб аэропортов и других, взаимодействующих с туристами.

В 2024 г. Министерство туризма запустило новую программу «Друг туризма» (*Paryatan Mitra*), которая продолжает развивать «концепцию гостеприимства и почитания гостя», чтобы превратить древний идеал «*Атитхи Дево Бхава*» в повседневную реальность индийской улицы³³. Те из местных жителей, кто прошел специальное обучение, получают специальные значки и статус «гостеприимных амбассадоров своих городов», становясь неким медиатором между туристом и сакральной географией страны³⁴.

В соответствии с индийским законодательством посягательство на традиционную ценность гостеприимства и безопасность туристов может повлечь за собой уголовную ответственность. Имеются в виду такие составы, как преследование иностранцев, домогательство к туристам, практика притеснения иностранцев, трудовых мигрантов и др. Высокая санкция в этом случае обосновывается тем, что тем самым проявляется неуважение к традиционным ценностям, накладывает позор и бросает тень на всю

to the mainstream: institutionalising minorities in South Asia. Thousand Oaks : SAGE Publications India, 2016.

³³ Ministry of Tourism launches “Paryatan Mitra” and “Paryatan Didi” to champion responsible tourism across India // ANI News. New Delhi. September, 2024. URL: <https://aninews.in/news/business/ministry-of-tourism-launches-paryatan-mitra-and-paryatan-didi-to-champion-responsible-tourism-across-india20240927161429/>

³⁴ Pallavi Sh. MOT unveils major initiatives on World Tourism Day to promote responsible tourism & skill development // Bott India. New Delhi. 2024. 27 September.

нацию, противоречит основам индуизма и является не просто полицейским делом, а нарушением *Риты* (всееленского закона).

4. *Духовность и культурное многообразие*

По представлениям индийцев, любая религия рождается из Дхармы, как вечного и космического закона. Система «персональных законов» (*personal laws*) в Индии позволяет различным религиозным общинам следовать собственным обычаям и ритуалам в сфере брака и семьи, наследования, землепользования и др., если эти обычаи не противоречат статутному праву и общественной морали.

Индийские судьи нередко ссылаются на формулу «*Сарва Дхарма Самбхавана*» («Все религии равны», или «Одинаковое чувство по отношению ко всем религиям»)³⁵, когда хотят подчеркнуть светский характер и секуляризм своего государства, которое не имеет одной общегосударственной религии и относится одинаково ко всем людям с различными религиозными взглядами. Так, Высокий суд Дели в решении по делу *Ambujam vs T.S. Ramaswamy* 1972 г. высказался по поводу концепции *Rajya Dharma* (дхарма раджа), как ее сформулировал Махатма Ганди, и рассмотрел ее сугубо как воплощение светского высшего закона, применяемого с учетом духа и идеалов Конституции Индии ко всем жителям страны, независимо от их вероисповедания³⁶.

³⁵ Концепция *Sarva Dharma Sambhavana* была впервые обоснована в речи Махатмы Ганди в 1930 г., когда он попытался преодолеть в своих выступлениях разногласия между индуистами и мусульманами, пропагандируя чувство братства и гармонии в многонациональном обществе Индии.

³⁶ *Ambujam vs. T.S. Ramaswamy* // AIR 1973 Delhi 46, 8 (1972) DLT 292.

Влияние вышеуказанной формулы прослеживается в преамбуле Конституции Индии, где закрепляется принцип национальной целостности и братства. Конституция также защищает культурные права этнических и языковых меньшинств. Индийское публичное право в целом, включая уголовное законодательство, признает и защищает культурное и религиозное многообразие.

Отдельный сюжет в рассматриваемой проблеме составляет накопленный в Индии опыт *уголовно-правовых мер защиты* традиционных ценностей. Это осуществляется посредством применения целого ряда специальных законов, которые направлены на поддержание общественного порядка, социальной морали и уважения к культурному и религиозному наследию страны.

Криминализации подвергаются те действия, которые являются оскорбительными или разрушительными для основных социально-культурных и традиционных норм индийского общества. Рассмотрим далее основные способы уголовно-правовой защиты, которые включают следующие блоки правовых норм и судебных процедур.

1. *Защита религиозных чувств и общественной морали*

Недавно принятый Уголовный кодекс Индии (*Bharatiya Nyaya Sanhita*) 2023 г., который вступил в силу в 2024 г., заменил собой колониальный УК Индии 1861 г.³⁷ Теперь он содержит новые и более уточненные положения, направленные на предотвращение действий, оскорбляющих религиозные убеждения или подрывающих общественную мораль.

³⁷ Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия). М.: Юрайт, 2020.

Оскорбление религиозных чувств и искажение основ любого вероучения влечет за собой наказание за преднамеренные и злонамеренные действия, направленные на оскорбление религиозных чувств любой группы граждан Индии. Объективная сторона этого деяния предполагает произнесение оскорбительных слов в устной или письменной форме, демонстрацию знаков или видимых изображений. Такая уголовная политика государства помогает поддерживать традиционную ценность взаимного уважения и равенства различных религиозных общин Индии.

Другой состав преступлений этой категории выражается в нарушении общественной пристойности и морали. Он закреплен в статьях кодекса, направленных против непристойного поведения, распространения непристойных материалов или других действий, которые считаются нарушающими общепринятые стандарты пристойности и морали в индийском обществе.

2. Защита национальных символов

Важной традиционной ценностью, закрепленной в индийском законодательстве, является уважение к самой нации и ее символам. Так, Закон о предотвращении оскорблений национальной чести (*Prevention of Insults to National Honour Act*) 1971 г.³⁸ криминализировал такое публичное поведение (в общественном месте или в любом другом на виду у всех), как сжигание, искажение, осквернение или проявление иного неуважения к Конституции страны, национальному флагу,

гимну, девизу или национальной карте Индии.

Нарушение норм этого закона влечет за собой тюремное заключение на срок до трех лет, штраф либо то и другое вместе. Согласно статье 3 любой, кто намеренно препятствует исполнению «*Джана Гана Мана*» или создает помехи любому собранию, занятому пением национального гимна, наказывается тюремным заключением или штрафом. Президент Индии, вице-президент, премьер-министр, спикер Лок Сабхи и другие должностные лица за совершение любого нарушения Конституции в части уважения ее идеалов и институтов, национального флага и гимна, подлежат дисквалификации и отстранению от должности в соответствии с настоящим законом в совокупности со ст. 7 и 8(к) Закона о народном представительстве 1951 г.³⁹

При этом комментарии в социальных сетях, выражающие простое неодобрение или критику Конституции, индийского национального флага или любых мер Правительства страны с целью добиться внесения поправок в Конституцию или изменения индийского национального флага законным путем, не признаются уголовным правонарушением и не подлежат наказанию в соответствии с данным законом.

3. Преступления против традиционных социальных норм

В Индии предусмотрена криминализация фактов кастовой дискриминации и совершения так называемых преступлений чести (*honour killings*). Хотя некоторые традиционные

³⁸ An Act to Prevent Insults to National Honour No. 69 of 1971, 23 December 1971. URL: https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Prevention_Insults_National_Honour_Act1971.pdf (дата обращения: 28.05.2026).

³⁹ Representation of the People Act, 1951. URL: <https://indiacode.nic.in/handle/123456789/2096> (дата обращения: 28.05.2026).

обычаи и древние ритуалы укоренились в обществе (например, запрет межкастовых браков, практики тугизма и дакоитизма), законодательство Индии активно борется с теми традиционными практиками, которые явно нарушают основные права человека и принцип верховенства права.

При этом уголовное законодательство Индии хотя и не содержит отдельного понятия «убийство чести», но сурово наказывает подобные деяния как разновидность умышленного убийства или преступный сговор с целью его совершения. Судебная практика решительно преследует такие преступления, совершаемые под якобы благовидным предлогом, во имя «защиты семейной чести» или древних традиций.

Отдельный Закон о предотвращении злодеяний в отношении зарегистрированных каст и племен (*SC/ST Prevention of Atrocities Act*) 1989 г.⁴⁰ криминализирует факты дискриминации и злодеяний в отношении низших каст. Такие нормы направлены на искоренение негативных проявлений до сих пор сохраняющейся в Индии традиционной кастовой системы, которая противоречит конституционному принципу равенства всех граждан.

4. Защита памятников культурного наследия и традиционных знаний

Согласно статье 49 Конституции Индии, государство возлагает обязанность защищать памятники, места и объекты художественного или исторического значения от преступного разрушения или повреждения. Пра-

во интеллектуальной собственности в целом защищается нормами уголовно-правового и гражданско-правового характера.

В частности, профессиональные знания в области аюрведы или йоги охраняются от попыток несанкционированного использования или патентования иностранными компаниями⁴¹. Разрабатываемый в парламенте проект Закона о защите традиционных знаний 2022 г. (*Protection of Traditional Knowledge Bill*) предусматривает учреждение особой федеральной структуры (*National Authority for Traditional Knowledge*) с полномочиями по регистрации и поддержке общегосударственной цифровой базы данных с традиционными знаниями, включая недокументированные и передаваемые устно, которые являются продуктом многовековой практики местных общин и тесно переплетены с их региональной идентичностью (местный фольклор, включая народные сказки, музыка, танцы, ритуалы, техники ткачества, аюрведические рецепты, ремесленные традиции, и др.).

Такие *traditional knowledge* нередко подвергаются коммерческой эксплуатации без какого-либо признания авторства и соблюдения интересов местных общин (например, настенная живопись бхиллов, племенная игра на барабанах или устные переказы «Рамаяны» на северо-востоке Индии)⁴².

⁴⁰ Scheduled Castes and Scheduled Tribes (Prevention of Atrocities) Act, 11 September 1989, and Rules, 31 March 1995. URL: <https://www.cvmc.in/wp-content/uploads/2022/09/sc-st-poa-act-1989-english-2019.pdf> (дата обращения: 28.05.2026).

⁴¹ MP Shashi Tharoor submits Private Bill in Parliament to protect Traditional Knowledge Laxmi Prasanna // Times of India. 2016. 30 October.

⁴² Traditional Knowledge and Public Domain in India: Protecting Cultural Assets // Maheshwari & Co. August 16, 2025. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b706ddc2-cce5-4c0a-a1a8-ddb62c9f70c0>

К сожалению, действующий Закон об авторском праве⁴³ не предлагает надежных средств защиты от незаконного присвоения «живых традиций» (ст. 31А), в том числе по причине того, что традиционный фольклор часто анонимен и постоянно развивается, что затрудняет определение прав авторства и интеллектуальной собственности.

Напротив, проект Закона о защите традиционных знаний предусматривает гражданскую и уголовную ответственность за несанкционированное присвоение и коммерческую эксплуатацию зарегистрированных источников традиционных знаний как в Индии, так и за ее пределами⁴⁴. Отличительной чертой этого законопроекта является акцент на коллективной собственности общин, которые должны получить бессрочную неисключительную лицензию как особые «общества знаний» (*knowledge society*) на коммерческое и иное использование своих традиционных знаний. При этом отсутствует требование предоставлять доказательства новизны или оригинальности интеллектуальной собственности на такие *traditional knowledge*.

В то же время у экспертов и критиков законопроекта возникают опасения, что письменная фиксация, внесение в жесткий реестр и «кодификация» этих устных и живых традиций могут привести к их застыванию, неестественному развитию и отсутствию динамичности, что, по су-

ти, будет означать отделение от реальной жизни местных общин Индии. Поэтому вместо концепции интеллектуальной собственности общин предлагается альтернативная концепция *knowledge commons* («общего достояния»), когда коммерческая эксплуатация традиционных знаний будет под внешним контролем, а они при этом будут оставаться доступными и для некоммерческого использования⁴⁵.

Подводя итог проведенному исследованию системы традиционных духовно-нравственных ценностей и правовых мер их защиты в Индии, отметим следующие особенности и тенденции. На современном этапе традиционные ценности выступают не просто как абстрактные идеи, отголоски прошлого или остатки культурных пластов древней нации. Напротив, они трансформировались в важнейшие культурно-правовые ориентиры жизни индийцев и продолжают развиваться в конституционно-правовых концепциях, актах отраслевого законодательства и судебной практике, и через них транслироваться в современное общество.

Государственная политика Индии в области защиты и сохранения этих ценностей направлена на достижение баланса между сугубо индуистскими традициями, включающими дхармическую справедливость, общественную пристойность, гостеприимство и сыновий долг, и более вестернизированными принципами социальной справедливости, формального равенства, защиты фундаментальных прав и свобод граждан.

⁴³ An Act to amend and consolidate the law relating to copyright, 1957 (Act No. 14 of 1957, amended up to Act No. 18 of 2023). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22949> (дата обращения: 28.05.2026).

⁴⁴ Anand S. The Protection of Traditional Knowledge Bill, 2022 // *Asia IP*. 2022. 30 April.

⁴⁵ Nandakumar T. Caution on classifying traditional knowledge under IPR // *The Hindu*. 2015. 28 August.

Литература

1. Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность / Н.А. Крашенинникова ; предисловие О.А. Жидкова. Москва : Издательство МГУ, 1982. 192 с.
2. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты / Н.А. Крашенинникова. Москва : Норма, 2009. 304 с.
3. Трикоз Е.Н. Сравнительное уголовное право (Индия) : учебное пособие для вузов / Е.Н. Трикоз, Н.А. Крашенинникова. Москва : Юрайт, 2020. 179 с.

References

1. Anand, S. The Protection of Traditional Knowledge Bill, 2022 / S. Anand // Asia IP. 2022. 30 April.
2. Goodwin, W.F. Ethics and Value in Indian philosophy / W.F. Goodwin // Philosophy East and West. 1954. Vol. 4. P. 321–344.
3. Gupta, Sh.N. The Indian Concept of Values / Sh.N. Gupta. New Delhi : Manohar, 1978. 197 p.
4. Hiriyanna, M. Indian Conception of Values / M. Hiriyanna. Mysore : Kavyalaya Publications, 1975. 378 p.
5. Karthikeyan, D. Contentious spaces: Guru pujas as public performances and the production of political community / D. Karthikeyan, H. Gorringer, R. Jeffery, S. Waghmore // From the margins to the mainstream: institutionalising minorities in South Asia / H. Gorringer, R. Jeffery, S. Waghmore. Thousand Oaks : SAGE Publications India, 2016. P. 194–216.
6. Leepakshi, R. Dharma and the Indian Constitution / R. Leepakshi, V. Mayank // Christ University Law Journal. 2016. Vol. 5. Iss. 2. P. 57–70.
7. Nandakumar, T. Caution on classifying traditional knowledge under IPR / T. Nandakumar // The Hindu. 2015. 28 August.
8. Pallavi, Sh. MOT unveils major initiatives on World Tourism Day to promote responsible tourism & skill development / Sh. Pallavi // Bott India. New Delhi. 2024. 27 September.
9. Prasanna, L. MP Shashi Tharoor submits Private Bill in Parliament to protect Traditional Knowledge / L. Prasanna // Times of India. 2016. 30 October.
10. Satya, Vrat Shastri. Discovery of Sanskrit Treasures : 7 vols. Vol. 7. Society and Culture / Satya Vrat Shastri. Delhi : Yash Publishers, 2006. 200 p.
11. Singh, P. Spirituality and the Role of Judiciary under Criminal Justice System in India: A Special reference to the Element of Dharma / P. Singh // International Journal of Law Management & Humanities. 2021. Vol. 4. Iss. 6. P. 502–510.
12. Sorabjee, S.J. Decision of the Supreme Court in S.R. Bommai v. Union of India: A Critique / S.J. Sorabjee. URL: <https://www.ebc-india.com/lawyer/articles/94v3a1.htm>.
13. Swami Rama. A Call to Humanity / Swami Rama. The Himalayan Institute Press, 1988. 150 p.
14. Urban, W.M. Valuation: Its Nature and Laws: being an introduction to the general theory of value / W.M. Urban. London : S. Sonnenschein & co. ; New York : Macmillan co., 1909. 465 p.
15. Utkarsh, A. Courts cannot hollow out religion in the name of social reforms, says Supreme Court / A. Utkarsh // Hindustan times. 2016. 16 April.

Внимание!

Электронные версии статей и журналов Издательской группы «Юрист» можно приобрести на сайте lawinfo.ru

Для приобретения электронной версии нужно зайти на страницу интересующего Вас издания и оформить покупку.

Роль национального (внутреннего) законодательства в формировании инвестиционных режимов стран — участниц ЕАЭС

Лаптева Анна Михайловна,
заведующая кафедрой финансового права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
кандидат юридических наук, доцент
laptevaann@rambler.ru

Статья посвящена исследованию роли национального (внутреннего) законодательства в формировании инвестиционных режимов стран — участниц Евразийского экономического союза для выявления тенденций в регулировании инвестиционной деятельности с точки зрения режимного подхода и сопоставления этих тенденций с развитием отечественного правопорядка. Тема исследования, с одной стороны, предопределена тем, что национальному законодательству отведена особая роль в построении инвестиционных режимов, так как конструирование внутреннего режима для отношений, опосредующих инвестиционную деятельность, — это компетенция публично-правового образования. При этом следует отметить, что современные государства при формировании внутренних инвестиционных режимов учитывают разнообразие социально-экономические и политические факторы, в том числе конкуренцию на мировом рынке. С другой — для стран — участниц Евразийского экономического союза характерны общий исторический контекст и наличие партнерских отношений между ними. Соответственно, государствам для успешного взаимодействия в области инвестирования необходимо понимать правовую среду стран-партнеров.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный режим, инвестиционная деятельность, ЕАЭС, инвестиционное законодательство.

Введение. Правовые средства, при помощи которых регулируются отношения, возникающие в процессе инвестирования, достаточно вариативны. Указанное предопределяется тем, что инвестиционная деятельность многообразна по своим целям, содержанию и характеру. Как следствие, отношения, возникающие в процессе ее осуществления, складываются в разных сферах экономической и социальной деятельности.

Указанные правовые средства образуют так называемые правовые фор-

мы (юридические режимы или комплексы взаимосвязанных правовых образований и режимов)¹. Применительно к регулированию инвестиционной деятельности представляется

¹ Так, С.С. Алексеев выделял три уровня правовых средств: 1) первичный уровень — элементы механизма правового регулирования; 2) уровень правовых форм (институты, юридические режимы или комплексы взаимосвязанных правовых образований и режимов); 3) операционный уровень. См: Алексеев С.С. Теория права. М. : Издательство БЕК, 1995. С. 219. Соответственно, правовые режимы относятся ко второму уровню правовых средств — к правовым формам.

целесообразным обозначать такие режимы термином «инвестиционный режим»². Последний представляет собой особый порядок регулирования инвестиционной деятельности, находящий внешнее выражение в комплексе (сочетании) правовых средств (взаимодействующих дозволений, запретов, позитивных предписаний, правовых стимулов, ограничений, правовых гарантий и др.), создающих особую направленность регулирования инвестиционной активности и подчиненных достижению известной (специфической) цели, как правило, сформулированной в соответствующих нормативных актах.

Среди предпосылок формирования инвестиционного режима следует назвать компромисс, достигаемый между публично-правовым образованием, интересы которого состоят в обеспечении оптимального и эффективного функционирования экономики, и разнообразными целями инвесторов, которые вкладывают принадлежащие им ресурсы в различные сектора экономики с целью получения прибыли или достижения иного полезного эффекта.

Общее состояние инвестиционного режима, как было отмечено в юридической литературе, оказывает влияние на принятие инвесторами решений о вложении³.

Национальному законодательству отведена отдельная роль в построении

инвестиционных режимов, поскольку конструирование внутреннего режима для отношений, опосредующих инвестиционную деятельность, — это компетенция публично-правового образования, который избирает конкретную модель и виды инвестиционных режимов, учитывает различные социально-экономические и политические факторы, в том числе конкуренцию на мировом рынке.

В настоящей статье исследуются особенности внутреннего инвестиционного законодательства стран — участниц Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) в целях выявления тенденций в регулировании инвестиционной деятельности с точки зрения режимного подхода и сопоставления этих тенденций с развитием отечественного правового порядка. Такой ракурс исследования, с одной стороны, обусловлен общим историческим контекстом (историческими традициями и социально-экономическими реалиями), с другой — наличием партнерских отношений между странами — участницами ЕАЭС. Соответственно, государствам для успешного взаимодействия в области инвестирования необходимо понимать правовую среду стран-партнеров.

Основная часть

Обращение к национальному инвестиционному законодательству стран — участниц ЕАЭС показывает, что в начале своего становления оно было нацелено на «импорт» существующих стандартов регулирования из промышленно развитых стран⁴. Помимо этого, значительное влия-

² Концепция «инвестиционных режимов», основанная на общей теории правовых режимов проф. С.С. Алексеева, представлена нами в монографиях. См: Лаптева А.М. Правовая теория инвестиционных режимов (общая часть) : моногр. М. : Русайнс, 2025. С. 12 ; Лаптева А.М. Правовая теория инвестиционных режимов (особенная часть) : моногр. М. : Русайнс, 2025. С. 13.

³ Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению инвестиций. М. : Юстиция, 2023. С. 13.

⁴ Пакерман Г.А. Унификация правового регулирования иностранных инвестиций в странах Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 18.

ние на внутреннее законодательство оказывала общесоюзная концепция развития инвестиционных отношений (Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР»⁵, Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР от 10 декабря 1990 г. № 1820-1⁶).

Инвестиционное законодательство Белоруссии

Однако в дальнейшем тенденции изменились. Примером может быть правовое регулирование инвестиционной деятельности в Республике Беларусь, которое на сегодняшний день основывается на таких нормативных актах, как Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З, Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее — Закон об инвестициях Республики Беларусь)⁷, а также Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1996 г. № 213-З «О свободных экономических зонах» (далее — Закон Республики Беларусь о СЭЗ), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2017 г. № 52-З «Об инвестиционных фондах», Закон Респу-

блики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» (далее — Закон Республики Беларусь о концессиях), Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве»⁸ и др.

Как отмечается в юридической литературе, правовое регулирование инвестиций и инвестиционной деятельности в Республике Беларусь можно разделить на 1) базовое законодательство, в котором функционирование участников инвестиционной деятельности рассматривается как составная часть правового обеспечения экономической деятельности в целом; 2) «рамочное» инвестиционное законодательство, включающее те законодательные акты, которые касаются всех участников инвестиционной деятельности, и 3) специализированное инвестиционное законодательство, в котором рассматриваются особенности функционирования конкретных инвестиционных институтов и применения различных технологий инвестирования⁹.

Положения перечисленных нормативных актов указывают, что в целом они направлены на формирование единого инвестиционного режима для национальных и иностранных инвесторов¹⁰. Так, Закон об инвестициях Республики Беларусь предусматривает для всех инвесторов

⁵ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164. Положения данного документа с 1 января 1991 г. не применяются на территории РСФСР, за исключением ст. 25.

⁶ Ведомости Съезда НД и ВС СССР. № 51. 1990. Ст. 1109. Документ фактически утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096 (далее — Закон о капитальных вложениях в Российской Федерации).

⁷ Отметим, что до принятия этого закона в Республике Беларусь длительное время действовал Инвестиционный кодекс от 22 июня 2001 г. № 37-З (в настоящее время утратил силу). Однако впоследствии произошел отказ от такого способа систематизации инвестиционного законодательства.

⁸ URL: <https://economy.gov.by/ru/norm-akty-ru/> (дата обращения: 15.03.2026).

⁹ Куницкая О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности. Минск, 2022. С. 21–22.

¹⁰ Указанное подтверждает единое понятие «инвестор», которое включает в себя как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих в республике. См: Пункт 4 ст. 1 Закона об инвестициях Республики Беларусь // URL: <https://economy.gov.by/ru/norm-akty-ru/> (дата обращения: 26.05.2026).

одинаковые формы инвестирования (ст. 4), права и обязанности инвесторов, а также инвестиционные гарантии (гл. 3). Вместе с тем для инвесторов не исключается наличие правовых ограничений. Например, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»¹¹ необходимо получить согласие антимонопольного органа или органа регулирования деятельности субъектов естественных монополий при осуществлении вложений в имущество определенных хозяйствующих субъектов.

Еще одним примером ограничений является наличие в ст. 13 Закона Республики Беларусь о концессиях закрытых конкурсов (аукционов), проводимых при предоставлении в концессию объектов, сведения о которых составляют государственные секреты, и /или имеют стратегически важное значение для Республики Беларусь. Как отметил Конституционный Суд Республики Беларусь¹², установление в законе случаев и порядка проведения указанных выше закрытых конкурсов (аукционов) свидетельствует об ограничении принципа свободы договора и соответственно конституционного права на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть четвертая ст. 13 Конститу-

ции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-ХІІ (далее — Конституция РБ)¹³). Однако такие ограничения для концессионеров, по мнению суда, обусловлены интересами, сформулированными в ст. 23 и 44 Конституции РБ.

Одновременно с этим в инвестиционном законодательстве есть акты, регламентирующие отдельные виды инвестиционной активности (например, Закон Республики Беларусь о СЭЗ, Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг»¹⁴).

Анализ инвестиционного законодательства показывает, что белорусский законодатель, как и российский, исходит из объектного понимания инвестиций и в качестве целей вложения допускает не только получение прибыли, но и достижение иного значимого социально-экономического результата (ст. 1 Закона об инвестициях Республики Беларусь), а объем понятия «инвестор» может варьироваться в зависимости от вида инвестиционной активности¹⁵.

Кроме того, инвестиционное законодательство оперирует таким термином, как «правовой режим», применительно к свободной экономической

¹¹ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11300094&q_id=5606034 (дата обращения: 12.04.2026).

¹² Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 5 июля 2013 г. № Р-832/2013. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=k91300832&q_id=5606307 (дата обращения: 12.04.2026).

¹³ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=&type=card (дата обращения: 12.04.2026).

¹⁴ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11500231&q_id=2530370 (дата обращения: 12.04.2026).

¹⁵ Например, в статье 1 Закона Республики Беларусь о концессиях концессионеры представляют собой инвесторов, за исключением государственных юридических лиц, заключивших концессионный договор с Республикой Беларусь или ее административно-территориальной единицей. А в статье 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 231-З «О рынке ценных бумаг» под инвестором понимается субъект гражданского права, объектом инвестирования которого являются эмиссионные ценные бумаги.

зоне (в ст. 1 Закона Республики Беларусь о СЭЗ), а также к объектам, передаваемым частному партнеру для исполнения соглашения о государственно-частном партнерстве (ст. 27 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве»¹⁶).

Инвестиционное законодательство Казахстана

По пути формирования единого режима инвестиционной деятельности для внутренних и иностранных инвесторов идет и законодательство Республики Казахстан. Так, в 2015 г. в Казахстане был принят Предпринимательский кодекс от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК (далее — Предпринимательский кодекс РК)¹⁷. Предпосылками появления этого акта послужила необходимость формирования единых правовых основ для значительной части предпринимательской активности, в том числе в области внутренних и иностранных инвестиций, а также учет общегосударственных интересов и интересов инвесторов при осуществлении вложений (так называемый принцип взаимовыгодности инвестиций).

С определенной долей условности можно сказать, что этот акт объединил несколько законов Республики Казахстан, регулировавших инвестиционную и предпринимательскую деятельность¹⁸ (к примеру, Закон Республики Казахстан от 6 янва-

ря 2011 г. «О государственном контроле и надзоре в Республике Казахстан», Закон Республики Казахстан от 25 декабря 2008 г. «О конкуренции», Закон Республики Казахстан от 31 января 2006 г. «О частном предпринимательстве» и Закон Республики Казахстан от 8 января 2003 г. «Об инвестициях»¹⁹).

Сопоставление объема понятий «инвестиции» и «инвестиционная деятельность», содержащихся в этом кодексе, показывает, что, в отличие от российского и белорусского законодательства, инвестиции и инвестиционная деятельность связываются именно с вложениями в объекты предпринимательской деятельности²⁰. Из указанного вытекает, что из-под сферы действия кодекса выведены отношения, возникающие в области инвестирования средств из государственного бюджета, а также вложения

¹⁹ См.: URL: <https://base.spinform.ru/spisdoc.fwx?countryid=kz&doctype=4> (дата обращения: 26.05.2026).

²⁰ Следует отметить, что в Анализе судебной практики по рассмотрению специализированными межрайонными экономическим и административным судами города Астаны споров с участием инвесторов за второе полугодие 2021 г., 2022–2023 годов (далее — Анализ судебной практики) обращается внимание на необходимость выявления природы отношений, возникающих в процессе инвестиционной деятельности. В частности, при осуществлении инвестирования могут возникать как частные, так и публичные отношения. Соответственно, при возникновении споров необходимо учитывать, что если речь идет об оспаривании условий контракта, являющегося гражданским договором, то государственный орган выступает в нем в качестве стороны договора и не связан с реализацией властных полномочий. Следовательно, такие дела рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства. См: Анализ судебной практики по рассмотрению специализированными межрайонными экономическим и административным судами города Астаны споров с участием инвесторов за второе полугодие 2021 г., 2022–2023 годов. С. 7–8. URL: <https://sud.gov.kz/rus/content/obzory-sudebnoy-praktiki> (дата обращения: 11.04.2026).

¹⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500345> (дата обращения: 26.05.2026).

¹⁷ URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 26.12.2025).

¹⁸ См: Сарпеков Р.К., Дюсенов Е.А. Правовое регулирование инвестиций в малый и средний бизнес: опыт Республики Казахстан // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 47.

капитала в некоммерческие организации, в том числе для образовательных, благотворительных, научных или религиозных целей (ст. 273–274 Предпринимательского кодекса РК). Таким образом, законодатель Казахстана разделил правовое регулирование инвестиционной деятельности на две составляющие: 1) коммерческое (предпринимательское) и 2) некоммерческое инвестирование, создав для первого вида особый правовой (инвестиционный) режим (к примеру, предоставил таким инвестициям гарантии правовой защиты, меры государственной поддержки и др.).

Предпринимательскому кодексу РК термин «правовой режим инвестиций» также известен (§ 1 гл. 25 Предпринимательского кодекса РК именуется «Правовой режим инвестиций»), одновременно с этим его легальное определение в кодексе отсутствует. Содержательный анализ указанного параграфа позволяет прийти к выводу, что к элементам правового режима относятся сами инвестиции и объекты их вложения, правовые гарантии и меры стимулирования инвестиционной деятельности (инвестиционные преференции, натурные гранты и т.д.).

Одновременно с этим в Казахстане существует специальный закон, посвященный специальным экономическим зонам (далее — СЭЗ), — Закон Республики Казахстан от 3 апреля 2019 г. № 242-VI «О специальных экономических и промышленных зонах»²¹. К целям создания СЭЗ относятся ускорение развития современных высокопроизводительных, конкурентоспособных произ-

водств, формирование качественно нового уровня предоставления услуг, привлечение инвестиций, внедрение новых технологий в отрасли экономики и регионы, а также повышение занятости населения. Анализ перечисленных целей демонстрирует, что эти зоны используются не только для привлечения инвестиций, но и для достижения стратегических экономических целей, например для стимулирования инновационной деятельности и развития отдельных регионов.

Таким образом, несмотря на то что Предпринимательский кодекс РК призван был охватить достаточно широкий круг отношений, возникающих в области коммерческой деятельности, однако некоторые сегменты инвестиционной активности остались за его рамками.

Инвестиционное законодательство Кыргызстана

В Кыргызской Республике правовое регулирование инвестиционной деятельности предусмотрено в специальном законе — Законе Кыргызской Республики от 12 августа 2025 г. № 198 «Об инвестициях в Кыргызской Республике» (далее — Закон об инвестициях в Кыргызской Республике)²², который направлен на создание благоприятного инвестиционного климата в Кыргызской Республике, а также на привлечение национальных и иностранных инвестиций.

В этом акте закреплен объектный подход к содержанию понятия «инвестиции», и оно связывается с коммерческой деятельностью инвестора (ст. 4 Закона об инвестициях в Кыргызской Республике).

²¹ URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36402496&pos=8;246 (дата обращения: 15.03.2026).

²² URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5616/edition/35758/ru> (дата обращения: 15.03.2026).

Термин «правовой режим» в данном законе по сравнению с предыдущими используется гораздо чаще. К примеру, в ст. 3 этого акта говорится о режиме стабилизации, в ст. 4 закрепляется понятие «территории с особым инвестиционным режимом», а ст. 11 оперирует термином «национальный режим». Помимо этого, интересующее нас понятие содержится и в Законе Кыргызской Республики от 10 июля 2025 г. № 136 «О специальной финансовой инвестиционной территории “Тамчы” с особым правовым режимом и статусом»²³, в котором используется такой термин, как «особый правовой режим СФИТ “Тамчы”», включающий в себя особый налоговый, таможенный, валютный и визовый режимы (гл. 5).

Среди элементов инвестиционного режима, закрепленных во внутреннем законодательстве Кыргызской Республики, можно указать правовые гарантии и ограничения, порядок разрешения инвестиционных споров и инвестиционное соглашение. Так, в соответствии с гл. 4 Закона об инвестициях вводится институционализированный досудебный механизм рассмотрения жалоб инвесторов. Кроме того, в этой главе предусмотрены этапы урегулирования инвестиционных споров: 1) переговоры; 2) медиация; 3) национальные суды. При этом допускается возможность разрешения конфликта посредством международного арбитража. Однако для реализации такой возможности необходимы следующие условия: 1) наличие арбитражной оговорки в инвестиционном соглашении или международном договоре; 2) невоз-

можность разрешения спора в вышеуказанными способами (переговоры, медиация, национальные суды); 3) соблюдение 6-месячного срока, который исчисляется после письменного обращения инвестора к государственному органу / органу местного самоуправления, подписавшему инвестиционное соглашение, о проведении переговоров и консультаций. При этом инвестиционный спор может быть передан в международный арбитраж по регламенту ЮНСИТРАЛ или в МЦУИС. Таким образом, новый Закон об инвестициях в Кыргызской Республике существенно ограничил возможность сторон в выборе альтернативных форм разрешения инвестиционных споров.

Инвестиционное законодательство Армении

В настоящее время инвестиционное законодательство Армении построено по принципу раздельной регламентации деятельности национальных и иностранных инвесторов²⁴, и в нем термин «правовой режим» также присутствует. В частности, правовой режим иностранных инвестиций закреплен в специальном Законе Республики Армения от 4 июля 1994 г. Н.Н.-1093-I «Об иностранных инвестициях» (далее — Закон Армении об иностранных инвестициях)²⁵. В соответствии со ст. 6 данного зако-

²³ URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5573/edition/34554/ru> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁴ Впрочем, следует отметить, что Минэкономразвития Армении опубликовало в мае 2025 г. проект закона «Об инвестициях», в которой предлагается распространить этот акт на оба вида инвестиций: как на иностранные, так и на местные инвестиции. URL: <https://arka.am/news/economy/opublikovan-proekt-novogo-zakona-ob-investitsiyakh-razrabotannyye-minekonomiki-armenii/> (дата обращения: 26.12.2025).

²⁵ URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173422> (дата обращения: 26.12.2025).

на этот режим не может быть менее благоприятным, чем режим для имущества, имущественных прав и инвестиционной деятельности местных граждан, предприятий, учреждений и организаций. К элементам такого режима, как и у перечисленных выше стран, относятся правовые гарантии и ограничения, порядок разрешения споров, инвестиционные соглашения.

Понятие «инвестиции» в армянском законодательстве, как и в законах всех предыдущих стран, основывается на объектном подходе и конструируется путем перечисления различных видов вложений. При этом следует отметить, что цель вложения не сводится только к получению прибыли; такой целью может быть достижение иного полезного результата (ст. 1 и 3 Закона Армении об иностранных инвестициях)²⁶.

Одновременно с этим в законодательстве Армении можно встретить акты, регламентирующие отдельные сегменты инвестиционной активности и распространяющие свое действие как на внутренних, так и на внешних инвесторов. Примером могут служить Закон Республики Армении от 22 декабря 2010 г.

«Об инвестиционных фондах»²⁷, Закон Республики Армении от 20 октября 2007 г. № ЗР-195 «О рынке ценных бумаг»²⁸, Закон Республики Армении от 28 июня 2019 г. «О государственно-частном партнерстве»²⁹, Закон Республики Армении от 25 мая 2011 г. «О свободных экономических зонах»³⁰. В определенной степени законодательство Армении схоже с российским, поскольку среди актов одного уровня могут быть несколько специальных актов, предназначенных для различных видов инвестиционной деятельности.

Инвестиционное законодательство Российской Федерации

Обращение к отечественному законодательству демонстрирует чрезвычайное разнообразие и множественность нормативных актов в области инвестирования. К примеру, отдельные вопросы, относящиеся к инвестиционной деятельности, регулируются не только кодифицированными актами (Гражданский кодекс Российской Федерации³¹, Бюджетный кодекс Российской Федерации³², Налоговый кодекс Российской Федерации³³, Земельный кодекс

²⁶ Отметим, что в настоящее время Правительство Армении одобрило новый проект закона «Об инвестициях», который призван заменить существующий закон. Одной из концептуальных идей проекта является отказ от деления инвесторов по национальному признаку и формирование общего инвестиционного режима для внутренних и иностранных инвесторов. При разработке проекта учитывались положения международных инвестиционных соглашений, передовой опыт инвестиционного права Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), а также рекомендации международных финансовых организаций. Декларируется, что при разработке этого законопроекта учитывался передовой опыт инвестиционного права. См: URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/10851/> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁷ URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4040&lang=rus> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁸ URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173477> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁹ URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173443> (дата обращения: 26.12.2025).

³⁰ URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/82103> (дата обращения: 26.12.2025).

³¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации³⁴, Градостроительный кодекс Российской Федерации³⁵ и др.), но и специальными «инвестиционными правовыми актами», которых только среди федеральных законов насчитывается порядка сорока³⁶. Не менее внушительной является система подзаконного регулирования инвестиционных процессов, обозреть которую в рамках настоящей статьи не представляется возможным ввиду огромного числа «инвестиционных» правовых актов.

Отдельно следует упомянуть инвестиционное законодательство субъектов Российской Федерации, которое также весьма обширно. Число нормативных актов, принятых субъектами Российской Федерации по вопросам инвестирования, исчисляется многими сотнями³⁷.

Все это свидетельствует о том, что система внутреннего российского инвестиционного законодательства состоит из актов разного уровня и различной правовой природы.

Анализ отечественных источников в области инвестирования показывает, что законодатель избрал модель регулирования отдельных видов инвестиционной деятельности. Как следствие, в российском праве можно увидеть множественность инвестиционных режимов, опосредующих отношения в процессе инвестирования (капитальные вложения, бюджетное инвестирование, иностранные инвестиции).

Инвестиционные режимы в российском правовом порядке систематизируются по различным основаниям. К примеру, можно выделить общий (первичный) и вторичные инвестиционные режимы³⁸. Первый задает

³⁴ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ К примеру, в сфере капитальных вложений к таковым относится Закон о капитальных вложениях в Российской Федерации, Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // СЗ РФ. № 14 (Часть I); в области иностранных инвестиций — Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493; Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18; в сфере рынка ценных бумаг — Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17; Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163; Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562; Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» // СЗ РФ. 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4448; и др.

³⁷ Среди таких актов можно назвать Закон г. Москвы от 17 декабря 2008 г. № 66 «О при-

ватизации государственного имущества города Москвы», Закон г. Москвы от 23 ноября 2016 г. № 37 «Об установлении ставки налога на прибыль организаций для организаций-резидентов особых экономических зон технико-внедренческого типа, созданных на территории города Москвы», Закон Иркутской области от 1 июня 2023 г. № 76-ОЗ «Об инвестиционной политике в Иркутской области», Закон Калининградской области от 2 июля 2018 г. № 193 «Об инвестиционной деятельности в Калининградской области», Закон Краснодарского края от 2 июля 2004 г. № 731-КЗ «О стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае, Закон Мурманской области от 11 января 2011 г. № 1315-01-ЗМО «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Мурманской области», Закон Новосибирской области от 29 июня 2016 г. № 75-ОЗ «Об отдельных вопросах государственного регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений на территории Новосибирской области» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ В юридической литературе существуют противники выделения общих режимов, которые обосновывают свою точку зрения тем, что общий правовой режим — это не правовой режим, а общее правовое регулирование. См: Правовые режимы экономической деятельности / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2023. С. 35–36 (автор главы — О.А. Тарасенко); Кванина В.В.

юридическую тональность в регулировании инвестиционной деятельности в целом, и его нормативной базой является Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»³⁹. А вторичные инвестиционные режимы представляют собой своего рода нормативно-правовые надстройки, которые «возводятся» на общем (первичном) режиме и модифицируют его. Вторичные инвестиционные режимы также неоднородны по своему составу, и среди них можно выделить специальные и особые (экстраординарные). Специальные инвестиционные режимы — это режимы постоянного (длящегося) неопределенно-срочного действия, оформляющие нормальный (обыкновенный, текущий) ход инвестиционной деятельности в соответствующей сфере экономики. Некоторые из них относятся к числу ограниченных, другие — к льготным. Особые (экстраординарные) инвестиционные режимы, напротив, по общему правилу не действуют («спя-

щие»), они рассчитаны на применение в течение ограниченного периода времени и вводятся в действие с наступлением нетипичных (экстраординарных) обстоятельств (военных действий, чрезвычайного положения, экономических санкций и контрсанкций и т.п.).

Вместе с тем существующие инвестиционные режимы не изолированы друг от друга и могут пересекаться в определенных областях социальной активности. Кроме того, следует учитывать неравномерность развития регулирования инвестиционной деятельности. К примеру, в некоторых областях отечественного законодательства наблюдается интенсивный рост нормативного массива (капитальные вложения, инвестиционная деятельность на территориях с особым правовым режимом). В других областях, наоборот, акты принимаются достаточно поступательно (инвестиционная деятельность при помощи инвестиционных и информационных платформ), что связано с появлением новых феноменов оборота, требующих соответствующего правового осмысления для выбора соответствующей модели регулирования.

Заключение

Подводя итог изложенному, следует констатировать следующее.

Прежде всего, режимный подход характерен для внутреннего законодательства стран — участниц ЕАЭС. Так, сам термин «правовой режим» достаточно часто используется в национальном законодательстве упомянутых стран. Например, им может обозначаться: 1) специальный порядок ведения инвестиционной деятельности на особой территории;

Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 235. Однако с такой позицией вряд ли можно согласиться по следующим соображениям. Понятия «правовое регулирование» и «правовой режим» являются разноуровневыми. Правовое регулирование с точки зрения инструментального подхода рассматривается в разрезе правовых средств (их роли как средства правового воздействия), одним из которых является правовой режим, относящийся ко второму уровню — уровню правовых форм. См: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 261–262. Другими словами, правовой режим — это часть правового регулирования применительно к определенному сегменту, участку социальной действительности, т.е. режимы создают модели («схемы»), типовые конструкции воздействия. Из указанного вытекает, что разделение правовых режимов на общие (первичные) и вторичные допустимо.

³⁹ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

- 2) режим вложений определенных субъектов, а также правовой режим
- 3) отдельных видов объектов.

Указанное, на наш взгляд, детерминировано тем, что «режимная» терминология позволяет четко обозначить особенности правового воздействия на определенную группу отношений (в нашем случае отношений, возникающих в процессе инвестирования), продемонстрировать, при помощи каких правовых средств осуществляется такое воздействие (способы защиты, механизмы разрешения споров, инвестиционные соглашения, стимулы, ограничения), и оценить эффективность правового регулирования, в случае необходимости — более гибко подойти к решению возникающих в области инвестирования проблем.

Во-вторых, можно выделить общие тенденции, характерные для за-

конодательства стран — участниц ЕАЭС. В частности, 1) наличие комплексных законов, охватывающих регламентацию инвестиционной активности⁴⁰; 2) закрепление развернутой системы правовых гарантий и стимулов для инвесторов; 3) формирование особой правовой формы (инвестиционные соглашения) для оформления отношений сторон в процессе осуществления инвестиционной деятельности; 4) особый порядок разрешения инвестиционных споров.

⁴⁰ При этом в некоторых странах предприняты попытки сформировать единый режим для внутренних и иностранных инвесторов (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан). Однако общей чертой законодательства следует указать сегментацию в регулировании инвестиционной деятельности. Так, в некоторых странах такая сегментация касается капитальных вложений, в других — фондового рынка, в третьих — создания специальных зон для осуществления инвестиционной деятельности, т.е. допустимо говорить о комплексном регулировании отношений, возникающих в процессе инвестирования.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1989. 288 с.
2. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. Москва : Бек, 1995. 317 с.
3. Андропова Т.А. Правовые режимы экономической деятельности : монография / Т.А. Андропова, Н.Г. Апросова, С.С. Галкин [и др.] ; ответственный редактор И.В. Ершова. Москва : Проспект, 2023. 280 с.
4. Кванина В.В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности / В.В. Кванина // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–240.
5. Куницкая О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности : электронный учебно-методический комплекс / О.М. Куницкая. Минск : БГУ, 2022. 200 с.
6. Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению инвестиций / Д.К. Лабин. Москва : ЮСТИЦИЯ, 2023. 296 с.
7. Лаптева А.М. Правовая теория инвестиционных режимов (общая часть) : монография / А.М. Лаптева. Москва : Русайнс, 2025. 471 с.
8. Лаптева А.М. Правовая теория инвестиционных режимов (особенная часть) : монография / А.М. Лаптева. Москва : Русайнс, 2025. 172 с.
9. Пакерман Г.А. Унификация правового регулирования иностранных инвестиций в странах Содружества Независимых Государств : диссертация кандидата юридических наук / Г.А. Пакерман. Москва, 2008. 247 с.
10. Сарпеков Р.К. Правовое регулирование инвестиций в малый и средний бизнес: опыт Республики Казахстан / Р.К. Сарпеков, Е.А. Дюсенов // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 43–55.

Понятие административного акта во Франции: определение, классификация, особенности вступления в силу*

Курындин Павел Александрович,
доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук
p.kuryndin@spbu.ru

Понятие «административный акт» является одним из центральных в современном административном праве. При этом даже в государствах, относящихся к одной правовой семье, оно может отличаться. В российской научной литературе взгляд смещен на немецкий опыт, где разделяются нормативные и индивидуальные акты. Вместе с тем французское административное право интересно как судебной природой своего происхождения, так и непривычным для российской традиции законодательным регулированием. Термин «административный акт» там един. Кроме того, французское право отдельно закрепляет вид актов: ни нормативной, ни индивидуальной природы, т.е. акты, проявляющие различные свойства в зависимости от обстоятельств (например, в градостроительной сфере). Также закон регулирует порядок заключения и исполнения административных договоров. Однако законная сила акта в любом случае связана с наличием властного распоряжения в нем, что будет основным вопросом судебного исследования в случае обжалования, форма акта тогда становится второстепенной. Более того, внимание законодателя особо обращено на опубликование (уведомление) о принятом акте, что может также помочь при оповещении, в том числе если подобным актом затронуты интересы третьих лиц.

Ключевые слова: Франция, административный акт, решение, нормативный и индивидуальный акт, односторонность и многосторонность, административный договор, законная сила, вступление в силу.

Введение. Административный акт — это одно из ключевых понятий для континентальных моделей административного права. Прежде всего нужно выделить концепции, выработанные на рубеже XIX—XX веков во Франции и Германии¹. Взгля-

ды французских и немецких административистов во многом повлияли на отечественную дореволюционную доктрину, которая, к примеру, представлена в работах А.Ф. Евтихиева² и С.А. Корфа³. Идеи, сформулированные до 1917 г., перешли в совет-

¹ Маслов В.В. Формирование понятия «административный акт» в европейской административно-правовой доктрине // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 19–20.

² Евтихий А.Ф. Законная сила актов администрации. Люблин : Губернская типография, 1911. 288 с.

³ Корф С.А. Административная юстиция в России. Кн. 2, 3. СПб., 1910. С. 499–503.

* Настоящая статья основана на докладе, представленном 7 октября 2025 г. на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Действительность административного акта: российское и сравнительно-правовое измерение» в МГИМО МИД России (URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/conf-admin-act/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 16.01.2026)).

ский период и получили развитие в современном российском административном праве. Взгляд российских авторов зачастую обращен на немецкий опыт⁴. Французская теория административного права не менее интересна, она является продуктом решений Государственного совета⁵. С другой стороны, она представлена общим законом, в котором кодифицированы подходы, определяющие административный акт. В конце 2015 г. во Франции принят Кодекс о регулировании отношений населения и администрации⁶ (далее — Кодекс о регулировании отношений). Он вступил в силу в начале 2016 г., определил форму, виды, содержание и другие аспекты административных актов.

Таким образом, основным предметом исследования является действующее нормативно-правовое регулирование на основе формально-догматического метода. Однако сухой перевод законодательного текста все равно не позволит объяснить причины использования того или иного понятия. Поэтому сравнительно-правовой аспект обеспечивает

ся через анализ теоретических работ и практики Государственного совета. Вместе с тем предмет исследования ограничен применяемой терминологией, критериями отграничения итоговых административных актов от промежуточных, регулированием порядка вступления в силу. Законная сила административного акта, безусловно, может быть раскрыта с точки зрения различных аспектов законности⁷, а равно с позиций возможности принудительного исполнения⁸. Но прежде всего важно определить базовые категории, выявить исторические причины их появления.

Нормативное понятие административного акта. Норма статьи L200–1 Кодекса о регулировании отношений, казалось бы, установила единую терминологию:

«Для применения этой книги под актами понимаются односторонние административные акты, как имеющие решающее начало, так и без такового (*les actes administratifs unilatéraux décisives et non décisives*).

Односторонние административные акты, имеющие решающее начало, включают в себя нормативные акты⁹, индивидуальные акты и другие ненормативные акты. Они также могут называться решениями или в зависимости от конкретного случая

⁴ Mitskevich L.A. Administrative Acts of Germany // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 4. Iss. 2. P. 216–222. EDN: NCZLMB (перевод с английского. — П.К.); Давыдов К.В. Формальные административные процедуры в законодательстве России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 130–134. EDN: ZCDGNZ.

⁵ Подробнее см.: Vedel G. Le droit administratif peut-il demeurer indéfiniment jurisprudentiel ? // Etudes et documents du Conseil d'État, 1979–1980. 1980. Vol. 31. P. 31–46 (здесь и далее перевод с французского. — П.К.).

⁶ Code des relations entre le public et l'administration (CRPA). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000031366350?etatTexte=VIGUEUR&etatTexte=VIGUEUR_DIFF (дата обращения: 16.01.2026).

⁷ См. например: Курьиндин П.А. Судебная проверка законности административных актов: французский подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 79–91. DOI: 10.12737/jrl.2022.054. EDN: AOAXQP.

⁸ См. например: Курьиндин П.А. Модели принудительного исполнения административных актов // Закон. 2024. № 6. С. 178–185. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-6-178-185. EDN: KRLJLY.

⁹ Строго говоря, во Франции используется термин «регламентарный», что подчеркивает подзаконный характер административной деятельности.

обозначаются как нормативные решения (*les décisions réglementaires*), индивидуальные решения (*les décisions individuelles*) и решения, не являющиеся ни нормативными, ни индивидуальными¹⁰ (*les décisions ni réglementaires ni individuelles*¹¹).

В законодательстве понятие «административный акт» обозначается несколькими равнозначными терминами: «односторонние акты» (*les actes unilatéraux*), собственно «административные акты» (*les actes administratifs*), «административные решения» (*les décisions administratives*) (кн. II и ст. L411–2 Кодекса о регулировании отношений) или даже просто «решения», если речь идет об обжаловании в административном порядке (разд. I кн. IV).

Возможная терминологическая путаница требует пояснений. Во-первых, односторонние административные акты, согласно французской традиции, могут быть нормативными и индивидуальными. Противостоят этой группе многосторонние акты, которые именуются административными договорами. Во-вторых, теория административного акта во многом сформирована доктриной и объясняется научной традицией. Классификации актов придается большое значение¹².

¹⁰ Например, акты об установлении зон с особыми условиями использования территории, установление избирательных округов. URL: <https://www.affiches-moniteur.com/dossier/2025/08/22/la-publication-des-actes-des-collectivites-locales>; URL: <https://cours-de-droit.net/les-differents-type-dactes-administratifs-unilateraux/> (дата обращения: 16.01.2026).

¹¹ В Германии нормативные акты не входят в понятие административных актов, а акты, не являющиеся ни индивидуальными, ни нормативными, названы «общими распоряжениями» (Маслов В.В. Указ. соч. С. 24).

¹² См., например: Waline J. Droit administratif. Dalloz, 22^{éd}, 2008. С. 377–384.

Ж. Ведель приводит традиционное деление решений органов исполнительной власти, указывает на их односторонность¹³. Помимо прочего к односторонним актам относятся различные промежуточные или подготовительные акты (заклучения, служебные записки, внутренние документы и инструкции и другие подобные документы). И это несмотря на то, что они не влияют на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей их адресатов. Промежуточные акты лишь позволяют сформировать итоговое решение по делу. Односторонность административного акта считается привилегией администрации. Р. Шапю сформулировал позицию: административные органы «вправе принимать решения, обязывающие только в силу наличия у принимающего субъекта воли, и по этой причине они независимы от поведения тех, на кого они направлены, именно это образует отличительное полномочие администрации»¹⁴. По мнению Государственного совета, данная привилегия образует «фундаментальную основу публичного права»¹⁵.

В административном акте также присутствует решающее начало (*les actes administratifs unilatéraux décisives*), иными словами, властное волеизъявление, на основании которого возникают, изменяются или прекращаются права и обязанности

¹³ Ведель Ж. Административное право Франции / пер. с фр. Л.М. Энтина; под ред. М.А. Крутоголова. М.: Прогресс, 1973. С. 134–143.

¹⁴ Chapus R. Droit administratif général. Montchrestien, t. 1, 15ème éd. 2001. Vol. 668. 1440 p.

¹⁵ Conseil d'Etat, Assemblée, du 2 juillet 1982, 25288 25323 // Publié au recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007677051/> (дата обращения: 16.01.2026).

адресатов и/или третьих лиц¹⁶. Таким образом, административный акт может рассматриваться с двух сторон. Материальный критерий указывает на наличие в нем властного решения, а формальный (органический) критерий предусматривает, что акт издан уполномоченным административным органом в форме, предусмотренной нормативными правовыми актами¹⁷. Однако вторая характеристика утратила исключительное значение, поскольку частные субъекты, участвующие в публичном управлении, также получили право издавать административные акты¹⁸. В административном праве выделяются подразумеваемые (имплицитные) решения (*les décisions implicites*). В этом случае права адресата акта возникают, изменяются или прекращаются в силу «молчания» административного органа (разд. III кн. II «Подразумеваемые решения»). Сейчас действует общее правило: «молчание» означает удовлетворение требований невластного субъекта (ст. L231–1 Кодекса о регулировании отношений).

Отход от исключительно формального (органического) критерия в понимании административного акта усиливает возможности судебной защиты частных лиц. Порок формы акта не перечеркивает его действительность. Решение может доводиться до сведения адресата, устанавливая права и обязанности даже на основании письма или телеграммы, совершения действия (организация дорожного движения или опечаты-

вание помещения). Таким образом, действие органа, направленное на установление правоотношений, может рассматриваться как официально принятый административный акт, а адресат приобретает право на его обжалование.

Вступление в силу административного акта. Принятие одностороннего решения еще не означает, что частное лицо узнало о его существовании. Для того чтобы административный акт стал обязательным, о нем должно быть известно адресату. В Кодексе о регулировании отношений этому посвящен разд. II кн. II «Вступление в силу административных актов». Если с нормативными правовыми актами все более или менее очевидно, то на основании ст. L221–8 односторонние индивидуальные административные акты по общему правилу становятся обязательными с момента уведомления адресатов. Кодексом предусматриваются акты, именуемые ни нормативными, ни индивидуальными (смешанные административные акты). Согласно статье L221–7 они публикуются в Официальном бюллетене Французской республики, так же как нормативные (ст. L. 221–2 и ст. L. 221–3).

Индивидуальные административные акты могут затрагивать права третьих лиц (разрешение на строительство¹⁹, схема организации дорожного движения²⁰). Их права необходимо

¹⁶ Подробнее см.: Dupuis G. La définition de l'acte unilatéral. Mélanges Eisenman, 1975. 205 p.

¹⁷ Wäline J. Op. cit. С. 382.

¹⁸ Tifine P. Droit administratif français. 6ème éd. Revue générale du droit on line, 2021. 416 p.

¹⁹ URL: <https://www.dalloz.fr/documentation/Document?id=DZ%2FOASIS%2F001587> (дата обращения: 16.01.2026).

²⁰ Статья R. 411–25 Дорожного кодекса (Code de la route) требует не только опубликования нормативных положений, но и фактического размещения на дороге. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074228/2021-07-29 (дата обращения: 16.01.2026).

защищать, для чего такие акты подлежат обнародованию. Они могут размещаться на строительной площадке, на информационном стенде или в сети Интернет, имеются и иные способы. Очевидно, что третьи лица не всегда следят за обнародованием таких решений публичной администрации. В этом случае Государственный совет применяет теорию полученных или приобретенных знаний²¹. Теория разработана для того, чтобы третье лицо не тянуло с обжалованием административного акта, но также административный суд не мог отказывать в рассмотрении заявления в связи с пропуском срока (если заявитель не сразу узнал о принятии акта). Так, Государственный совет отметил, что факт размещения световой рекламной конструкции на крыше здания не мог быть скрыт от третьего лица²². Другими словами, оно не могло не понимать (знать), что имеется разрешение на размещение рекламной конструкции, поэтому срок на обжалование следует отсчитывать с момента ее установки. Впервые эта теория возникла в начале XX в., когда генеральный советник Луары-и-Шер господин Жорж Мартен подал жалобу на решение Генерального совета. Он обжаловал нарушение порядка представления отчетов о работе префекта. Государственный совет не поддержал требование: 1) правовое регулирование выстроено так, что

подведения итогов работы префекта осуществляется на сессии представительного органа; 2) отчет был сдан на заседании, Ж. Мартен в нем участвовал, а значит, он ознакомлен с отчетом²³. То есть особенности регулирования и фактический состав позволили сделать вывод, что заявитель знал о сдаче отчета.

Административный договор. Административные договоры — это многосторонние административные акты. Они характеризуются взаимностью прав и обязанностей сторон. С точки зрения теории²⁴ и судебной практики²⁵ административные договоры — это форма реализации задач, возложенных на административные органы. В этом случае законные цели достигаются без применения публичного принуждения. Правовое регулирование здесь не носит исключительный характер²⁶, а дополняется гибкими способами реализации компетенции административного органа. В классическом понимании компетенция властного органа, или, во французской терминологии, «публичной службы»²⁷, опирается на привилегию администрации, кото-

²¹ Подробнее см.: Molinero L. La “théorie” de la connaissance acquise en droit administratif français // *Revue Juridique de l’Ouest*, 1990. Vol. 3. P. 303–357.

²² Conseil d’Etat, 2ème et 7ème sous-sections réunies, 11 avril 2008, № 307085, Société Défi France // *JCP A* 2008, 2160, note Pacteau. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000018624336> (дата обращения: 16.01.2026).

²³ Conseil d’Etat, 4 août 1905, Martin, № 14220 // *Rec.* p. 768. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007634199/> (дата обращения: 16.01.2026).

²⁴ Подробнее см.: De Laubadère A., Moderne F., Delvolvé P. *Traité des contrats administratifs*. 2ème éd. 2 vol. LGDJ, 1984. 1144 p.; Richer L., Lichère F. *Droit des contrats administratifs*. LGDJ (coll. *Manuels*), 2012. 880 p.

²⁵ См. основные судебные решения “Corpus” des principales décisions du droit des contrats publics. URL: <http://www.guglielmi.fr/spip.php?article55> (дата обращения: 16.01.2026).

²⁶ См., например: Hauriou M. *Précis de droit administratif et de droit public général : à l’usage des étudiants en licence et en doctorat ès-sciences politiques*. Paris : P. Larose, 1900. 889 p.

²⁷ Под публичной службой понимается деятельность, которая обеспечена и поручена субъекту публичного права (государству, департаменту,

рая может воплощаться по-разному. Понятие «публичная служба» подразумевает в том числе и предоставление частным лицам административными органами многочисленных благ. Поэтому властное полномочие может делегироваться частному лицу на основании договора (например, концессионного²⁸). Такие соглашения часто заключаются в сфере благоустройства, организации предоставления электрической энергии, образования и здравоохранения и иных подобных сферах. В этом случае публичная цель реализуется субъектом, который не является административным органом. Его административно-правовой статус определяется административным договором²⁹.

Вместе с тем такая форма реализации полномочий (организации публичной службы) не лишает административные органы их властного статуса по отношению к частным сторонам договоров. Это означает, например, что властный субъект может требовать от контрагента личного исполнения или давать обязательные для него указания (с точки зрения выполнения процедур и/или в связи с содержанием обязанностей). У органа имеется возможность самостоятельно завершить исполнение договора или поручить это третьему лицу. Такая ситуация возникает при нарушении частным контрагентом обязанностей по договору, а завершение исполнения осуществляется за счет виновного участника. В случа-

ях существенных нарушений договор расторгается без компенсации за исполненную часть³⁰. Все споры из административных договоров разрешаются административными судами.

Заключение. Обычно административный акт исследуется через его форму, содержание, порядок принятия, а также полномочия, благодаря которым он был принят. Однако французская доктрина прежде всего определяет акт, уточняя критерии его отграничения от иных форм деятельности административных органов. Понятие административного акта даже в Кодексе о регулировании отношений определяется различными терминами, и может показаться, что законодатель недостаточно последователен. Поэтому понять эту конструкцию возможно лишь благодаря практике Государственного совета и доктрине. Они по-прежнему играют важную роль в административном праве Франции. Существо административного акта связано с наличием в нем решения — властного волеизъявления, которое влияет на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей его адресатов. Этот материальный критерий выработан теорией и практикой и позволяет отграничить итоговые акты от промежуточных и актов с различными пороками. Например, порочным актом может оказаться «обычное» письмо, а не приказ или распоряжение об отказе в чем-либо.

Административный акт — это прежде всего одностороннее решение. Оно связано с властной природой административных органов (так называемой привилегией администрации),

коммуне и т.д.). Chapus R. *Droit administratif général*. T. 1. Monchrestien, 1998. P. 535.

²⁸ Wäline J. *Op. cit.* P. 361.

²⁹ Guglielmi G., Koubi G. *Droit de service public*. Montchrestien, 2000. P. 7.

³⁰ Tifine P. *Op. cit.*

возможностью определять поведение прямо не подчиненных невластных субъектов. Властный характер проявляется и в многосторонних актах — административных договорах. Властное начало определяет порядок заключения и исполнения договоров, определяет форму судебной защиты (обращение в административный суд).

Юридическая сила административного акта определяет его действительность. Акт вступает в силу с момента доведения его содержания до адресата и третьих лиц. Для этих целей используются традиционные, исторически обоснованные, теории. Они также выработаны Государственным советом и подтверждены доктриной. Хорошими примерами являются теория приобретенного знания для актов, затрагивающих права третьих лиц (создана Государственным советом), и конструкция ни нормативных, ни индивидуальных актов (выработана доктриной). Уважение к традиции не исключает трансформацию подходов, если речь идет об изменившихся реалиях (делегирование публичных полномочий). В последнем случае определенная роль отводится административным договорам, позволяющим передавать такие полномочия частным субъектам.

Принятие Кодекса о регулировании отношений ознаменовало новый этап в развитии французского административного права. В нем закрепляется правовой режим административного акта, в том числе порядок его вступления в силу. Законодатель систематизировал способы доведения актов до адресатов и третьих лиц, и это позитивно сказалось на правоприменении. Отметим, что в России аналогичный закон отсутствует, действительность индивидуального административного акта часто устанавливается отдельно для каждого случая. Сейчас в условиях цифровизации интересантам проще узнать о том или ином акте публичной администрации³¹, но все же законодательное регулирование в этой области позволило бы решить ряд проблем, как минимум создать понятный для участников административных отношений регулятивный механизм.

³¹ См., например, принятые заключения Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, выдаваемые в соответствии с требованиями Закона Санкт-Петербурга от 24 декабря 2008 г. № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (акты, позволяющие получить разрешение на строительство в исторических районах Санкт-Петербурга). URL: <https://kgior.gov.spb.ru/dokumenty/zaklyucheniya-vydavaemye-v-sootvetstvii-s-trebovaniyami-zakona-sankt-p/> (дата обращения: 16.01.2026).

Литература

1. Ведель Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель ; под редакцией М.А. Крутоголова ; перевод с французского Л.М. Энтина. Москва : Прогресс, 1973. 512 с.
2. Давыдов К.В. Формальные административные процедуры в законодательстве России и Германии: сравнительно-правовой анализ / К.В. Давыдов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 130—134. EDN: ZCDGNZ.
3. Евтихийев А.Ф. Законная сила актов администрации / А.Ф. Евтихийев. Люблин : Губернская типография, 1911. 288 с.
4. Корф С.А. Административная юстиция в России. В 2 томах. Т. 2, кн. 2, 3. Очерк действующего законодательства. Очерк теории административной юстиции / С.А. Корф. Санкт-Петербург : типография Тренке и Фюсно, 1910. 507 с.

5. Курындин П.А. Модели принудительного исполнения административных актов / П.А. Курындин // Закон. 2024. № 6. С. 178–185. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-6-178-185. EDN: KRLJLY.
6. Курындин П.А. Судебная проверка законности административных актов: французский подход / П.А. Курындин // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 79–91. DOI: 10.12737/jrl.2022.054. EDN: AOAXQP.
7. Маслов В.В. Формирование понятия «административный акт» в европейской административно-правовой доктрине / В.В. Маслов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 18–29. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-3-18-29. EDN: REQAUF.

References

1. Chapus, R. Droit administratif général. In 2 Voles. Vol. 1 / R. Chapus. Monchrestien, 1998. 1313 p.
2. Chapus, R. Droit administratif général. In 2 Voles. Vol. 1 / R. Chapus. 15ème éd. Montchrestien, 2001. 1440 p.
3. De Laubadère, A. Traité des contrats administratifs. In 2 Voles. Vol. 2 / A. de Laubadère, F. Moderne, P. Delvolvé. 2ème éd. LGDJ, 1984. 1144 p.
4. Dupuis, G. La définition de l'acte unilateral / G. Dupuis. Mélanges Eisenman, 1975. 205 p.
5. Guglielmi, G. Droit de service public / G. Guglielmi, G. Koubi. Montchrestien, 2000. 896 p.
6. Hauriou, M. Précis de droit administratif et de droit public général : à l'usage des étudiants en licence et en doctorat ès-sciences politiques / M. Hauriou. Paris. P. Larose, 1900. 889 p.
7. Mitskevich, L.A. Administrative Acts of Germany / L.A. Mitskevich // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 4. Iss. 2. P. 216–222. EDN: NCZLMB.
8. Molinero, L. La “théorie” de la connaissance acquise en droit administratif français / L. Molinero // Revue Juridique de l'Ouest. 1990. Iss. 3. P. 303–357.
9. Richer, L. Droit des contrats administratifs / L. Richer, F. Lichère. LGDJ, 2012. 880 p.
10. Tifine, P. Droit administratif français / P. Tifine. 6ème éd. Revue générale du droit on line, 2021. 416 p.
11. Vedel, G. Le droit administratif peut-il demeurer indéfiniment jurisprudentiel ? / G. Vedel // Etudes et documents du Conseil d'État, 1979–1980. 1980. Iss. 31. P. 31–46.
12. Waline, J. Droit administratif / J. Waline. 22 éd. Dalloz, 2008. 786 p.

ИГ «ЮРИСТ» — ВАШ ВЕРНЫЙ СПУТНИК В ПОИСКЕ НУЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Вы активно занимаетесь научной деятельностью, но не знаете, где еще можно найти интересный и авторитетный материал?

Мы готовы помочь вам! Предлагаем подготовить подборку статей по вашей теме, опубликованных на страницах более 40 наших журналов за последние 15 лет.

Что для этого нужно?

Пришлите запрос на адрес: anketa@lawinfo.ru, с указанием интересующей темы. Мы сделаем подборку и сканы публикаций. Готовый архив отправим вам на электронную почту.

Стоимость подборки по нашей базе составит всего 990 руб. Если из всего перечня вас заинтересует только несколько материалов, то PDF одной статьи обойдется в 300 руб.

Конституционные основы современного административного права в Республике Узбекистан

Хамедов Иса Ахлиманович (1952–2025),

руководитель Центра государственного строительства и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор
khamedov@list.ru

В статье, посвященной конституционным основам современного административного права в Республике Узбекистан, рассматриваются конституционно-правовые принципы, в частности о правовом, социальном, светском характере Республики Узбекистан, народовластии, соразмерности, неприкосновенности чести и достоинства человека, а также конституционно-правовые основы исполнительной власти и, в их развитие, конституционно-правовые основы контроля и надзора. В связи с этим автор затрагивает актуальные вопросы реформы административного права, тенденции развития современного административного права в Республике Узбекистан, а также типичные для правового государства институты контроля правомерности публичного управления: административную юстицию, систему досудебной административной юстиции, административное судопроизводство и административное правосудие.

Ключевые слова: конституция, правовое государство, административное право, исполнительная власть, конституционные основы, разделение властей, административный орган, конституционная реформа, публичное управление, административный акт, президентская власть, конституционное право, государственное управление, конституционные принципы.

Конституция Узбекистана имеет высшую юридическую силу и образует основу единого правового пространства страны. Все отрасли права выстраиваются на конституционном фундаменте. Современное административное право также имеет свои основополагающие начала в Конституции Республики Узбекистан (далее — РУЗ)¹. Важнейшим из них является провозглашение страны правовым государством (ст. 1). В этом случае элементы, составляющие правовое государство, находят свое выражение и воплощение в принципах

и институтах современного административного права. Оно, в свою очередь, формируется двумя важнейшими институтами, обеспечивающими связанность административных органов нормами права, опирающимися на конституционный фундамент, — это административные процедуры и административная юстиция².

Теория административных процедур формализована в Законе РУЗ от 8 января 2018 г. № ЗРУ-457 «Об административных процедурах»³ (да-

¹ Конституция РУЗ, принята на всенародном референдуме Республики Узбекистан 30 апреля 2023 г. URL: <https://lex.uz/docs/6445147>

² Кодекс РУЗ об административном судопроизводстве от 25 января 2018 г. № ЗРУ-46226. URL: <https://lex.uz/ru/pdfs/3527365>

³ Закон РУЗ от 8 января 2018 г. № ЗРУ-457 «Об административных процедурах». URL: <https://lex.uz/docs/3492203>

лее — Закон РУЗ об административных процедурах). Закон стал основополагающим источником административного права, а его нормы унифицировали взаимоотношения между административными органами и гражданами⁴. Административное право часто рассматривается как продолжение конституционного права, а кодификация административных процедур в современных условиях является основным средством реализации этого важного принципа. Все нормы Закона находят отклик в положениях Конституции РУЗ, которые воспроизводят концепцию общего блага. Публичные интересы — это не узкие ведомственные интересы или интересы отдельных должностных лиц, а часть общего блага. Об этом свидетельствует конституционная преамбула, провозглашающая приверженность народа Узбекистана «правам и свободам человека, национальным и общечеловеческим ценностям, принципам государственного суверенитета», в ней подтверждается наша верность «идеалам демократии, свободы и равенства, социальной справедливости и солидарности», признается высокая ответственность перед нынешним и будущими поколениями «за построение гуманного демократического государства, открытого и справедливого общества, в котором высшей ценностью является человек, его жизнь, свобода, честь и достоинство», ставится цель обеспечения «достойной жизни граждан, межнационального и межконфессионального согласия, благополучия и процветания многонационального родного Узбекистана».

⁴ Хамедов И.А., Кутыбаева Е.Д., Цай И.М., Файзиев Ф.М. Современное административное право Республики Узбекистан : учебн. / под общ. ред. И.А. Хамедова. Ташкент : DIMAL, 2023. С. 142.

Все это указывает на отдельные грани конституционной концепции общего блага. В концентрированном виде они представлены и в ст. 1 и 2 Конституции РУЗ. Эти нормы определяют развитие административного права в современном ключе, свойственном всем демократическим правовым государствам мира. Социальный характер добавляет необходимость развития административно-правовых механизмов обеспечения социальных прав граждан. Светский характер государства задает основу для поиска меры между религиозной свободой личности и конфессий и светскими публичными интересами всего народа. Административное право развивает эти нормы, в нем отражается главенство принципа общего блага, а также принципа ответственности публичного управления. Указывая на цели высокого порядка, они связывают административные органы, устанавливая для них конституционные рамки. Так, норма ст. 1 Закона РУЗ об административных процедурах устанавливает для них задачи: обеспечение верховенства закона и прав и законных интересов невластных участников административных правоотношений. В статье 17 разъясняется, что дискреционные акты административных органов должны соответствовать цели, для достижения которой им предоставили возможность применять усмотрение.

Цель — это важнейшая часть административно-правового статуса любого органа власти. Он учреждается для реализации конкретной цели, его полномочия также нацеливаются на желаемые для государства блага. Концепция общего блага заставляет органы повернуться лицом к гражданам и их организациям, а публич-

ный интерес, который они отстаивают, включает и интересы частных лиц. Направление от Конституции РУЗ к административному законодательству не должно быть односторонним. Закон РУЗ об административных процедурах устанавливает способы правовой защиты конституционных прав граждан, а цели основного закона становятся частью механизма административно-правового регулирования. Цель административного акта или действия теперь должна пониматься в контексте целей высокого порядка. Исторически подчиненность дискреционных актов законной цели рассматривалась как важный этап формирования отрасли административного права⁵. Дополнение текущих управленческих задач конституционными целями — это одна из характеристик современного административного права.

Наиболее ярко вывод демонстрируется в конструкции принципа пропорциональности. Он возник в XIX в. в Германии и за столетие превратился в «глобальный» принцип, включенный в модели публичной власти стран с самыми разными правовыми традициями⁶. Азиатские правовые порядки не стали исключением. Так, в административное право КНР пропорциональность пришла через доктрину и судебную практику. Имплементация пропорциональности в Узбекистане шла иным путем. Принцип пропорциональности был закреплен в Законе РУЗ об административных процедурах⁷,

а недавно получил конституционное воплощение. Новая редакция ст. 20 Конституции РУЗ гласит: «Меры правового воздействия на человека, применяемые государственными органами, должны основываться на принципе соразмерности и быть достаточными для достижения целей, предусмотренных законами»; ч. 3 ст. 21: «Права и свободы человека могут быть ограничены только в соответствии с законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, здоровья населения, общественной нравственности, прав и свобод других лиц, обеспечения общественной безопасности и общественного порядка». В результате законодатель расширил относительно лаконичное содержание нормы ст. 7 Закона РУЗ об административных процедурах. Ее новая редакция раскрывает классический четырехступенчатый тест на пропорциональность. Меры, ограничивающие права адресатов административных актов и действий, должны «преследовать законную цель, быть подходящими для ее достижения, необходимыми и пропорциональными».

В Законе разъясняется, что цель «вытекает из законов», т.е. она определяется в том числе через толкование правовых норм. Органы обязаны выявлять текущие задачи и цели высокого порядка, включая конституционные, сопоставлять их друг с другом. В таком случае задачи текущего управления могут оказаться существенно скорректированными под воздействием требований Конституции РУЗ. Ограничения и запреты должны не только подходить для до-

⁵ Лазаревский Н.И. Административное усмотрение // Право: еженедельная юридическая газета. 1900. № 41. С. 1906–1907.

⁶ Петерс А. Принцип пропорциональности как глобальный конституционный принцип // Дайджест публичного права. 2018. Вып. 7. № 2. С. 104–105.

⁷ Nematov J. The Problem of Consolidating the Principle of Proportionality in the Law of the Republic of Uzbekistan on Administrative

Procedures and Analysis of Judicial Practice // Annual Comparative Administrative Law Review — 2021 / ed. O.N. Sherstoboev, K.V. Davydov, A. Cenerelli. Novosibirsk: NSUEM, 2022. P. 88–89.

стижения законных целей, но и минимально обременять права граждан в сравнении с иными пригодными для достижения цели мерами. Наконец, общественное благо, полученное в результате ограничения, должно перевешивать негативные последствия, которые претерпели адресаты административных актов. Статья 7 в новой редакции полностью воспроизводит строгий вариант принципа на пропорциональность в виде, в котором он был сформулирован в немецкой доктрине⁸. Чаще всего шаги теста на пропорциональность разьяснялись судами. Тем не менее дополнение ст. 7 нужно оценивать положительно. Пропорциональность — это один из самых сложных принципов, до принятия Закона РУЗ об административных процедурах он не был известен национальному правопорядку. Как результат, через три года после его принятия многие должностные лица, ответственные за принятие административных актов, все еще не понимали смысла этой меры, не умели применять ее⁹. Теперь законодатель расшифровал специфику пропорциональности в достаточно точных формулировках. Необходимость этого принципа следует и из других норм Конституции РУЗ. Например, статья 33 определяет правовые рамки применения мер, ограничивающих право на поиск, получение и распространение информации. Норма закрепляет критерии, напоминающие те, с помощью которых определяется пропорциональность.

В Законе РУЗ об административных процедурах закрепляются и иные

принципы, которые тесно связаны с конституционными требованиями. Например, ст. 26 Конституции РУЗ провозглашает неприкосновенность чести и достоинства человека, «ничто не может быть основанием для их умаления». Административное право в этом случае не только охраняет эти ценности от посягательства, оно закрепляет организационные механизмы, не позволяющие административным органам действовать вопреки конституционным требованиям. Этому способствуют такие принципы, как возможности быть выслушанным и защиты доверия. Любая мера, исходящая от государства, не должна реализовываться по умолчанию. Орган обязан разьяснить адресату свои мотивы, дать ему возможность высказать мнение о необходимости и содержании ограничительных актов, действий. Защита доверия фиксирует правовую определенность, запрещает органам произвольно изменять, отменять благоприятные для граждан акты, охраняющие права граждан от действия неблагоприятных актов, принятых с нарушением законодательства.

Организация контроля правомерности публичного управления является вторым важным направлением, где взаимодействуют конституционное и административное право. Сущность административного права состоит в обуздании публичного управления, а его назначение — в установлении и поддержании справедливой меры публичной власти в сфере публичного управления. Поэтому важнейшими для современного административного права являются нормы Конституции РУЗ, определяющие основы контроля правомерности публичного управления в Узбекистане. Качественное административное

⁸ Ziekow J. Function and Structure of the Proportionality principle in German Public Law // *Annual Comparative Administrative Law Review* — 2021 / ed. O.N. Sherstoboev, K.V. Davydov, A. Cenerelli. Novosibirsk: NSUEM, 2022. P. 20–22.

⁹ Nematov J. Op. cit. P. 89.

судопроизводство является обязательным условием, обеспечивающим эффективное государственное управление. Еще в 2015 г. в стране не было единого кодекса, нормы которого были бы приспособлены для разрешения споров между административными органами и гражданами в судах¹⁰. Это затрудняло проведение судебной реформы. В 2018 г. такой кодекс был принят, его нормы опираются на некоторые конституционные положения.

Прежде всего, следует указать на то, что ч. 2 ст. 20 Конституции РУЗ прямо устанавливает принцип незыблемости прав и свобод человека, невозможность ограничивать их иначе как по решению суда. Права и свободы человека, гарантированные Конституцией и законами, конечно же, могут быть ограничены решениями органов публичной администрации, однако такие решения всегда подлежат судебной проверке. Доступность судебного контроля правомерности административных актов делает их допустимым средством вмешательства публичного управления в правовой статус человека и гражданина. Если бы судебный контроль всякого административного решения не был гарантирован, то такое административное вмешательство нарушало бы требование Конституции РУЗ. Сказанное подтверждается гарантией, предусмотренной ч. 2 ст. 55 Конституции РУЗ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, право обжалования в суд незаконных решений, действий и бездействия государственных органов

и иных организаций, их должностных лиц». Судебный контроль правомерности публичного управления должен иметь полный охват, без каких-либо исключений. Указанные положения Конституции являются основой для развития административного судопроизводства.

Нужно отметить, что ст. 55 Конституции РУЗ дополняется нормой ст. 4 Кодекса РУЗ «Об административном судопроизводстве», где перечисляются субъекты с правом на обжалование актов, действий, бездействия административных органов. Помимо заинтересованных лиц (адресатов актов) это может сделать прокурор, действующий в интересах третьих лиц, защищающий публичный интерес. На это, помимо прочего, указал Пленум Верховного Суда РУЗ¹¹. Реформы в области права, формирование системы административных судов вызвали дискуссию о возможности и пределах прокурорского надзора в сферах государственного управления. Рассматривалось два пути. Сократить полномочия прокуратуры, свести их к участию в уголовном процессе, как это практикуется в европейских странах (например, Германии), или сохранить общий надзор, что позволило бы прокурорам обжаловать административные акты, обращаясь с исками в суды. Эта дилемма широко обсуждалась во всех странах Центральной Азии на этапе становления административной юстиции¹². В Узбекистане

¹⁰ Хван Л. Правовые новации в административном правосудии стран Европейского союза: возможности применения в странах Центральной Азии // Ежегодник публичного права — 2015. Административный процесс. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 107–108.

¹¹ Пункт 1 Постановления Пленума ВС РУЗ от 24 декабря 2019 г. № 24 «О судебной практике по рассмотрению дел об обжаловании решений, действий (бездействия) административных органов и их должностных лиц». URL: <https://lex.uz/docs/4711315>

¹² Подробнее о дискуссии см.: Сарпеков Р.К., Шерстобоев О.Н., Нургазинов Б.К. Участие прокурора в административном судебном процессе: сравнительно-правовое исследование // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 41–46.

выбрали второй вариант, он отвечает национальным традициям и следует советской практике. Этот подход утвердился еще в 1920-х годах, когда прокуратура рассматривалась как гарант законности в условиях недостаточной квалификации значительного числа служащих государственного аппарата. Отказ от широкого прокурорского надзора в пользу органов государственного управления оценивался как недопустимый¹³, поскольку он позволяет всему населению пользоваться правами, а сами права приобретают нужную охрану¹⁴.

Статья 143 Конституции РУЗ закрепляет обязанность Генерального прокурора РУЗ и подчиненных ему прокуроров осуществлять «надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории Республики Узбекистан». Норма развивается в ст. 20 Закона РУЗ от 9 декабря 1992 г. № 746-ХII «О прокуратуре», где устанавливаются два основных направления прокурорского надзора, в рамках которых осуществляется контроль законности публичного управления: надзор за исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод гражданина¹⁵. Очевидно, что предмет обоих направлений прокурорского надзора не ограничивается сферой публичного управления, но простирается также на общественные организации, предприятия и организации частного сектора. Такое размытие границ публичной и частной сфер в данном институте объясняется просто: отечественный прокурорский надзор по сей день носит характер-

ные черты советского института — общего надзора прокуратуры, который формировался и развивался в эпоху, не знавшую деления на публичное и частное. Поэтому в будущем по мере развития административного судопроизводства и системы контроля в сфере государственного управления одним из актуальных вопросов реформы административного права является устранение параллельного существования пережитков общего надзора прокуратуры и новой административной юстиции в системе контроля правомерности публичного управления. Заметим, что для правового государства типичным институтом контроля правомерности публичного управления является административная юстиция, а прокуратура занимается лишь уголовным преследованием.

В рамках конституционной реформы готовились предложения о создании системы досудебной административной юстиции при Президенте РУЗ. Речь идет об организационно-правовом механизме, обеспечивающем реализацию полномочий Президента как гаранта соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов Республики Узбекистан. Образование высшего органа досудебной административной юстиции при Президенте позволило бы Президенту Узбекистана поставить исполнительную власть, в том числе на местах, под надежный контроль и тем самым гарантировать законность в их деятельности и соблюдение ими прав и свобод граждан. Таким образом, контрольные полномочия Президента РУЗ в отношении органов исполнительной власти, предусмотренные п. 16 ч. 1 ст. 109 Конституции РУЗ, будут обеспечены эффективным механизмом реализации. Этот механизм представляется

¹³ Ахматов Л.С. Нужна ли Союзная прокуратура? (Ответ т. Сольцу) // Советское строительство. 1927. № 4. С. 99, 101.

¹⁴ Сольц А.А. О Союзной прокуратуре // Советское строительство. 1926. № 2. С. 59.

¹⁵ Закон РУЗ от 9 декабря 1992 г. № 746-ХII «О прокуратуре». URL: <https://lex.uz/docs/33203>

особенно важным с учетом планируемых мер по децентрализации государственной власти и управления. К сожалению, новая редакция Конституции не предусмотрела такого механизма. Однако полагаем, что развитие досудебной административной юстиции при Президенте остается потенциально ключевым направлением дальнейшей реформы административной юстиции в среднесрочной перспективе. Несомненно, в этом направлении следует предпринять решительные шаги для установления надежного контроля правомерности публичного управления в нашей стране.

В итоге в Республике Узбекистан продолжается формирование современного административного права. Оно опирается на Конституцию РУЗ, нормы которой продолжают в за-

конодательстве об административных процедурах и административном судопроизводстве. Вместе они представляют эффективный набор правовых средств, обеспечивающих реализацию и защиту субъективных публичных прав физических и юридических лиц, а также должного баланса публичных и частных интересов в системе государственного управления. Важную роль в системе обеспечения законности продолжает выполнять прокуратура. Очевидно, что по мере укрепления системы административного судопроизводства ее роль должна быть ограничена и в будущем сведена к участию в уголовном судопроизводстве. В этом случае функции, выполняемые сегодня прокурорами, перейдут самим административным органам, а частично окажутся в руках Президента РУЗ.

Литература

1. Ахматов Л.С. Нужна ли Союзная прокуратура? (Ответ т. Сольцу) / Л.С. Ахматов // Советское строительство. 1927. № 4. С. 97–102.
2. Лазаревский Н.И. Административное усмотрение / Н.И. Лазаревский // Право: еженедельная юридическая газета. 1900. № 41. С. 1903–1956.
3. Петерс А. Принцип пропорциональности как глобальный конституционный принцип / А. Петерс // Дайджест публичного права. 2018. Вып. 7. № 2. С. 104–105.
4. Сарпеков Р.К. Участие прокурора в административном судебном процессе: сравнительно-правовое исследование / Р.К. Сарпеков, О.Н. Шерстобоев, Б.К. Нургазинов // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 41–46.
5. Сольц А.А. О Союзной прокуратуре / А.А. Сольц // Советское строительство. 1926. № 2. С. 59–62.
6. Хамедов И.А. Современное административное право Республики Узбекистан : учебник / И.А. Хамедов, Е.Д. Кутыбаева, И.М. Цай, Ф.М. Файзиев ; под общей редакцией И.А. Хамедова. Ташкент : DIMAL, 2023. 675 с.
7. Хван Л. Правовые новации в административном правосудии стран Европейского союза: возможности применения в странах Центральной Азии / Л. Хван // Ежегодник публичного права — 2015. Административный процесс : сборник статей. Москва : Инфотропик Медиа, 2015. С. 95–113.

References

1. Nematov, J. The Problem of Consolidating the Principle of Proportionality in the Law of the Republic of Uzbekistan on Administrative Procedures and Analysis of Judicial Practice / J. Nematov // Annual Comparative Administrative Law Review : Proceedings Conferences (Novosibirsk, 10 May — 15 October 2021) / eds. by O.N. Sherstoboev, K.V. Davydov, A. Cenerelli. Novosibirsk : NSUEM, 2022. P. 88–97.
2. Ziekow, J. Function and Structure of the Proportionality principle in German Public Law / J. Ziekow // Annual Comparative Administrative Law Review : Proceedings Conferences (Novosibirsk, 10 May — 15 October 2021) / eds. by O.N. Sherstoboev, K.V. Davydov, A. Cenerelli. Novosibirsk : NSUEM, 2022. P. 17–26.

БРИКС и межгосударственное сотрудничество по вопросам налогообложения: есть ли шанс на интеграцию?

Килинкарлова Елена Васильевна,
доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
e.kilinkarova@spbu.ru

В условиях расширения количества государств, вовлеченных в сотрудничество в рамках БРИКС, автор обращается к вопросу о том, какое место в нем занимают вопросы налогообложения. Способствует ли данное сотрудничество сближению правового регулирования налоговых систем государств? Есть ли перспективы формирования в рамках объединения общего наднационального регулирования международного налогообложения? Проведенный анализ позволяет автору прийти к выводу о том, что на настоящий момент на уровне международных договоров по вопросам налогообложения на пространстве БРИКС крайне преждевременно говорить о существовании формального или содержательного мультилатерализма. Крайне затруднительно усмотреть и предпосылки для формирования единого наднационального регулирования в обозримом будущем. Основные результаты межгосударственного сотрудничества по вопросам налогообложения в формате БРИКС на настоящий момент связаны с работой, которая проводится по линии налоговых органов, и касаются разработки руководств, рекомендаций и обзоров лучших практик, а также конкретных технических решений, направленных на повышение качества налогового администрирования и информирования о правилах налогообложения в государствах — участниках БРИКС.

Ключевые слова: налоги, налоговое право, международное налогообложение, БРИКС.

В этом году исполняется 20 лет с даты создания БРИКС (первоначально — БРИК) в июне 2006 г. Если изначально это было объединение Бразилии, России, Индии и КНР, к которому в 2011 г. присоединилась ЮАР, то на начало 2026 г. в состав БРИКС входят 11 государств — в 2024–2025 годах участниками объединения стали Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Саудовская Аравия и Индонезия. В 2024 г. на XVI саммите БРИКС особое внимание было уделено возможному расширению БРИКС через учреждение новой категории — государств-партнеров. На апрель 2026 г. этот статус имеют 10 государств: Беларусь, Боливия, Вьетнам,

Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда и Узбекистан. При этом за счет использования формата «аутрич» / «БРИКС плюс» сотрудничество в рамках БРИКС становится все более масштабным. Как отметил в своем выступлении по итогам прошедшего 22–24 октября 2024 г. в Казани XVI саммита БРИКС Президент России В.В. Путин, во встрече лидеров государств приняли участие делегации 35 государств и шести международных организаций¹.

Сегодня БРИКС открыто к разным форматам взаимодействия.

¹ URL: <https://brics-russia2024.ru/news/press-konferentsiya-po-itogam-xvi-sammita-briks/> (дата обращения: 02.04.2026).

Кроме ежегодного саммита на уровне глав государств проводятся разнообразные мероприятия — встречи отраслевых министерств, различные конференции, семинары, деловой форум, спортивные соревнования. Как уже упоминалось, работа может быть организована с привлечением только участников БРИКС, а также в формате «аутрич» / «БРИКС плюс». При этом следует отметить, что БРИКС не является международной организацией в классическом понимании, структура и деятельность этого межгосударственного объединения не институционализированы.

В условиях усиливающегося взаимодействия государств в рамках БРИКС возникает вопрос о месте, которое в текущей повестке занимают вопросы налогообложения в целом и международного налогообложения в частности. Возможно ли сближение правового регулирования налоговых систем государств? Есть ли перспективы у формирования общего наднационального регулирования международного налогообложения в рамках объединения?

Налогообложение в повестке БРИКС

Следует честно признать, что вопросы налогообложения не являются центральными для БРИКС. Так, например, ни в одном из шести приоритетных направлений в рамках 2025 г., который прошел под председательством Бразилии, прямо не упомянуты вопросы налогообложения². Вместе с тем определенная работа в этой сфере проводится.

Первой декларацией по итогам саммита глав государств, в которой были непосредственно отражены вопро-

сы налогообложения, стала Форталезская декларация по итогам VI саммита БРИКС (г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г.)³. Государства выразили обеспокоенность получившим широкое распространение агрессивным налоговым планированием и согласились с необходимостью взимания налога с доходов в тех юрисдикциях, где осуществляется экономическая деятельность, а также подтвердили приверженность совместному подходу к решению вопросов, связанных с налоговым администрированием, и стремление расширять сотрудничество в рамках международных форумов, посвященных проблемам размыывания налогооблагаемой базы и вопросам обмена информацией в налоговых целях (п. 17 декларации). Упоминание именно этих вопросов в декларации выглядит весьма логичным, поскольку они в полной мере соответствуют актуальной на тот момент времени повестке в сфере международного сотрудничества по вопросам налогообложения — в частности, очевидны параллели с реализуемым по поручению Большой двадцатки (G20) под эгидой ОЭСР проектом BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), который направлен на борьбу с размыыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения.

В последующие годы общая ситуация с вопросами налогового права в декларациях по итогам саммитов сохранилась примерно одинаковой. Как правило, это были один, максимум два пункта из декларации, а среди упоминаемых вопросов чаще всего встречались борьба со злоупотреблениями

² URL: <https://brics.br/en/about-the-brics/brazilian-presidency> (дата обращения: 02.04.2026).

³ С декларациями, принятыми по итогам саммитов БРИКС, можно ознакомиться на сайте Национального комитета по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС): URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 02.04.2026).

(в частности, с размытием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения), развитие налоговой прозрачности и обмена информацией, в том числе в автоматическом режиме, а также совершенствование налогового администрирования, включая обмен лучшими практиками. В декларациях встречались прямые отсылки к Большой двадцатке (G20), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), проекту BEPS и Инклюзивной группе (Inclusive Framework) ОЭСР / G20.

На наш взгляд, принципиально новое звучание вопросы налогообложения получили в Казанской декларации от 23 октября 2024 г. по итогам XVI саммита БРИКС. В ней была подчеркнута ключевая роль Большой двадцатки (G20) как главной международной платформы для многостороннего финансово-экономического сотрудничества и в том числе выражена поддержка «Декларации Рио-де-Жанейро о международном налоговом сотрудничестве» 2024 г.⁴, которая названа в Казанской декларации «исторической» (п. 14 декларации). Вместе с тем основными вопросами налогового права стали институционализация сотрудничества в налоговой сфере (п. 102 декларации) и поддержка резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 78/230 «Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в области налогообложения в ООН» (п. 103 декларации).

В 2024 г. налоговое взаимодействие в рамках БРИКС впервые получило институциональное оформление — было принято Рамочное соглаше-

ние о Форуме глав налоговых служб стран БРИКС⁵, что рассматривается как важный шаг в направлении систематического и последовательного сотрудничества между странами БРИКС в этой области (п. 102 декларации). Принципиальным стал переход к регулярной деятельности рабочих групп, работа которых организована в проектном формате по ключевым направлениям «Люди», «Данные» и «Технологии». Всего созданы четыре рабочие группы — «Модернизация НДС», «Клиентоцентричный подход в налоговом администрировании», «Получение и использование данных» и «HR-практики в налоговом администрировании». В повестке — разработка руководств, рекомендаций и обзоров лучших практик, а также конкретных технических решений.

На заседании руководителей и экспертов налоговых администраций стран БРИКС 23–25 сентября 2025 г. в г. Манаусе (Бразилия) ФНС России представила маркетплейс цифровых решений (BRICS Tax Collaboration Tool) — электронный ресурс с описанием наиболее развитых технологических решений в сфере налогового администрирования в странах БРИКС. Кроме этого, на заседании обсуждались предварительные итоги работы над созданием Сети поддержки налогоплательщиков (BRICS Tax Support Network), которая направлена на облегчение взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами государств БРИКС, а также был представлен прототип интерактивной библиотеки знаний об особенностях налогообложения в странах БРИКС (BRICS Tax Knowledge Hub). Подробная информация об этих ресурсах и других результатах сотрудничества

⁴ Речь идет о Декларации министров финансов Большой двадцатки (G20) о международном налоговом сотрудничестве (25–26 июля 2024 г., Рио-де-Жанейро), текст декларации доступен по ссылке: URL: <https://www.gov.br/g20/en/documents/finance-track> (дата обращения: 02.04.2026).

⁵ URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/about_fts/inttax/cooperation/Final_GF_pdf.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

по линии БРИКС размещена на сайте ФНС России⁶.

Вторым вопросом налогового права, который непосредственно прозвучал в Казанской декларации, стала поддержка ООН в предпринимаемых ею шагах по развитию международного сотрудничества в сфере налогообложения.

В течение длительного времени основной площадкой для международного сотрудничества по вопросам налогообложения оставалась ОЭСР. Вместе с тем в настоящее время далеко не все государства довольны международными дискуссиями по налоговой политике на платформе ОЭСР и результатами, к которым они привели. Многие государства с развивающейся и переходной экономикой, в частности государства Глобального Юга, полагают, что их мнение не в полной мере услышано Инклюзивной группой ОЭСР/G20, а интересы недостаточно отражены в результатах переговоров⁷.

В 2024 г. встреча лидеров государств БРИКС прошла в формате «аутрич» / «БРИКС плюс» с участием развивающихся стран и государств с формирующимся рынком из Африки, Азии, Европы, Латинской Америки и Ближнего Востока под девизом «БРИКС и Глобальный Юг: совместное строительство лучшего мира». В этой связи неудивительно увидеть в декларации по итогам саммита заявление о поддержке проекта ООН о разработке рамочной конвенции о международном налоговом сотрудничестве, который был инициирован в значительной степени государствами Глобального

Юга — именно этому вопросу посвящена принятая Генеральной Ассамблеей ООН 22 декабря 2023 г. Резолюция № 78/230 «Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в области налогообложения в ООН»⁸. Данная инициатива ООН нашла отражение в отечественной⁹ и зарубежной¹⁰ литературе. Подготовка итогового текста рамочной конвенции запланирована на конец 2027 г.¹¹

О правовом регулировании вопросов налогообложения в государствах БРИКС

Рассмотрение вопросов налогообложения в государствах БРИКС было бы неполным без постановки вопроса о том, можно ли говорить на текущем этапе о реальности перспектив сближения правового регу-

⁸ URL: <https://financing.desa.un.org/document/promotion-inclusive-and-effective-international-tax-cooperation-united-nations-ares78230> (дата обращения: 02.04.2026).

⁹ Килинкарлова Е.В. Международные организации и налоговые вызовы цифровой экономики: между сотрудничеством и конкуренцией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 364–367; Мачехин В.А. ООН и международное налогообложение прибыли ТНК: новые старые идеи // Налоговед. 2025. № 11. С. 26–32; Пономарева К.А. Варианты многосторонних решений вопросов международного налогообложения и их оценка с позиции налоговой безопасности государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 3. С. 700–702; Пономарева К.А. Реформы международного налогообложения: стремление к цели или только путь? // Закон. 2025. № 11. С. 57–66.

¹⁰ Так, например, один из ведущих зарубежных журналов по вопросам международного налогообложения Intertax в 2025 г. посвятил отдельный номер инициативе ООН. Отметим некоторые статьи из данного номера, которые показались автору наиболее интересными: Brauner Y. What Can the UN Do That the OECD Can't or Won't? // Intertax. 2025. Vol. 1. P. 44–55; Titus A. From Africa to the World: Pathways to Inclusivity and Political Justice at the UN // Intertax. 2025. Vol. 1. P. 85–92.

¹¹ С информацией о текущем ходе работы по подготовке рамочной конвенции можно ознакомиться на посвященном ей разделе сайта ООН: URL: <https://financing.desa.un.org/unfcitc> (дата обращения: 02.04.2026).

⁶ Подробная информация представлена, в частности, на сайте ФНС России: URL: <https://www.nalog.gov.ru/eng/brics> (дата обращения: 02.04.2026).

⁷ Килинкарлова Е.В. Международные организации и налоговые вызовы цифровой экономики: между сотрудничеством и конкуренцией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 365.

лирования налогообложения в целом и формирования единого правового пространства в отношении налогообложения в трансграничных ситуациях в частности. Тем более что отечественная наука налогового права демонстрирует интерес к сравнительно-правовым исследованиям в контексте права государств БРИКС¹².

Что касается перспективы сближения правового регулирования налогообложения в пространстве БРИКС, то, как представляется, проводимая в настоящее время налоговыми органами государств работа по разработке руководств, рекомендаций и обзоров лучших практик может способствовать закреплению общих подходов. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что на настоящий момент в фокусе внимания правила, касающиеся налогового администрирования, а не собственно сущностные правила налогообложения. Данное обстоятельство, а также то, что речь идет о государствах, которые находятся на разных уровнях экономического развития и имеют разные приоритеты в налоговой политике, позволяет предполагать, что если сближение правового регулирования и произойдет, то в первую очередь в части налоговых процедур и правил борьбы с налоговыми зло-

употреблениями. С учетом опыта зарубежных государств по внедрению единых подходов к налогообложению в рамках интеграционных объединений можно смело утверждать, что если в формате БРИКС и будет принято решение о сближении правового регулирования налогообложения в том или ином формате, то скорее всего речь будет идти о косвенном налогообложении — в первую очередь НДС. Перспективы перехода к единообразному регулированию подоходного налогообложения представляются минимальными. Также возникают вопросы о механизмах, которые могут быть использованы в целях сближения правового регулирования. С учетом специфики функционирования БРИКС на современном этапе, очевидно, речь может идти только об инструментах мягкого права, в том числе рекомендациях и обзорах лучших практик, что совершенно не гарантирует реального сближения правового регулирования.

На настоящий момент каких-либо международных налоговых договоров в формате БРИКС не заключено, отсутствует информация и о соответствующих проектах. В литературе высказывались предложения о разработке в рамках БРИКС многосторонней конвенции о разрешении трансграничных налоговых споров и многосторонней конвенции об устранении двойного налогообложения¹³, однако эти инициативы не получили практической реализации. Поэтому применительно к наднациональному регулированию налогообложения в государствах БРИКС обратимся к существующим международным налоговым договорам на примере договоров с участием России.

¹² Автор не претендует на полный обзор имеющихся по данной тематике публикаций, однако хотела бы отметить ряд монографий, подготовленных в рамках деятельности Института права БРИКС: Курочкин Д.А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС: сравнительно-правовое исследование. М.: Юстицинформ, 2023. 290 с.; Пустовалов Е.В. Правовые проблемы защиты прав налогоплательщиков в рамках процедур обмена налоговой информацией в государствах БРИКС (на основе анализа правовых систем России, Индии и ЮАР). М.: Юстицинформ, 2023. 256 с.; Захаров Е.А. Налогообложение иностранных организаций, осуществляющих экономическую деятельность через постоянное представительство сервисного типа — service permanent establishment на примере правовых систем России и группы БРИКС. М.: Юстицинформ, 2023. 220 с.

¹³ Vinnitskiy D. BRICS and Developing Countries Legal Experts Forum: Emergence of International Coordination in Economic and Tax Law // BRICS Law Journal. 2018. Vol. 5. Iss. 1. P. 140–168.

Таблица 1

**Действующие соглашения об избежании двойного налогообложения
между РФ и государствами — участниками БРИКС**

Государство	Дата подписания	Дата вступления в силу	Дата начала применения
Бразилия	22.11.2004	19.06.2017	01.01.2018
Египет	23.09.1997	06.12.2000	01.01.2001
Индия	25.03.1997	11.04.1998	01.01.1999
Индонезия	12.03.1999	17.12.2002	01.01.2003
Иран	06.03.1998	05.04.2002	01.01.2003
КНР	13.10.2014	09.04.2016	01.01.2017
САР Гонконг (КНР)	18.01.2016	29.07.2016	01.01.2017
ОАЭ	17.02.2025	18.07.2025	01.01.2026
Саудовская Аравия	01.02.2007	01.02.2010	01.01.2011
Эфиопия	26.11.1999	—	—
ЮАР	27.11.1995	26.06.2000	01.01.2001

Таблица 2

**Действующие соглашения об избежании двойного налогообложения
между РФ и государствами — партнерами БРИКС**

Государство	Дата подписания	Дата вступления в силу	Дата начала применения
Беларусь	21.04.1995	20.01.1997	01.01.1998
Боливия	—	—	—
Вьетнам	27.05.1993	21.03.1996	01.01.1997
Казахстан	18.10.1996	29.07.1997	01.01.1998
Куба	14.12.2000	15.11.2010	01.01.2011
Малайзия	17.05.2024	03.09.2025	01.01.2026
Нигерия	—	—	—
Таиланд	23.09.1999	15.01.2009	01.01.2010
Уганда	—	—	—
Узбекистан	02.03.1994	27.07.1995	01.01.1996

Как известно, основной массив международных налоговых договоров составляют соглашения об избежании двойного налогообложения. Для удобства восприятия информация об имеющихся договорах приведена в двух таблицах — первая отражает соглашения России с государствами — участниками БРИКС, а вторая — с государствами-партнерами¹⁴.

Прежде всего нельзя не отметить, что действующие соглашения об избежании двойного налогообложения есть у России не со всеми государствами — участниками и партнерами БРИКС. Например, соглашение с Эфиопией было подписано в 1999 г., но так и не вступило в силу. В принципе отсутствуют договоры еще с двумя государствами Африки — Нигерией

¹⁴ Таблица подготовлена на основе информации на сайте Министерства финансов РФ. URL:

https://minfin.gov.ru/ru/performance/tax_relations/international (дата обращения: 02.04.2026).

и Угандой. Обращает на себя внимание и тот факт, что с некоторыми государствами между датой подписания и датой вступления в силу прошло значительное время, что указывает на определенные сложности в развитии двусторонних отношений по вопросам устранения двойного налогообложения. Так, среди лидеров по этому параметру — соглашение с Бразилией, между подписанием и вступлением в силу которого прошло почти 13 лет, а также соглашения с Таиландом и Кубой, в отношении которых на вступление в силу после подписания потребовалось почти 10 лет.

Следует подчеркнуть, что приведенные выше соглашения заключены в разные периоды времени и отражают разные этапы развития налоговой политики России и государств-партнеров. В том числе отметим, что с некоторыми из государств БРИКС совсем недавно были заключены новые соглашения — так, в 2024 г. было подписано новое соглашение с Малайзией взамен последнего соглашения об избежании двойного налогообложения СССР, которое продолжало действовать в отношении России, а в 2025 г. было подписано новое соглашение с ОАЭ, которое пришло на смену ранее действовавшему соглашению с очень ограниченной сферой применения.

Возникает вопрос: возможно, несмотря на формальное существование целой сети двусторонних договоров, на самом деле регулирование единообразно, что позволило бы говорить о его сущностном мультилатерализме? Действительно, соглашения об избежании двойного налогообложения в значительной степени похожи друг на друга, однако между ними могут быть отдельные существенные расхождения. Речь идет в первую очередь

о том, как распределены между государствами права на налогообложение пассивных доходов — процентов, дивидендов и роялти, имеют значение особенности определения понятия постоянного представительства. Также на современном этапе особое значение приобретает закрепление в соглашениях правил, направленных на борьбу с налоговыми злоупотреблениями, либо применение данных правил с учетом действия Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Париж, 24 ноября 2016 г.).

Анализ положений соглашений об избежании двойного налогообложения между Россией и государствами — участниками и государствами — партнерами БРИКС позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии единообразия в регулировании по вопросам, которые являются ключевыми в контексте осуществления инвестиций и противодействия налоговым злоупотреблениям. Так, дистрибутивные правила в отношении дивидендов, процентов и роялти демонстрируют значительное разнообразие, нет единства и в определении постоянного представительства. Весьма дифференцированным выглядит правовое регулирование в части применимых к соглашениям антиуклонительных правил.

Теперь обратимся к вопросу об участии государств — участников и государств — партнеров БРИКС в основных многосторонних налоговых договорах — Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 г., с изм. и доп. от 27 мая 2010 г.) и Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к нало-

говым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Париж, 24 ноября 2016 г.). Возможно, этих правовых инструментов достаточно для обеспечения единообразного регулирования соответствующих вопросов без заключения дополнительных международных налоговых договоров в формате БРИКС?

Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам¹⁵ на настоящий момент является многосторонним международным налоговым договором с самым широким кругом участников — на момент написания данной статьи в ней участвовали 152 государства и территории.

В декларации по итогам XI саммита БРИКС, который прошел в г. Бразилиа (Бразилия) 14 ноября 2019 г., содержался призыв ко всем государствам подписать и ратифицировать Конвенцию о взаимной административной помощи по налоговым делам (п. 61 декларации). Вместе с тем на настоящий момент не все государства — участники и государства — партнеры БРИКС присоединились к этой конвенции. В данной конвенции не участвуют три государства — участника БРИКС: Египет, Иран и Эфиопия, а также шесть государств — партнеров БРИКС: Беларусь, Боливия, Куба, Нигерия, Уганда и Узбекистан.

Если обратиться к другому многостороннему инструменту по вопросам налогообложения — Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения¹⁶, то ситуа-

ция в целом выглядит похожим образом. На момент написания статьи последнее обновление информации о количестве участников данной конвенции произошло 12 января 2026 г. — в ней участвуют 107 государств. К конвенции не присоединились два государства — участника БРИКС — Иран и Эфиопия (до недавнего времени три государства — Бразилия подписала конвенцию только 20 октября 2025 г.), а также пять государств — партнеров БРИКС: Беларусь, Боливия, Куба, Уганда и Узбекистан. В отношении данной конвенции также отметим, что участие государства в конвенции еще не означает, что она будет распространяться на все его соглашения об избежании двойного налогообложения. Также нужно учитывать и высокую степень свободы выбора применимых положений, которую представляет многосторонняя конвенция.

Таким образом, на настоящий момент на уровне международных договоров на пространстве БРИКС крайне преждевременно говорить о существовании формального или содержательного мультилатерализма. Крайне затруднительно усмотреть предпосылки и для формирования единого наднационального регулирования в обозримом будущем.

Интеграция в области налогообложения в рамках БРИКС: быть или не быть?

С учетом всего изложенного выше, на наш взгляд, ответ на вопрос, вынесенный в название статьи — «БРИКС и межгосударственное сотрудничество по вопросам налогообложения: есть ли шанс на интеграцию?», — будет скорее отрицательным.

Как представляется, основные результаты межгосударственного сотрудничества по вопросам налогообложения в рамках БРИКС на

¹⁵ URL: <https://www.oecd.org/en/topics/convention-on-mutual-administrative-assistance-in-tax-matters.html> (дата обращения: 02.04.2026).

¹⁶ URL: <https://www.oecd.org/en/topics/beps-multilateral-instrument.html> (дата обращения: 02.04.2026).

настоящий момент связаны с работой, которая проводится по линии налоговых органов и касается в первую очередь разработки руководств, рекомендаций и обзоров лучших практик, а также конкретных технических решений, направленных на повышение качества налогового администрирования и информирования о правилах налогообложения в государствах — участниках БРИКС.

При наличии политической воли, безусловно, сближение правового регулирования налогообложения на пространстве БРИКС было бы возможно, но на настоящий момент очевидных признаков заинтересованности государств в развитии сотрудничества (в том числе в формате

заключения многосторонних международных налоговых договоров) эксклюзивно под эгидой БРИКС автор не усматривает.

На более ранних этапах в итоговых декларациях по итогам саммитов БРИКС отчетливо прослеживалась поддержка проектов Большой двадцатки и ОЭСР. Начиная с 2024 г. в итоговых декларациях фокус внимания несколько сместился на работу по развитию межгосударственного сотрудничества в области налогообложения, проводимую под эгидой ООН. На наш взгляд, дальнейшее развитие сотрудничества по вопросам налогообложения в рамках ООН и следует рассматривать как приоритетное для БРИКС на текущем этапе.

Литература

1. Захаров Е.А. Налогообложение иностранных организаций, осуществляющих экономическую деятельность через постоянное представительство сервисного типа — *service permanent establishment* на примере правовых систем России и группы БРИКС : монография / Е.А. Захаров ; под научной редакцией Д.В. Винницкого. Москва : Юстицинформ, 2023. 220 с.
2. Килинкарлова Е.В. Международные организации и налоговые вызовы цифровой экономики: между сотрудничеством и конкуренцией / Е.В. Килинкарлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 356–369.
3. Курочкин Д.А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (*General Anti-Avoidance Rules*) в государствах БРИКС : сравнительно-правовое исследование / Д.А. Курочкин. Москва : Юстицинформ, 2023. 290 с.
4. Мачехин В.А. ООН и международное налогообложение прибыли ТНК: новые старые идеи / В.А. Мачехин // Налоговед. 2025. № 11. С. 26–32.
5. Пономарева К.А. Варианты многосторонних решений вопросов международного налогообложения и их оценка с позиции налоговой безопасности государства / К.А. Пономарева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 3. С. 692–709.
6. Пономарева К.А. Реформы международного налогообложения: стремление к цели или только путь? / К.А. Пономарева // Закон. 2025. № 11. С. 57–67.
7. Пустовалов Е.В. Правовые проблемы защиты прав налогоплательщиков в рамках процедур обмена налоговой информацией в государствах БРИКС (на основе анализа правовых систем России, Индии и ЮАР) / Е.В. Пустовалов. Москва : Юстицинформ, 2023. 256 с.

References

1. Brauner, Y. What Can the UN Do That the OECD Can't or Won't? / Y. Brauner // 2025. *Intertax*. Iss. 1. P. 44–55.
2. Titus, A. From Africa to the World: Pathways to Inclusivity and Political Justice at the UN / A. Titus // *Intertax*. 2025. Iss. 1. P. 85–92.
3. Vinnitskiy, D. BRICS and Developing Countries Legal Experts Forum: Emergence of International Coordination in Economic and Tax Law / D. Vinnitskiy // *BRICS Law Journal*. 2018. Vol. 5. Iss. 1. P. 140–168.

Law Between East and West

No. 2 / 2026

The Journal is published with the support of the Foundation of Grateful Graduates of the International Law School of MGIMO

Editor in Chief

Gennady P. Tolstopyatenko, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

Aleksey A. Malinovsky, LL.D., Associate Professor
Natalya I. Platonova, PhD (Law), Associate Professor

Executive Secretary

Dina M. Osina, PhD (Law)

Editorial board:

Adel I. Abdullin, LL.D., Professor
Lana L. Arzumanova, LL.D., Professor
Vladimir M. Baranov, LL.D., Professor,
Honored Scientist of the RF
Tatyana A. Vasilyeva, LL.D., Associate Professor
Aleksandr G. Volevodz, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Vyacheslav V. Gavrilov, LL.D., Associate Professor
Elena Yu. Gracheva, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Maria V. Zakharova, LL.D.
Sergey B. Zinkovsky, PhD (Law), Associate Professor
Igor A. Kravets, LL.D., Professor
Yury E. Monastyrsky, LL.D.
Elena I. Nosyreva, LL.D., Professor
Konstantin V. Obrazhiev, LL.D., Professor
Elena V. Pokachalova, LL.D., Professor
Ekaterina A. Ryzhkova, PhD (Law), Associate Professor
Akmal Kh. Saidov, Academician of the Academy
of Sciences of Uzbekistan, LL.D., Professor;
Elina L. Sidorenko, LL.D., Professor
Oleg Yu. Skvortsov, LL.D., Professor
Elena N. Trikoz, LL.D., Associate Professor
Aleksandra A. Troitskaya, LL.D., Professor
Pavel V. Troschinsky, PhD (Law)
Mikhail A. Tserkovnikov, PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, academician of the RAE,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N., Platonova O.F.,
Truntsevskiy Yu.V.

Proofreading: Vorobyova N.N.

Layout: Kurukina E.I.

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-84258 of December 5, 2022. Issued since 2024. Published twice a half-year.

INTERACTION BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

- Favio Farinella.** Judicial Sovereignty vs. International Law: How the Argentine Supreme Court Controls the Validity of International Treaties...2
- Alexander M. Solntsev.** Implementation Issues of the Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSA) in National Legal Orders..... 14

PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTE RESOLUTION

- Oleg Yu. Skvortsov.** The Principle of International Rudence.....24
- Dmitry V. Tarikanov.** The Conflict of Characterization of the Necessity to Seize the Court to Rescind the Contract in Private International Law32

LEGAL GEOGRAPHY AND COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Elena N. Trikoz.** The System of Traditional Values in India and Legal Means of Their Protection48
- Anna M. Lapteva.** The Role of National (Domestic) Legislation in Forming Investment Regimes in the EAEU Member States.....61

COMPARATIVE ADMINISTRATIVE LAW

- Pavel A. Kuryndin.** The Concept of an Administrative act in France: Definition, Classification, and Features of Entry Into Force72
- Isa A. Khamedov.** Constitutional Foundations of Modern Administrative Law in the Republic of Uzbekistan80

COMPARATIVE FINANCIAL LAW

- Elena V. Kilinkarova.** BRICS and International Cooperation in Taxation: is There a Chance for Integration?.....87

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. Printer's sheet 12,5.

Conventional printed sheet 12,5.

ISSN 3034-2953

Passed for printing: 09.06.2026.

Issue was published: 18.06.2026.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Printed by National Polygraphic
Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga,

248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction
of materials without prior written
permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance
with law.

Founder: MGIMO University

Judicial Sovereignty vs. International Law: How the Argentine Supreme Court Controls the Validity of International Treaties

Favio Farinella, Director of the Centre for Research on International Law and Regional Integration of the Universidad Nacional de Mar del Plata, PhD (Law)

This study examines how the Argentine Supreme Court controls the domestic validity of international treaties through a rigorous formalist doctrine. It posits that the Court has constructed a “complex federal act” requiring three constitutive stages—executive signature, congressional approval, and executive ratification with international deposit—as a *sine qua non* for any treaty’s domestic applicability. Through doctrinal analysis of landmark cases including Ekmekdjian (1992) and the watershed Acevedo ruling (2025), the study finds that the Court prioritizes procedural constitutional fidelity over legal certainty derived from its own prior precedent. The results reveal a judicial strategy that asserts ultimate authority over the gateway for international law, conditioning validity before any substantive application may occur.

Keywords: International treaties, Argentine Constitution, complex federal act, treaty incorporation, Acevedo, Control of Conventionality, Counter-Limits.

Implementation Issues of the Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA) in National Legal Orders

Alexander M. Solntsev, Deputy Head of the International Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University, PhD (Law), Associate Professor

This article analyzes the legal and institutional challenges of implementing the Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA), adopted within the framework of the International Civil Aviation Organization (ICAO), in national legal orders. The author explains the regulatory nature of CORSIA as a sectoral global market mechanism integrated into the Chicago System through Volume IV of Annex 16 to the Convention on International Civil Aviation, and demonstrates how its implementation relies on a set of requirements for monitoring, reporting, and verification of emissions, as well as the use of “eligible” emission reduction units. Based on an analysis of individual countries’ practices, key implementation challenges are identified: conflicts and regulatory fragmentation in the context of the coexistence of CORSIA and national/regional ETSs; the economic burden on air carriers; and uncertainty regarding the quality criteria for carbon units. Particular attention is paid to the position and practice of the Russian Federation, which combines an initially critical attitude toward CORSIA with gradual legal and institutional adaptation. The article analyzes draft amendments to the Russian Federation’s Air Code and legislation on limiting greenhouse gas emissions, the development of a national accreditation system for validators and verifiers, and Russia’s application for accreditation of a voluntary emission reduction system under CORSIA. It concludes that CORSIA implementation represents not only a technical challenge of implementing international standards but also a political and legal choice associated with balancing climate goals, sovereignty in energy and transport policy, and geopolitical realities.

Keywords: CORSIA, ICAO, international air law, climate change, carbon markets, climate law, implementation.

The Principle of International Rudeness

Oleg Yu. Skvortsov, Professor of the Department of Commercial Law of the Saint Petersburg State University, Senior Counsel of the International Law Firm DENUO LL.D (Law), Professor

This article examines a phenomenon the author terms the “principle of international rudeness”. This “principle” is viewed as the antithesis of the principle of *comitas gentium*. The institutionalization of the principle of international rudeness takes the form of so-called “sanctions law”, which is generated by states in the Global North against developing countries and Russia in order to maintain ideological, political, and economic leadership in the global world order. Sanctions law has no basis in international law and cannot be justified morally or legally. Sanctions law, based on the principle of international rudeness, distorts all the fundamental institutions that underpin cross-border economic activity: property rights, contract law, liability, investor protection standards, and judicial protection of the rights of individuals and legal entities.

Keywords: principle of international rudeness, *comitas gentium*, sanctions law, restrictive economic measures.

The Conflict of Characterization of the Necessity to Seize the Court to Rescind the Contract in Private International Law

Dmitry V. Tarikanov, Professor of the S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, LL.D (Law)

One of the basic institutions of private international law is the conflict of characterization. It is the consequence of the fact that the same social relations are arranged differently in different legal orders. An obscure, but rather important for the practice example of the conflict of characterization is dealt with in this article. This is a question whether it is necessary to seize the court to rescind the contract or the mere unilateral will is enough for that. While the roman legal orders follow the first model, the German law uses the latter one. The dogmatic solutions of the conflict of characterization would not correspond to the legal policy, because the State structure is involved. This is the competence of the judiciary. That is why the party should have the right to seize the court to rescind the contract each time as the *lex fori* or the applicable foreign law let it.

Keywords: conflict of characterization, rescission of the contract, private international law, seizing the court, unilateral deal.

The System of Traditional Values in India and Legal Means of Their Protection

Elena N. Trikoz, Professor of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, LL.D (Law) Associate Professor

The article analyzes the meaning of the concept of “traditional values” in the legal system of India, their traditional list in the general cultural context and in relation to constitutional legal values. A detailed analysis of the elements of the *dharma* concept as a traditional spiritual and moral value is presented through the prism of the sacred texts of Hinduism and further interpretation in judicial practice. Special attention is paid to traditional values related to loyalty to the family, filial duty, respect for guests and special reverence

for the guru-mentor. The experience gained in India of criminal law measures for the protection of traditional values is also shown.

Keywords: Indian Constitution, values, religion, dharma, traditional knowledge, justice system, criminal measures, judiciary.

The Role of National (Domestic) Legislation in Forming Investment Regimes in the EAEU Member States

Anna M. Lapteva, Head of the Department of Financial Law of the HSE University in St. Petersburg, PhD (Law), Associate Professor

The paper is concerned with the role of national (domestic) legislation in the formation of investment regimes of the member countries of the Eurasian Economic Union. It also discusses trends in the regulation of investment activity from the perspective of the regime approach and compares these trends with the development of domestic law and order. It is known that national legislation plays an essential role in establishing investment regimes, since the formulation of the internal framework governing investment activities is the competence of the State. It should also be noted that modern states establishing investment regimes consider several socio-economic and political factors, including competition in the global market. The member countries of the Eurasian Economic Union share a common historical background and maintain cooperative links with one another. Therefore, it is important for these countries to understand the legal environment of their partners for successful collaboration on investment projects.

Keywords: investments, investment regime, investment activity, EAEU, investment legislation.

The Concept of an Administrative act in France: Definition, Classification, and Features of Entry Into Force

Pavel A. Kuryndin, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Saint Petersburg State University, PhD (Law)

The concept of “administrative act” is central to modern administrative law. However, even in countries belonging to the same legal family, it can differ. Russian academic literature tends to focus on the German experience, which distinguishes between normative and individual acts. At the same time, French administrative law is interesting both for its judicial origins and for its legislative regulation, which is unusual for the Russian tradition. The notion of “administrative act” there forms one concept. Furthermore, French law explicitly recognizes a third type of act: neither normative nor individual, that is, acts that exhibit different properties depending on the circumstances (for example, in urban planning). The law also regulates the procedure for concluding and executing administrative contracts. With that, the legal force of an act is in any case linked to the presence of an authoritative order within it, which is the primary issue in judicial review in the event of an appeal; the form of the act then becomes secondary. In addition, the legislator especially pays attention to the publication (notification) of the adopted act, which can help in appealing, including if such an act affects the interests of third parties.

Keywords: France, administrative act, decision, normative and individual act, unilaterality and multilateralism, administrative contract, legal force, entry into force.

Constitutional Foundations of Modern Administrative Law in the Republic of Uzbekistan

Isa A. Khamedov (1952–2025), Head of the Center for State Building and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, LL.D (Law), Professor

This article, devoted to the constitutional foundations of modern administrative law in the Republic of Uzbekistan, examines constitutional legal principles, in particular, regarding the legal, social, and secular nature of the Republic of Uzbekistan, popular sovereignty, proportionality, the inviolability of honor and dignity of the individual, as well as the constitutional legal foundations of executive power and, in their development, the constitutional legal foundations of control and supervision. In this regard, the author addresses topical issues of administrative law reform, trends in the development of modern administrative law in the Republic of Uzbekistan, as well as institutions typical for a state governed by the rule of law for controlling the legality of public administration: administrative justice, the system of pre-trial administrative justice, administrative proceedings, and administrative justice.

Keywords: constitution, rule of law, administrative law, executive power, constitutional foundations, separation of powers, administrative body, constitutional reform, public administration, administrative act, presidential power, constitutional law, state management, constitutional principles.

BRICS and International Cooperation in Taxation: is There a Chance for Integration?

Elena V. Kilinkarova, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Saint Petersburg State University, PhD (Law), Associate Professor

The number of countries involved in intra-BRICS cooperation has dramatically increased in recent years. The author analyses the role of tax issues within the BRICS alliance. Does this cooperation facilitate convergence between the legal regulations of the tax systems? Are there any prospects for establishing a common supranational regulation of international taxation within the bloc? The author concludes that at present it is highly premature to speak of the existence of formal or substantive multilateralism at the level of tax treaties within the BRICS framework. Moreover, there are no signs of a unified supranational regulation shaping up in the foreseeable future. Currently, the main outcomes of BRICS tax cooperation stem from the work of national tax authorities. These efforts focus on developing guidelines, recommendations, and best practice reviews, as well as practical technical solutions aimed at improving tax administration and raising awareness of tax rules across the member states.

Keywords: taxes, tax law, international taxation, BRICS.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru